

**Генри
Чарльз Ли**

**История инквизиции в
средние века. Том
первый —**

**Происхождение и
процедура инквизиции**

Генри Чарльз Ли

**История инквизиции в
средние века. Том первый
— Происхождение и
процедура инквизиции**

«Автор»

2026

Ли Г.

История инквизиции в средние века. Том первый —
Происхождение и процедура инквизиции / Г. Ли — «Автор»,
2026

Книга Генри Чарльза Ли (1888) — классический труд по истории инквизиции. Автор, американский историк-самоучка, создал трёхтомное исследование на основе копий архивных документов, собранных через сеть корреспондентов в Европе. Ли рассматривает инквизицию как закономерное следствие коррупции средневековой Церкви и богословских предпосылок о подавлении ереси. Современная историография признаёт его пионером «научной» истории инквизиции, но отмечает влияние антиклерикальных взглядов на объективность.

© Ли Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ведение	5
Глава первая. — Церковь	15
Глава вторая. — Ереси.	42
Глава третья. — Катары.	58
Глава четвертая. — Альбигойские крестовые походы	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Генри Чарльз Ли

История инквизиции в средние века.

Том первый — Происхождение и процедура инквизиции

Введение

Генри Чарльз Ли (Henry Charles Lea, 1825–1909) — американский историк, издатель и общественный реформатор, ставший одним из самых авторитетных исследователей истории инквизиции. Его труд «История инквизиции в Средние века» (1888) до сих пор считается классическим.

Основные факты биографии

- **Происхождение и образование** : Родился в Филадельфии в семье известного издателя и учёного-натуралиста. Систематического образования не получил: из-за слабого здоровья учился частным образом, так и не окончив школу или университет.

- **Карьера** : С 1843 по 1880 год активно управлял семейным издательским домом, который при нём специализировался на медицинской и научной литературе.

- **Общественная деятельность** : Участвовал в Гражданской войне в США (в Союзной лиге), был одним из основателей и президентом Ассоциации муниципальных реформ Филадельфии, выступал за улучшение городского управления. Также способствовал созданию Бесплатной библиотеки Филадельфии.

- **Академическое признание** : В 1902–1903 годах занимал пост президента Американской исторической ассоциации. Был избран почётным членом Московского университета (1903).

Научная деятельность и значение

Ли начал публиковаться по истории с конца 1850-х годов. Его первая книга, «Суеверие и сила» (1866), была посвящена средневековым методам доказывания (ордалии, судебные поединки, пытки). Постепенно его интересы сконцентрировались на истории церковных институтов.

Главные труды:

- **«История инквизиции в Средние века»** (3 тома, 1888) — та самая работа, французский перевод которой вы читаете.

- **«История инквизиции в Испании»** (4 тома, 1906–1907) — считается его magnum opus.

- Другие работы: «Исторический очерк sacerdotal celibacy» (1867), «Исследования по истории церкви» (1869), «История аурикулярной исповеди и индульгенций» (1896).

Ли отличался скрупулёзной работой с первоисточниками и при жизни получил признание европейских коллег. Его книги вызвали споры (особенно со стороны католических авторов), но даже критики признавали его эрудицию и влияние на историческую науку. Свою обширную библиотеку он завещал Пенсильванскому университету.

Конкретные обстоятельства создания «Истории инквизиции в Средние века» и её оценка в современной историографии достаточно хорошо документированы. Работа создавалась на протяжении десятилетий, а её оценка прошла путь от ожесточённых споров до признания классикой, хотя дискуссия о степени её объективности продолжается.

Обстоятельства создания

· **Долгий путь к теме:** Интерес Ли к инквизиции был не случайным. Ещё в 1868 году он писал другу, что «пытается собрать материалы для истории инквизиции». Этому предшествовали его работы о суевериях, пытках и celibате, в которых он исследовал механизмы церковного принуждения. Его биограф Ричард Каган связывает этот интерес с унитарными убеждениями Ли и его неприятием жестокости и нетерпимости, которые он отождествлял с инквизицией.

· **Метод сбора источников:** Ли, будучи успешным издателем, не посещал европейские архивы лично. Вместо этого он создал сеть платных корреспондентов и копиистов по всей Европе, которые переписывали для него документы из архивов и библиотек. Он также скупал редкие книги и рукописи. Эта обширная коллекция стала основой его библиотеки, завещанной Пенсильванскому университету.

Публикация и перевод: Труд вышел в трёх томах в 1888 году (одновременно в США и Великобритании). Второе американское издание последовало в 1895 году, а пересмотренное — в 1906-м.

Оценка в современной историографии

Современные историки рассматривают работу Ли как поворотный момент в изучении инквизиции, но с важными оговорками.

Признание научного значения:

· **Классический статус:** Работа до сих пор считается классической и обязательной для изучения. Современные исследователи, включая Ричарда Кагана (автора биографии Ли 2025 года), признают её огромное и долговременное значение.

· **Отход от апологетики:** Ли одним из первых отошёл от благочестивого тона предыдущих историков и применил рационалистический подход, основанный на первоисточниках. Он рассматривал инквизицию не как случайное изобретение, а как закономерное следствие сил, господствовавших в средневековом обществе.

· **Влияние на методологию:** Его тщательная работа с документами (через копиистов) и стремление к «научной» истории задали высокую планку для последующих исследований. Даже критики признавали его эрудицию.

Современная критика и дискуссия:

· **Проблема объективности:** Главный вопрос современных дискуссий — в какой степени религиозные (антиклерикальные) убеждения Ли повлияли на его «объективность». Каган в своей биографии специально исследует этот аспект, показывая, как взгляды Ли могли влиять на отбор и интерпретацию материала. Некоторые исследователи отмечают, что его труд стал частью более широкой «антикатолической и анти-испанской» традиции (*Leyenda Negra*).

· **Методологические ограничения:** Ли критиковали за то, что он иногда цитировал источники небрежно (объединяя ссылки на разные страницы в одну) и за склонность к анекдотичности, когда яркий случай мог возводиться в ранг общей тенденции. Кроме того, он не всегда проводил чёткое различие между источниками разных периодов, например, между поздними инквизиторскими руководствами и ранними протоколами допросов.

· **Смена парадигм:** Современная историография инквизиции ушла далеко вперёд. Исследователи теперь гораздо больше внимания уделяют локальным контекстам, социальной истории, анализу риторики документов и сложности взаимоотношений инквизиторов с местными сообществами. Труд Ли, при всей его фундаментальности, рассматривается скорее как отправная точка и свод фактов, чем как окончательная интерпретация.

В целом, современная историография видит в Ли пионера «научной» истории инквизиции, чья колоссальная работа с источниками обеспечила базу для всех последующих исследований, но чьи выводы и сама фигура историка требуют критического контекстуального анализа.

Том первый — Происхождение и процедура инквизиции

Генри Чарльз Ли

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНКВИЗИЦИИ.

Инквизиция — институт, который очень трудно объяснить, если задуматься о том, что он развился в лоне Церкви, провозглашающей Евангелие. Как могла религия, вся сотканная из любви и терпимости, дойти до того, чтобы сжигать заживо тех, кто не принимал свободно её учение? Вот в чём проблема.

Уже в Новом Завете мы находим первый зародыш того ужаса, который позже должна была внушать ересь. Апостол Павел высказывается против неё с энергией, которая, кажется, предвещает суровости и ненависть Средних веков. В своём послании к Титу (гл. III, ст. 10 и 11) он восклицает: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что такой совратился и грешит, будучи самоосуждён». В другом месте он ставит идолослужителя на одну доску с блудником, сребролюбом, хищником, пьяницей и запрещает общаться с ними и есть с ними. «Но» — добавляет он во втором послании к Фессалоникийцам (гл. III, ст. 15) — «не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата». Со своей стороны, апостол Иоанн, столь кроткий и нежный, говорит во втором своём послании (ст. 10): «Если кто приходит к вам и не приносит учения Христова, того не принимайте в дом и не приветствуйте его». А разве сам Иисус не сказал в иносказательном выражении, которое позже было понято буквально: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Евангелие от Иоанна, гл. XV, ст. 6). В последующие века инквизиторы будут ссылаться на эти обескураживающие тексты и истолковывать их со своей слепой жёсткостью, присоединяя к ним весьма ясные предписания Ветхого Завета[1]: «Если брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена твоя, которую ты любишь, или друг твой, который для тебя как душа твоя, будет склонять тебя тайно, говоря: «пойдём и будем служить иным богам, которых не знал ты и отцы твои»; не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его. Но ты непременно убей его; рука твоя да будет первая на него, чтобы убить его, а потом рука всего народа». (Второзаконие, гл. XIII, ст. 6-9; ср. там же, гл. XVII, ст. 1-6.)

Однако истинный смысл евангельского учения столь ясен, что первые христиане с ужасом отвергали любое материальное принуждение в вопросах веры, будучи сами гонимы с крайней суровостью римскими императорами. Несомненно, принцип религиозной терпимости должен был быть им вдвойне дорог. Можно было бы привести множество красноречивых текстов в подтверждение, взятых у Тертуллиана, святого Киприана, Лактанция, святого Илария Пиктавийского, святого Амвросия Медиоланского, святого Григория Назианзина и др. Но когда Константин Великий обнародовал в Милане в 313 году свой эдикт о веротерпимости, положивший конец гонениям на христиан и возвративший им их церкви и конфискованное имущество, христианство, опираясь на поддержку государства, вскоре стало само гонителем. Последовали Никейский собор (325), где тем, кто читал или хранил сочинения ересиарха Ария, угрожали смертью; эдикт 333 года, обнародованный императором Констанцием против инакомыслящих, ровно через сорок лет после Миланского эдикта о веротерпимости, за которым последовало грозное законодательство Грациана, Валентиниана, Феодосия и Юстиниана против язычников, иудеев и еретиков. Так восторжествовал в Церкви и в христианском государстве догмат о подавлении ереси. Уже с V века святой Иоанн Златоуст и святой Августин присоединяются к нему на Западе и на Востоке, хотя из остатка евангельской стыдливости и отвергают смертную казнь.

С этого момента ещё раздавались время от времени отдельные бессильные протесты: таков был голос святого Мартина Турского в 385 году во время казни испанского ересиарха Присциллиана и трёх его учеников в Трире; но уже в 417 году папа Лев I Великий открыто

одобрял это энергичное обращение. Впрочем, Западная Европа почти не знала ереси до тысячного года; но тогда вопрос встал вновь с катарами.

Быть может, именно последнее эхо евангельской традиции мы слышим в письме, написанном около середины XI века льежским епископом Вазоном (1048) своему коллеге в Шалоне: «Господь не хочет смерти грешника... Довольно костров; не будем умерщвлять светским мечом тех, кого наш Творец и Искупитель хочет оставить жить, чтобы они вырвались из сетей дьявола... Те, кто сегодня еретики, могут завтра обратиться и стать нашими начальниками в небесном отечестве. Разве святой Павел не начал с того, что гнал христиан? Епископы — помазанники Господни, не для того, чтобы нести смерть, но, чтобы приносить жизнь». Это была лебединая песня терпимости на Западе. Уже были зажжены костры в 1022 году в Орлеане королём Робертом Благочестивым; папство, всё сильнее давя на светскую власть, постепенно привело к порабощению её Церковью для подавления ереси. В XIII веке Инквизиция вооружена с головы до ног, и папа имеет над ней верховную власть во всём христианском мире, подчинённом Риму.

Когда от Евангелия дошли таким образом до аутодафе, христиане Запада больше не сомневались в законности смертной казни, поражающей еретика как самого опасного нарушителя общественного порядка. В конце XIII века — в своей «Сумме теологии», изучение которой в глубине предписал энцикликой Лев XIII (4 августа 1879) — «ангельский доктор» святой Фома Аквинский так формулирует теорию Римской Церкви по этому вопросу (1274): «Ересь есть грех, которым заслуживают не только отделения от Церкви через отлучение, но и исключения из мира через смерть... Если еретик упорствует в своём заблуждении, Церковь, отчаявшись в его спасении, должна позаботиться о спасении других людей, отсекая его от своего лона приговором об отлучении; в остальном она предаёт его светскому судье, чтобы изгнать его из этого мира через смерть».

А что думали об этом сами еретики? От их сочинений, которые систематически сжигались вместе с их авторами Инквизицией, почти ничего не осталось. Едва ли мы располагаем несколькими язвительными сирвентами трубадуров XIII века против кровавых ужасов альбигойских крестовых походов.

В июле 1410 года, накануне гуситской трагедии, развязанной кострами Констанцского собора, архиепископ Пражский публично сжёг сочинения Уиклифа. Тотчас против него и его духовенства была сложена песня на народном языке, от которой до нас дошла одна гордая строфа: «Аутодафе, предписанное архиепископом Збынком, наносит ущерб чести чехов![2]» Другая песня с презрительной иронией говорила: «Збынек, епископ, который учится читать, предписывает сжигать книги, сам не зная, что в них содержится![3]» От середины XV века (1460), после великой «Вальденской ереси» в Аррасе, до нас дошли десятки горьких строф[4], тайно распространённых по городу на «бумажных свитках», где анонимный поэт нападал на главных виновников этих гонений, и в частности:

Инквизитор, в своей белой шапочке, С волосатым носом и угрюмой рожей. Из главных он был первым, Чтобы бедных людей тащить на дыбу...

За этим исключением, вся литература, касающаяся подавления ереси, исходит от самих инквизиторов. Она состоит главным образом из опровержений еретических заблуждений и руководств, предназначенных для наставления судей веры в исполнении их грозной миссии. Среди последних назовём «*Practica Inquisitionis heretice pravitatis*» тулузского инквизитора Бернара Ги (1331) и «*Directorium inquisitorum*», составленный около 1373 года каталонским инквизитором Николаем Эймериком. Добавим к ним «*Lucerna inquisitorum hæreticæ pravitatis*» отца Бернара из Комо (1510), «*Catalogus hæreticorum*» (1522) брата Бернара Люксембургского, руководства для инквизиторов испанцев Жака Симанки и Жана де Рохаса и несколько апологий, таких как апология Луи де Парамо: «*De origine et progressu officii Sanctæ Inquisitionis ejusque utilitate et dignitate libri tres*» (Мадрид 1598).

Но лучшие дни Инквизиции уже далеко. 1 июля 1323 года она торжественно сожгла на Большой площади Брюсселя двух августинских монахов из Антверпена: это были самые первые протестанты, взошедшие на эшафот. Тотчас Лютер написал свой мстительный псалом: «Ein neues Lied wir heben an!», который заканчивался этими пророческими словами: «Их пепел больше не остынет; ветер разнесёт его по всем странам. Лето у наших дверей; зима убежала; милые маленькие цветы начинают показываться. И тот, кто предпринял это дело, сумеет довести его до доброго конца! Аминь». Начиная с этой «новой песни» Лютера, по всей Европе поднялась буря против Инквизиции, в песнях и пасквилях немецких лютеран, французских гугенотов, гёзов Нидерландов, кальвинистов Женева, пуритан Шотландии и Англии. Волна поднимается и захлёстывает литературу: Эразм, Рабле, Уильям Тиндейл, Марикс де Сент-Альдегонд, Фишарт, Ганс Сакс, столь многие другие, прозаики и поэты, вырезают негодующие суждения против Инквизиции и инквизиторов. Больше всего достаётся испанской Инквизиции. Объёмистый и учёный памфлет испанского протестанта Регинальдуса Гонсальвуса Монтана, или, вернее, Раймунда Гонсалеса де Монтеса, который бежал из тюрем Святого Офиса Севильи в 1558 году, был опубликован в Гейдельберге в 1567 году под заглавием «*Sanctæ Inquisitionis Hispanicæ artes aliquot detectæ et palam traductæ*», где автор клеймит всю процедуру трибунала Святого Офиса Испании. Эта книга менее чем через два года была переведена на французский, немецкий, английский и нидерландский языки; она обошла всю Европу. Это период инвективы, который продолжается в XVII веке в протестантском лагере и на который католичество отвечает удвоением апологий, осторожных или грубых, как у итальянца Паоло Сарпи, у Боссюэ в его споре с епископом Монтобанским, у сицилийца Антонино Дианы, советника Святого Офиса, у испанца Франсуа Пеньи, у Чезаре Карены и др.

В 1692 году книга, опубликованная в Амстердаме, наконец, предвещает научное изучение истории Инквизиции [5]. Это ин-фолио более чем в 800 страниц под заглавием «*Philippi a Limborch Historia Inquisitionis... cui subjungitur Liber Sententiarum Inquisitionis Tholosanæ, ab anno Christi 1307 ad annum 1323*». Автор, протестантский пастор диссидентской секты ремонстрантов, посвящает свою книгу примасу Англиканской церкви, архиепископу Кентерберийскому. Он заявляет, что опирается только на буллы пап, на сочинения и акты, исходящие от самих инквизиторов; и он держит слово. Он сначала рисует очерк, до сих пор весьма полезный, истории Инквизиции, последовательно излагая её происхождение и успехи в различных католических странах, особенно на юге Франции, в Испании и испанских колониях; затем он рассматривает персонал грозного трибунала, преступления, подлежащие его ведению, процедуру и казни. Но самая ценная часть этого поистине учёного для своего времени труда — это «*Liber Sententiarum*» Тулузской Инквизиции с 1307 по 1323 год, неопубликованный документ неопределимой ценности, оригинал которого, по-видимому, утерян и происхождение которого автор не указывает, ограничиваясь замечанием, что его владелец любезно доверил ему его на четыре года для копирования и тщательного изучения.

Лимборх даёт подробное описание рукописи, её переплёта, подписей нотариусов и т. д.; в своём тексте он отметил указание листов оригинала и скрупулёзно сохранил его орфографию. Он выражает пожелание, говорит он, видеть депонированным в публичной библиотеке столь важное сокровище, которому грозит вечная утрата, если у его владельца окажутся наследники менее понимающие, чем он; что, к сожалению, по-видимому, и произошло, ибо рукопись не была найдена до сего дня.

По справедливости, Лимборх представляет свою находку читателю этими несколько напыщенными словами: «*Ecce tibi librum qualem typis editum hactenus non vidit Christianus orbis*». Действительно, этот «*Liber Sententiarum*» является отправной точкой и основой всех действительно научных исследований об Инквизиции на юге Франции, где она была столь живуча.

Картину, которую Лимборх первым начертил истории и процедурам Инквизиции, восприняли большинство авторов, трактовавших ту же тему в XVIII веке, например, англичанин Дж. Бейкер (1736), который ограничился тем, что добавил «примеры и устрашающие анекдоты», и чей труд был тотчас переведён на немецкий язык в Копенгагене в 1741 году. Но почти одновременно с трудом Лимборха, с разницей в один год (1693), в Кёльне (Париже) появилась «История Инквизиции и её происхождения», написанная французским священником аббатом Жаком Марсоллье, каноником Юзеса, который, энергично отстаивая для епископов и князей право подавлять ересь именем учения Второзакония, апостолов и католической Церкви, с яростью обличал злоупотребления Римского двора и осуждал Инквизицию как институт ненавистный и неэффективный. Это гораздо меньше история Инквизиции, чем каноническая диссертация или даже, прежде всего, галликанский памфлет. Эта книга, которая с удовольствием распространяется о жестокостях Святого Офиса и иллюстрирована устрашающими виньетками, заимствованными у Лимборха, является любопытным знаком времени. Не отказываясь от прав католической Церкви в вопросах ереси, аббат Марсоллье решительно выбрасывает за борт саму Инквизицию. Что любопытно, его труд был переиздан и расширен в 1769 году другим священником, аббатом Гуже, который присоединил к нему «Рассуждение о некоторых авторах, трактовавших о Трибунале Инквизиции», где он обзревает сочинения Эймерика, Пеньи, Луи де Парамо, фра Паоло и др. Что касается книги Лимборха, которую он подробно рассматривает и признаёт её высокую ценность, он критикует её, естественно, в католическом духе, но в целом довольно независимо. Влияние Лимборха также неоспоримо в «Истории Лангедока», знаменитом труде бенедиктинцев дома Везета и дома Девика. Тем более он вдохновил Вольтера и энциклопедистов в их замечательной кампании за религиозную терпимость; но сколько пустых декламаций в XVIII веке, как только рискуешь вступить на почву истории!

Нужно ждать до XIX века, чтобы встретить другой труд, равный по значению труду Лимборха: это знаменитая «Критическая история испанской Инквизиции» дона Хуана Антонио Льоренте, появившаяся сначала во французском переводе в Париже в 1817 году, а вскоре (1822) в оригинальном испанском тексте. Льоренте, каноник первопрестольной церкви Толедо, был сам секретарём Святого Офиса в Мадриде и изучил его архивы. В тот самый момент, когда революционные кортесы Кадиса декретом от 22 февраля 1812 года отменяли Инквизицию [6], которая сохранялась до тех пор в Испании [7], Льоренте опубликовал в Мадриде (1812-13) два тома неопубликованных документов, содержащих важные разоблачения. Это было лишь прелюдией к его большой истории, где он использовал сокровища до тех пор неисследованных секретных архивов Святого Офиса.

Набросав в первых главах довольно смутную историю происхождения и первых шагов папской инквизиции на Западе до конца XV века, автор приступает к своему истинному предмету — Святому Офису Испании со времени его организации при Фердинанде и Изабелле до его упразднения в Кадисе. Черпая полными горстями из богатых рукописных коллекций, доступ к которым открыли ему исключительные обстоятельства, Льоренте смог создать труд несколько поспешный, но солидно документированный, о котором можно было сказать много плохого, но который не был серьёзно опровергнут. Его книга, переведённая на немецкий, нидерландский и английский языки, произвела в мире огромное впечатление, которое ещё не изгладилося.

Знаменитый памфлет графа Жозефа де Местра «Письма к русскому дворянину об испанской Инквизиции» (Париж 1822), несмотря на свой резкий и торжествующий тон и молодечество, с которым он защищает костры в вопросах веры, не смог уравновесить мстительную книгу Льоренте.

Главным ответом, который дала на неё католическая наука, является почтенный труд монсеньора К. Й. фон Гефеле «Der Cardinal Ximenes und die kirchlichen Zustände Spaniens im

15. Jahrhundert» (1831). Нужно добавить к нему менее известную, но замечательную книгу Ф. И. Г. Родриго «*Historia verdadera de la Inquisicion*» (3 т., Мадрид 1876-1877) [8].

Однако общая история происхождения и развития Инквизиции в Средние века в различных странах Запада была изучена кратко, но по строго научному методу, Х. У. Ганом в «*Geschichte der Ketzer*» (3 т., Штутгарт 1845-1850), а также в некоторых главах «Истории и учения секты катаров или альбигойцев» профессора богословского факультета Страсбурга Г. Шмидта (1849), который был настоящим предшественником Ли; но его превосходный труд остался неизвестен большинству поверхностных авторов, трактовавших ту же тему в этом веке, таких как уэслианский пастор Уильям Харрис Рул в его «*History of the Inquisition from its establishment in the twelfth century to its extinction in the nineteenth*» (2 т., Лондон и Нью-Йорк 1874) и немецкий журналист Фридолин Гофман в его смехотворной «*Geschichte der Inquisition*» (2 т., Бонн 1878).

Тем не менее приближался момент, когда история Инквизиции должна была окончательно вступить в свою описательную и научную фазу. В различных странах Европы учёные решительно принялись собирать и изучать без предвзятости акты инквизиторов, ещё скрытые в архивах, одновременно с буллами пап и свидетельствами современных хронистов. Так, профессор В. Молль из Амстердама смог составить в 1869 году почти новую картину подавления ереси в Голландии в Средние века [9]. Десять лет спустя А. Дюверже принёс новые материалы для истории средневековой Инквизиции в остальных древних Нидерландах [10]. Габар, знаменитый бельгийский архивист, заложил ещё в 1848 году основы столь же нового исследования Инквизиции XVI века в Нидерландах, проанализировав сокровища, содержащиеся в реестре неопубликованных документов, хранящемся в архивах Королевства в Брюсселе [11]; Александр Энне прекрасно исследовал ту же тему в своей большой «*Histoire du règne de Charles-Quint en Belgique*» [12]; а профессор Г. де Хооп Склелфер из Амстердама в 1873 году подробно изложил грозную реорганизацию нидерландской Инквизиции, произведённую Карлом V в начале Реформации [13]. В 1877 году профессор Эдм. Пулле из Лувена рассмотрел тот же вопрос с католической точки зрения [14]. Со своей стороны, пастор Д. Ленуар, Ш. Раленбек и профессор А. Лоншам из Брюсселя дополнили картину, изучив Инквизицию в епископском княжестве Льежском, независимом от собственно Нидерландов [15].

Во Франции история Инквизиции изучалась с не меньшей тщательностью и методичностью. Каноник Г. Дуэ опубликовал в 1879 году свою книгу «*Les Albigeois, leurs origines et l'action de l'Église au XIIe siècle*», а в 1886 году выступил издателем «*Practica Inquisitionis*» знаменитого инквизитора Бернара Ги. В то же время профессор Ш. Молинье из Тулузы в своей диссертации «*L'Inquisition dans le Midi de la France au XIIIe et au XIVe siècle*» (Париж, 1880) описал и критически разобрал почти неизвестные источники, сохранившиеся до нас в оригиналах или копиях в Национальной библиотеке Парижа, в библиотеках Каркассона, Тулузы и Клермона и в архивах Верхней Гаронны. Используя сам часть этих неопубликованных документов, он оживил перед нашими глазами судей инквизиции трибунала Каркассона (1250-1258), а также их инквизиторскую процедуру и их систему наказаний. Тот же автор продолжил свои исследования неизданных источников в «*Études sur quelques manuscrits des bibliothèques d'Italie, concernant l'Inquisition et les croyances hérétiques du XIIe au XVIIe siècle*» (Париж, 1887). Молодой учёный, преждевременно похищенный наукой, Жюльен Аве даже осмелился предпринять попытку общего обзора в своей замечательной диссертации «*L'hérésie et le bras séculier au moyen âge jusqu'au XIIIe siècle*» (Bibliothèque de l'École des Chartes, 1880), смело выбрав почти девственную тему и выйдя из неё, как он выходил из всех трудностей, с честью.

В Германии, где столько других областей истории так хорошо исследовано во всех направлениях, не проявили такого же рвения к истории Инквизиции. Если изучение еретических сект и их учений вызвало в этом веке превосходные труды, возможно, не имеющие

равных, то функционирование Инквизиции там ещё не было предметом действительно систематического исследования [16]. О вальденсах есть прекрасные труды А. В. Дикгофа, Й. Й. Герцога, К. Мюллера, В. Прегера, Г. Гаупта и др. О Уиклифе есть классические книги Г. В. Лехлера и Р. Буддензига, о тамплиерах — книги К. Шоттмюллера, Г. Пруца и Й. Гмелина. О Гусе и богемских сектах есть углублённые исследования Г. В. Лехлера, Й. Готтшика, Й. Лозерта, Г. Хёфлера, Ф. фон Бецоляда и В. Прегера, исследования чешских историков Фр. Палацкого, А. Гиндели, Ярослава Голла и др. Но что касается собственно истории Инквизиции, то есть едва ли что-то, кроме того, что сами немцы называют «Vorarbeiten»: несколько диссертаций, журнальные статьи, академические мемуары и несколько неопубликованных документов, изданных без плана и системы. Можно назвать, таким образом, три исследования о первом инквизиторе Германии Конраде Марбургском [17]. Прославленный каноник Й. Дёллингер собрал за долгие годы неопубликованные документы всякого рода о еретических сектах; после его смерти профессор Ф. Г. Рейш из Бонна опубликовал их в двух любопытных томах [18], которые окажут услугу будущим историкам немецкой Инквизиции. В последние годы своей долгой карьеры профессор В. Ваттенбах из Берлина издал и прокомментировал документы, касающиеся подавления ереси в Германии [19]. Наконец, Юлиус Фикер дал, одновременно с Жюльеном Аве, учёную диссертацию о введении смертной казни за ересь на Западе [20].

В Испании изучали исключительно грозную национальную Инквизицию. Помимо труда Родриго, упомянутого выше, следует упомянуть три тома Менендеса-и-Пелайо «Heterodoxos Españoles» (Мадрид 1880) и «Procedimientos de la Inquisición» (2 т., Мадрид 1886) Мельгареса Марина.

В Италии, как и в Германии, изучали историю ересей, а не историю Инквизиции. Профессора Эмилио Комба и Феличе Токко из Флоренции связали свои имена с исследованиями о вальденсах и средневековых итальянских еретиках. Выдающийся историк Паскуале Виллари оживил времена и идеи эпохи Савонаролы и Макиавелли. Однако было бы несправедливо опустить книгу Филиппо де Бони «L'Inquisizione e i Calabro-Valdesi» (Милан 1861), к которой примыкает книга Ломбарда «Jean-Louis Paschale et les martyrs de Calabre» (Женева 1881). Обе черпают из неопубликованных источников XVI века.

Англия, которая не знала собственно Инквизиции, испытывает недостаток в документах для извлечения и изучения. Там также ереси и религиозные раздоры поглотили внимание учёных в ущерб Инквизиции.

В итоге, около 1890 года в главных странах европейской учёности историография Инквизиции вступила на новый путь [21]. В различной степени и с более или менее большим рвением добросовестные и хорошо оснащённые специалисты сменили там хулителей и слепых апологетов. Впрочем, чувствовали, сколь велика ещё задача, которую предстоит выполнить, прежде чем прийти к общим результатам, способным удовлетворить науку. Здоровое недоверие, которое слишком хорошо оправдывалось слабостью столь многих честолюбивых и пустых трудов, царило среди историков по отношению к поспешным и преждевременным обобщениям. В 1881 году, представляя публике свою критическую книгу об известных и неизвестных источниках Инквизиции на юге Франции, Ш. Молинье говорил с благоразумной проницательностью: «История сегодня питает отвращение к синтезам такого рода, и мы не думаем, чтобы её справедливое недоверие где-либо более, чем здесь, имело основание быть. Лучшим было бы, нам кажется, применить ещё раз менее честолюбивый метод, который она в конце концов предпочла, то есть действовать путём серии монографий о различных трибуналах инквизиции. Это был бы второй этап серии работ, первым из которых должно быть исследование источников, которое мы указали и которое мы попытались сделать. Тогда, возможно, но только тогда, после расчистки почвы, можно было бы приступить к окончательному труду, трудности которого мы только что отметили». Что касается «обширного целого, которое носило бы название

истории Инквизиции», автор не колеблясь называл его «почти химерическим предприятием [22]».

Однако, пока г-н Молинье писал эти строки, которые одобрили все его европейские читатели, по другую сторону Атлантики был доблестный старик, который годами собирал уникальную библиотеку и богатый урожай неопубликованных документов по всей истории Инквизиции. Не отступая перед этой непосильной задачей, он перерыл все доступные печатные издания и переработал гору подлинных документов, которые сумел раздобыть через переписку в главных архивных хранилищах Запада. В августе 1887 года он закончил в Филадельфии три толстых тома своего удивительного труда, который появился в Нью-Йорке в 1888 году под заглавием: «A History of the Inquisition of the Middle Ages» Генри Чарльза Ли. Автору было 63 года, и он мог посвящать своим любимым занятиям лишь несколько часов в день, остальное время поглощённый своими делами: до 1880 года он руководил крупным книжным магазином [23].

Когда трансатлантические пароходы привезли этот труд в Европу и эти три толстых ин-октаво легли на рабочие столы историков, повсюду возникло движение колебания и недоверия, вполне естественное, особенно в Германии, где предмет был мало изучен и где только что освистали гротескную книгу Фридолина Гофмана. Но вскоре три толстых тома американского историка были прочитаны и сразу оценены по достоинству. Я знаю, что г-н Молинье был одним из первых почитателей этого выдающегося труда. Его обращение было обращением всех сначала колеблющихся специалистов.

Три месяца назад один немецкий критик, по-видимому, из наиболее сведущих в истории Инквизиции, после весьма благоприятной оценки других трудов Ли, вынес о его «Истории Инквизиции в Средние века» следующее суждение: «Это центральный пункт всего его творчества. Чем больше изучаешь деятельность этого уникального человека, тем больше растёт восхищение строго научным методом, по которому он работает. Рейш, который своей необычайной акрибией сумел завоевать уважение всех, друзей и врагов, охарактеризовал книгу Ли как самую обширную, самую глубокую и самую основательную историю Инквизиции, которой мы располагаем. Тщательное изучение одной из многих новых частей труда привело учёного Й. Гмелина к полному принятию выводов Ли (по делу тамплиеров)» [24]. Это столь лестное суждение является суждением специалистов всех стран. Впрочем, большой труд Ли стимулировал деятельность европейских историков. С 1888 года мы видим накопление книг и диссертаций, которые, возможно, позволят однажды автору дать нам второе издание, более полное и ещё более замечательное. Все, впрочем, цитируют Ли и использовали его в различной степени, но без возможного оспаривания. Отметим главные, не претендуя на полноту и не забывая сборник превосходных диссертаций самого Ли по специальным вопросам, касающимся испанской Инквизиции [25].

Прежде всего, есть две книги, которые нужно поставить вне сравнения: столь подробное юридическое исследование профессора Камиля Хейнера из Праги об организации и компетенции инквизиционного суда [26] и прекрасная общая картина Л. Танона, председателя Кассационного суда Парижа, об «Истории трибуналов Инквизиции во Франции» [27]. Добавим к ним т. V большого классического труда профессора Пауля Хиншиуса из Берлина «Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten» (Берлин 1893), который в отношении Инквизиции принимает взгляды и результаты Ли. Затем следует назвать столь новые диссертации библиотекаря Германа Гаупта из Гиссена [28], профессора Г. Финке из Мюнстера [29] и Шарля Генегана [30]. В Бельгии можно указать публикации исторического семинара, руководимого каноником А. Коши, профессором Католического университета Лувена [31], и публикации практического курса истории Гентского университета [32]. К этим исследованиям примыкают также прекрасные труды профессора Сигмунда Рицлера из Мюнхена [33] и архивиста Йоз. Хансена из Кёльна [34] о процессах ведьм, которые в Средние века были лишь ответвлением Инквизиции. Кроме того, Йоз. Хансен уже годами готовит сборник документов об Инквизиции в Германии вроде

«Corpus Inquisitionis Neerlandicae». В Италии есть две хорошие книги, основанные на архивных исследованиях: «Origini e vicende dell'Inquisizione in Sicilia» Ла Мантия и «Il santo ufficio dell'Inquisizione in Napoli» Луиджи Амабиле (2 т. 1892). В Португалии наконец есть серьёзный труд: «Da origem da Inquisição em Portugal». В древних испанских колониях Южной Америки дон Х. Т. Медина научно изучил историю Инквизиции в Чили и Ла-Плате [35].

В итоге, историография Инквизиции прошла сначала в Средние века через хвалебную фазу, когда только инквизиторы и их единоверцы говорили о ней. С Реформацией начинается период жестоких полемик за и против. «Historia Inquisitionis» (1692) Лимборха с его коллекцией тулузских приговоров, опубликованных полностью, и «Критическая история испанской Инквизиции» (1817) Льюренте медленно предвещают новый период: период научного изучения документов, который торжествует особенно с 1880 года и позволяет наконец писать беспристрастные книги, солидно подкреплённые доказательствами, среди которых труд Ли остаётся образцом, который трудно превзойти или даже сравнить.

Означает ли это, что период инвектив и враждебных апологий окончательно закрыт? Увы! нет. Я в этот момент перелистываю классический для множества добросовестных читателей труд: «Cours d'apologétique chrétienne» отца-иезуита В. Девивье. Он дошёл до пятнадцатого издания [36] и был одобрен шестью кардиналами и тридцатью двумя архиепископами и епископами; он переведён на несколько языков. И вот, автор защищает Инквизицию почти с теми же аргументами, что и Жозеф де Местр, у которого он заимствует немало цитат; он с простодушием накапливает самые гротескные свидетельства: «Г-н Бургуэн, посол в Испании, не колеблется сказать в своём «Tableau de l'Espagne moderne»: «Я признаю, чтобы воздать должное истине, что Инквизиция могла бы быть названа в наши дни образцом справедливости»; и он торжествующе заключает: «Именно потому, что они были проникнуты этими истинами, Феодосий Великий, Юстиниан, Карл Великий, Оттон Великий, Людовик XI, все государи и все цивилизованные народы не считали, что нарушают свободу совести, наказывая ересь и вероотступничество». Такова, следовательно, ещё доктрина, которую представляют миллионам католиков на всех европейских языках как историческую и догматическую истину.

Тем временем наука продолжает свой шаг, медленный, но верный.

Поль Фредерик.

Гент, сентябрь 1900.

Глава первая. — Церковь

Господство Церкви в XII веке — Причины антагонизма между Церковью и гражданским обществом — Религия Средних веков — Мнение современников.

К концу XII века Церковь оказалась под угрозой опасного кризиса. И всё же события последних ста пятидесяти лет сделали её госпожой христианского мира. История не знает примера более полного торжества разума над грубой силой. В эпоху смут и битв гордые воины должны были склоняться перед священниками, которые не располагали никакой материальной силой, и чья власть основывалась только на совести. Но эта империя была абсолютной. Спасение каждого христианина зависело от его послушания Церкви, от его готовности взяться за оружие, чтобы её защищать. В века, когда вера была определяющим фактором поведения людей, это убеждение породило духовный деспотизм, который поставил всё в распоряжение тех, кто его осуществлял.

Этот результат мог быть достигнут только централизованной организацией, которая постепенно развилась в церковной иерархии. Древняя независимость епископата больше не существовала. Верховенство римского престола утвердилось, становясь всё более требовательным и сильным, вплоть до того, что охватило универсальную юрисдикцию, подчинило все желания епископов его стремлениям. Справедлив или несправедлив, разумен или нет, приказ папы должен был исполняться, ибо не было апелляции против наместника святого Петра.

В более узкой сфере и всегда подчинённый папе, епископ располагал властью, которая, по крайней мере теоретически, была столь же абсолютной. Смиранный служитель алтаря был инструментом, через который декреты папы и епископа вводились в действие среди народа; ибо судьба всех людей зависела от тех, кто мог преподавать или отказывать в таинствах.

Таким образом, ответственная за судьбу человеческого рода, Церковь должна была обладать полномочиями и организацией, необходимыми для выполнения столь высокой задачи. Для внутреннего управления совестью она установила тайную исповедь, которая к тому времени стала почти исключительной прерогативой священства. Когда этого было недостаточно, чтобы удержать верующего на правильном пути, Церковь могла прибегнуть к тем духовным судам, которые сформировались вокруг каждой епископской кафедры, с юрисдикцией нечёткой и способной к почти безграничному расширению. Помимо надзора за делами веры и дисциплины, брака, наследства и ростовщичества, которые принадлежали им по общему согласию, было относительно мало человеческих вопросов, которые не предполагали бы какого-либо случая совести и, следовательно, вмешательства духовной власти — тем более что договоры обычно подтверждались клятвами.

Гигиена душ требовала постоянного дознания относительно заблуждений, реальных или только возможных, каждой овцы стада. Можно представить себе огромное влияние, которое обеспечивала Церкви возможность вмешиваться во все частные дела.

Не только самый скромный священник располагал сверхъестественной властью, которая поднимала его выше уровня человечества, но его личность и имущество были равно неприкосновенны. Какие бы преступления он ни совершил, светское правосудие не могло их рассматривать, светская рука не могла его схватить. Церковнослужитель подлежал юрисдикции только судов своего сословия, которые не могли выносить смертный приговор. Впрочем, всегда можно было апеллировать от их суда к верховной юрисдикции Рима, и это право апелляции слишком часто равнялось иммунитету.

Та же привилегия защищала церковную собственность, которую благочестие сменявших друг друга поколений обогатило Церковь, и которая простиралась на добрую часть самых плодородных земель Европы. Кроме того, сеньориальные права, прикреплённые к этим владениям, часто предполагали очень обширную светскую юрисдикцию, которая давала их поль-

зователям права на людей, которыми были облечены феодальные сеньоры. Пропасть между мирским миром и духовенством была ещё больше расширена абсолютной обязанностью celibата, наложенной на всех служителей алтаря. Восстановленный в чести около середины XI века и ставший обязательным после упорной столетней борьбы, celibат священников чётко отделял их от остального народа, сохранял нетронутыми обширные владения Церкви и ставил на её службу бесчисленную армию, чьи стремления и амбиции не простирались дальше. Человек, вступавший на службу Церкви, больше не был гражданином. Он был освобождён от забот и уз семьи. Церковь была для него новым отечеством, интересы которого сливались с его собственными. В обмен на то, что они оставляли, все служители Церкви были обеспечены завтрашним днём и освобождены от всякой материальной заботы, при условии, что они оставались в послушании.

Кроме того, Церковь была единственной карьерой, открытой для людей любого положения и любого ранга. В обществе, разделённом на классы феодальной системой, продвижение, переход из одного класса в другой были почти невозможны. В Церкви же, напротив, если преимущество рождения могло облегчить доступ к высшим должностям, талант и энергия также находили свою награду, несмотря на скромность происхождения. Папы Урбан II и Адриан IV были очень низкого происхождения; Александр V был нищим; Григорий VII был сыном плотника, Бенедикт XII — пекаря, Николай V — бедного врача, Сикст IV — крестьянина, Урбан IV и Иоанн XXII — сапожников, Бенедикт XI и Сикст V — пастухов. Фактически, анналы церковной иерархии полны имён персонажей, которые, выйдя из самых скромных слоёв общества, поднялись к самым высоким положениям.

Так Церковь непрестанно омолаживалась притоком новой крови. В то время как короны и скипетры часто становились уделом людей неспособных, слабых и выродившихся, Церковь вербовала на свою службу неисчерпаемое сокровище силы тех, для кого никакая другая сфера деятельности не была открыта. Характер священства был неизгладим; обеты, которые священник произнёс, были вечными; монах, однажды принятый в монастырь, мог покинуть свой Орден только для того, чтобы перейти в более строгий Орден. Так воинствующая Церковь была подобна армии, расположенной лагерем на христианской земле, с передовыми постами повсюду, подчинённой самой эффективной дисциплине, сражающейся за один и тот же идеал, каждый солдат был как бы облачён в броню неприкосновенности и вооружён грозным оружием, которое поражало не тела, а души. Что не мог сделать, на что не мог отважиться главнокомандующий такой армии, чьи приказы принимались как оракулы Бога, от Португалии до Палестины, от Сицилии до Исландии?

«Государи, — говорит Иоанн Солсберийский, — держат свою власть от Церкви и являются служителями священства».

«Последний из священников лучше любого короля, — восклицает Гонорий Августодунский; — государи и народы подвластны духовенству, чей блеск превосходит их блеск, как блеск солнца превосходит блеск луны». Папа Иннокентий III, в свою очередь, заявлял, что священническая власть выше светской, как душа человека выше его тела, и он резюмировал высокое мнение, которое имел о собственном достоинстве, провозглашая себя самого Наместником Христа, Помазанником Господним, поставленным на полпути между Богом и человеком, меньше Бога, но больше человека, «тем, кто судит всех и не судим никем».

Доктора Средних веков единодушно учили, что папа царствует как государь над всей землёй, над язычниками и неверными так же, как над христианами. Хотя власть, столь гордо присвоенная, не преминула причинить много зла, всё же счастьем для человечества было то, что в эту суровую эпоху существовала моральная сила, которую не давало ни рождение, ни воинская доблесть, способная призвать к повиновению божественным законам королей и знатных, даже когда этот призыв исходил из уст сына крестьянина. Так мы видим папу Урбана II, француза очень скромного происхождения, осмелившегося отлучить своего короля Филиппа

I за прелюбодеяние, утвердив таким образом моральный порядок и вечную справедливость в эпоху, когда всё казалось дозволенным абсолютной власти.

Однако, утверждая таким образом своё господство, Церковь должна была пойти на многие жертвы. В ходе борьбы, которая закрепила превосходство духовной власти над светской, христианские добродетели смирения, милосердия и самоотречения в значительной степени исчезли. Население больше не привлекалось тем, что есть грациозного и привлекательного в христианстве; их подчинение покупалось обещанием спасения, ценой веры и послушания, или навязывалось либо угрозой гибели, либо более непосредственным страхом преследования. Если Церковь, полностью изолировав себя от светского общества, обеспечила себе услуги ополчения, полностью преданного её делу, то, с другой стороны, она породила антагонизм между народом и собой. На практике уже не было верно, что совокупность христиан составляет Церковь; эта совокупность была разделена на два существенно различных класса, пастырей и овец; и овцы часто приходили к мысли, не без некоторого основания, что за ними смотрят только для того, чтобы лучше их стричь.

Временные выгоды, обещанные амбициям людей церковной карьерой, привлекали в ряды Церкви многих ловких людей, чьи замыслы были совсем иными, чем духовными. Меньше заботились о спасении душ, чем об иммунитетах Церкви, её привилегиях и увеличении её временного домена. Самые высокие места обычно занимали люди, более влюблённые в мирские блага, чем в смиренные добродетели христианина.

Всё это было неизбежно в состоянии общества в первые века Средневековья. Потребовались бы ангелы, чтобы безупречно осуществлять ужасную власть, присвоенную и приобретённую Церковью. Продвижение по священнической карьере регулировалось привычками, которые вызывали и поощряли отсутствие щепетильности. Чтобы понять причины, которые толкнули многочисленные *populations* к схизме и ереси, из которых возникли войны, преследования и установление Инквизиции, необходимо взглянуть на людей, которые представляли Церковь перед народом, и на использование, которое они делали, во благо или во зло, духовного деспотизма, в конце концов установившегося в их пользу. В мудрых и благочестивых руках этот деспотизм мог бы удивительно поднять моральное и материальное состояние европейской цивилизации; в руках эгоистичных или развращённых священников он мог стать, и действительно стал, инструментом всеобщего угнетения, которое довело целые народы до отчаяния.

Что касается способа избрания на епископство, нельзя сказать, что в то время он был окончательно установлен на неизменных правилах. Теоретически придерживались древней формы избрания духовенством, с согласия народа епархии; но на практике избирательный корпус формировался канониками соборов, тогда как необходимое подтверждение короля, полунезависимого феодального сеньора и папы часто делало избрание пустой формальностью, где власть короля или папы брала верх в зависимости от обстоятельств. Всё чаще отклонённые кандидаты апеллировали в Рим как в верховный суд; таким образом, влияние Святого Престола возросло настолько, что во многих случаях только он и производил избрания.

На Латеранском соборе в 1139 году Иннокентий II применил феодальную систему к Церкви, объявив, что все церковные достоинства получают и держатся как феодалы пап. Но каким бы правилам ни следовали, очевидно, нельзя было добиться, чтобы избранные были лучше среднего уровня избирателей. Когда кардиналы входили в конклав, они должны были клясться в таких выражениях: «Я свидетельствую перед Богом, что выберу того, кого сочту достойным быть избранным по воле Божьей». Однако эта клятва, как известно, была неэффективна для обеспечения избрания понтификов, достойных служить как наместники Божества. Так, от самого скромного приходского священника до самых высокопоставленных прелатов все ступени иерархии рисковали быть занятыми людьми честолобивыми, эгоистичными и мирскими. Даже самые требовательные друзья Церкви должны были объявить себя довольными,

когда власть доставалась наименее недостойным. Пётр Дамиан, прося Григория VI утвердить избрание епископа Фоссомброне, признаёт, что тот должен был бы пройти покаяние, прежде чем осуществлять епископство, но добавляет, что во всей епархии нет ни одного церковно-служителя, который вызывал бы меньше возражений; все эгоистичны, честолюбивы, слишком жадны до продвижения, чтобы думать о том, чтобы стать его достойными, страстно желая власти, но абсолютно равнодушные к обязанностям, которые она налагает.

В этих обстоятельствах симония, со всеми сопутствующими ей бедами, была почти всеобщей; эти беды ощущались повсюду, как на избирателях, так и на избранных. В ходе бесполезной войны, предпринятой Григорием VII и его преемниками против этого порока, который развращал всё, число обвинённых епископов является самым верным признаком глубины и всеобщности зла. Как заявлял Иннокентий III, эту болезнь Церкви нельзя было вылечить ни смягчающими средствами, ни огнём; Пётр Кантор, умерший в ореоле святости, с похвалой рассказывает историю некоего кардинала Мартина, который, служа при римском дворе в рождественские торжества, отверг подарок в двадцать ливров, предложенный папским канцлером, по той причине, что эти деньги, как известно, были продуктом симонии и грабежа.

Как неоспоримое доказательство добродетели Петра, кардинала Сан-Кризогоно, бывшего епископа Мо, говорили, что он в ходе одних выборов отказался поддаться подкупу ценой пятисот марок серебра.

Светские государи были не менее склонны делать деньги на признанном за ними праве подтверждения. Немногие из них следовали примеру Филиппа Августа, который, когда аббатство Сен-Дени стало вакантным и прево, эконо и келарь аббатства тайно обратились к нему, каждый прислав ему подарок в пятьсот ливров, спокойно отправился в аббатство, выбрал простого монаха, которого нашёл стоящим в углу, даровал ему достоинство и сверх того тысячу пятьсот ливров от трёх кандидатов. Руанский собор в 1050 году горько жалуется на пагубный обычай, в силу которого честолюбивые люди накапливают всеми возможными способами богатства, чтобы тем самым получить от государя и его придворных епископские кафедры, которых они домогаются. Но собор осуждает зло, не предлагая средства.

Ему приходилось непосредственно заниматься только герцогами Нормандии, но король Франции в то время, Генрих I, был известен как продавец епископств. Он начал своё правление с запрета эдиктом покупки и продажи любого продвижения под угрозой конфискации использованных денег и бенефиция; он хвастался, что не хочет ничего принимать за осуществление своего права подтверждения, поскольку Бог дал ему корону бесплатно, и сурово отчитывал своих прелатов по поводу всеобщности порока, который пожирал само сердце Церкви; но со временем он сообразовался с установившимся обычаем, как покажет один пример.

Некий Хелинанд, клирик низкого происхождения и недостаточного образования, нашёл покровителей при дворе Эдуарда Исповедника, где у него было много возможностей обогатиться. Отправленный с миссией к Генриху, он заключил с ним сделку, в силу которой должен был быть обеспечен первым вакантным епископством, которое оказалось епархией Лана. Преемник Генриха, Филипп I, был известен как самый продажный из людей; посредством аналогичной сделки и с помощью денег, которые ему принесло епископство Лана, Хелинанд купил кафедру Реймса. Можно было бы бесконечно умножать примеры этих скандалов, пагубное влияние которых на мораль Церкви вполне понятно.

Даже когда церковное продвижение не было ценой денежных подарков, эффект был столь же плачевным. Непотизм был лишь одной из форм коррупции. ««Если бы», — говорит Пётр Кантор, — те, кто был повышен благодаря своим семейным связям, были обязаны уйти в отставку, это был бы ужасный кризис в Церкви».

Другие мотивы, ещё более низкие, постоянно оказывали своё влияние. Филипп I в наказание за прелюбодеяние с Бертрадой Анжуйской был номинально лишён права утверждать епископов; однако среди них не нашлось никого, кто помешал бы ему пользоваться этим пра-

вом. Около 1100 года архиепископ Турский заслужил благосклонность короля, сделав вид, что считает ничтожным отлучение, тяготевшее над ним; вскоре после этого он потребовал награды, попросив, чтобы вакантная кафедра Орлеана была отдана молодому человеку, которого он любил. Пороки этого персонажа были столь известны (предыдущий архиепископ Турский уже покровительствовал ему по тем же причинам), что его знали под именем Флора, и на улицах пели любовные стихи в его адрес. Члены орлеанского духовенства, которые делали вид, что протестуют, были изгнаны под ложными обвинениями, а остальные, не довольствуясь подчинением, позабавились тем, что избрание состоялось в праздник Невинноублженных:

Eligimus puerum, puerorum festa colentes, Non nostrum morem, sed regis jussa sequentes[1].

Напрасно в подобной среде превосходные люди, появлявшиеся время от времени — как Фульберт Шартрский, Гильдеберт Манский, Ив Шартрский, Ланфранк, Ансельм, святой Бруно, святой Бернард, святой Норберт, — старались восстановить уважение к религии и морали. Противное течение было слишком сильным; они могли только протестовать и подавать примеры, которым лишь немногие были способны следовать. В эту эпоху насилия голос смиренных имел мало шансов быть услышанным, и достоинства доставались тем, кто преуспевал в интригах или чьи воинственные наклонности обещали эффективную поддержку их церквям и вассалам.

Этот воинственный характер средневековых прелатов — тема, которую было бы интересно изучить подробно. Богатые аббатства и могущественные епископства рассматривались в значительной степени как уделы младших сыновей знатных домов. Благодаря способам избрания, которые мы только что изложили, обладатели этих высоких должностей рекрутировались среди людей воинственного духа, а не среди исключительных приверженцев религии. Когда отлучение было бессильно обезоружить воинственных вассалов или вторгающихся соседей, вмешивалась светская рука, представленная самим епископом, и крестьянин, подвергшийся грабежу, не мог отличить опустошения феодального барона от опустошений представителя Иисуса Христа. Готье, епископ Страсбургский, объявил войну своим горожанам, потому что они отказались помочь ему вмешаться в ссору между епископом Меца и дворянином. Поскольку горожане равнодушно позволяли себя отлучать, епископ Готье яростно атаковал их; тогда они поставили себя под командование Рудольфа Габсбургского и в конце концов полностью разбили своего епископа после войны, опустошившей весь Эльзас. Именно там Рудольф приобрёл репутацию, которая позже принесла ему возвышение на императорский трон.

Хроники того времени полны аналогичных происшествий. Прелаты и бароны были одинаково беспокойны, одинаково мирские, и бароны не более стеснялись опустошать церковные имущества, чем светские. Благочестивый Готфрид Бульонский, незадолго до крестового похода, который дал ему трон Иерусалима, прошёл огнём и мечом по богатым владениям аббатства Сент-Трон, которое было доведено до крайней нищеты. Народ, раздавленный этими конфликтами, считал баронов и священников одинаковыми врагами; священники были даже более грозными, поскольку их гнев угрожал не только телам, но и душам их противников. Это было особенно характерно для Германии, где прелаты были князьями одновременно и священниками и где большой религиозный дом, как аббатство Сент-Галл, управлял в мирском отношении кантонами Сент-Галл и Аппенцель, пока последние не сумели сбросить иго ценой долгой и бедственной войны. Историк этого аббатства с гордостью вспоминает воинские доблести нескольких аббатов. Говоря об Ульрихе III, умершем в 1117 году, он замечает, что этот человек, изнурённый многими битвами, наконец обрёл покой в смерти. Всё это почти неизбежно вытекало из соединения в одной голове характеров феодального сеньора и христианского прелата. Хотя примеры были более яркими в Германии, чем в других местах, они были повсюду.

В 1221 году епископы Кутанса, Авранша и Лизьё ушли из армии Людовика VIII в Туре, потребовав, чтобы король установил путём юридического дознания, обязаны ли епископы Нормандии служить лично в королевских армиях; если это так, они обязались вернуться и запла-

тить штраф за своё дезертирство. В 1225 году епископ Осерский получил освобождение от военной службы только на один год, сославшись на плохое здоровье и заплатив компенсацию в шестьсот ливров. В 1272 году мы видим епископов, служащих под началом Филиппа Смелого, а в 1303 и 1301 годах Филипп Красивый без всяких угрызений совести созывал епископов и духовенство для своей фландрской кампании.

Когда речь шла об их собственных интересах, епископы меньше стеснялись обнажать меч. Герох Райхерсбергский яростно выступает против воинственных прелатов, которые разжигают несправедливые войны, нападают на мирные города и наслаждаются резнёй, не давая пощады, не беря пленных, не щадя ни клириков, ни мирян и тратя доходы Церкви на содержание не бедных, а солдат.

Прелатом такого рода был Люпольд, епископ Вормсский. Он довёл презрение к человеческой жизни до такой степени, что его брат сказал ему: «Монсеньор епископ, мы, миряне, весьма соблазняемся вашим примером. До того, как стать епископом, вы немного боялись Бога, но теперь вы его совсем не боитесь». На что епископ Люпольд ответил: «Когда мы оба будем в аду, брат, мы поменяемся местами, если вы пожелаете». Во время войн между императорами Филиппом и Оттоном IV Люпольд вёл свои войска на помощь первому; и когда его солдаты колебались грабить церкви, он говорил им, что вполне достаточно оставить в покое кости мёртвых.

Известна история Ричарда Английского и Филиппа де Дрё, воинственного епископа Бове, который проявил столько же ловкости, сколько жестокости на войне и который, взятый в плен графом Жаном, жаловался Целестину III, что его пленение является нарушением церковных привилегий. Папа Целестин, осудив вкус епископа к войне, ходатайствовал о его освобождении. Тогда король Ричард послал папе кольчугу епископа с вопросом, заданным в Писании Иакову: «Скажите, действительно ли это одежда вашего сына»; на что понтифик ответил, отозвав свою просьбу. Вскоре после этого Теодор, маркиз Монферратский, победил и взял в плен Аймона, епископа Верчелльского. Кардинал Тальяферро, легат папы в Арагоне, был тогда в Женеве; узнав о святотатстве, совершённом Теодором, он написал ему угрожающее письмо; маркиз ответил в тех же выражениях, что и король Ричард, отправив вдобавок епископу меч Аймона, ещё запачканный кровью. Однако доблестный рыцарь почувствовал, что не может бороться с легатом папы; он не только освободил епископа, но и вернул ему крепость, которая была поводом войны. Ещё более поучителен случай с епископом Вероны, который в 1205 году был взят в плен во главе своей армии войсками Манфреда Сицилийского. Хотя папа Урбан IV тогда активно занимался подготовкой крестового похода, который должен был лишить Манфреда жизни и королевства, он имел наглость потребовать освобождения епископа, говоря Манфреду, что если он ещё боится Бога, то немедленно вернёт своего пленника. Манфред дал очень смиренный, но уклончивый ответ; тогда Климент IV, только что назначенный папой, обратился за вмешательством к Хайме Арагонскому. Хайме вмешался так хорошо, что Манфред предложил освободить епископа при условии, что тот поклянётся больше не поднимать против него оружие. Даже это условие не было принято без трудностей. — Когда духовный сан служил таким образом исключительно для предоставления безнаказанности актам насилия, легко понять, что прелаты были мало склонны от них воздерживаться.

Таково было впечатление, произведённое на их современников этими беспокойными епископами, что среди благочестивых душ распространилось всеобщее убеждение, что ни один прелат не может войти в Царство Небесное. Повсюду рассказывали историю Жоффруа де Перонна, приора Клерво, который был назначен епископом Турне; когда святой Бернард и Евгений III уговаривали его принять, он бросился лицом на землю с криком: «Если вы меня изгоните, я могу стать бродячим монахом; но епископом — никогда!» На смертном одре он обещал другу вернуться и сообщить ему о своём состоянии в ином мире. Он действительно явился этому другу, пока тот молился у алтаря. Он сообщил ему, что находится среди избран-

ных; но, добавил он, Троица открыла ему, что если бы он принял епископство, то был бы среди осуждённых. Пьер де Блуа, который рассказывает эту историю, и Пётр Кантор, который её повторяет, оба доказали, что верили в неё, упорно отказываясь от епископств; вскоре после этого один парижский церковнослужитель заявил, что охотно поверит во всё, кроме того, что немецкий епископ может быть спасён, потому что эти прелаты носят два меча, меч духа и меч плоти.

Цезарий Гейстербахский объясняет это редкостью людей, достойных епископства, и ужасающим множеством плохих епископов; он также говорит, что бедствия, которым они подвергались, проистекают из того, что рука Божья не была видна в их возвышении. Ничто не может быть более живым, чем язык, использованный Людовиком VII в его описании пороков и роскоши епископов; он напрасно взывал к Александру III, умоляя его воспользоваться своим триумфом над Фридрихом Барбароссой, чтобы провести реформу Церкви.

Свидетельства того времени не оставляют сомнений в привычках к грабежу и насилию, которые тогда характеризовали князей Церкви. Единственным судом, куда их можно было вызвать, был суд Рима. Но нужно было поистине мужество отчаяния, чтобы подать на них жалобу, и когда такие жалобы возникали, безнаказанность фактически обеспечивалась виновным трудностью установления обвинений, длительностью процедуры и общеизвестной продажностью римской курии.

Когда энергичный и неподкупный понтифик, как Иннокентий III, занимал папский престол, у жертв был некоторый шанс быть услышанными; число процессов против епископов, о которых говорится в его письмах, доказывает, насколько зло было распространено и укоренено. Однако даже при Иннокентии III задержки процедуры, очевидная нерешительность, которую испытывал Рим перед осуждением, были достаточными мотивами, чтобы отвратить обвинителей от шагов, которые могли быть губительными для них самих.

Так, в 1198 году Жерар де Ружмон, архиепископ Безансонский, был обвинён своим капитулом в клятвopеcтyплении, симонии и инцесте. Вызванные в Рим, обвинители не осмелились поддержать свою жалобу, хотя и не отозвали её, и папа Иннокентий, ссылаясь на пример жены-прелюбодейки, отпустил архиепископа, посоветовав ему больше не грешить. Тогда началась длинная серия скандалов, до такой степени, что религия в Безансонской епархии стала для всех предметом насмешек. Жерар продолжал жить с одной из своих родственниц, аббатисой Ремирмона, и другими сожительницами, одна из которых была монахиней, а другая дочерью священника; ни одна церковь не могла быть освящена, ни один бенефиций не мог быть пожалован без уплаты крупной суммы; поборы архиепископа доводили членов духовенства до жизни крестьян, подверженных презрению их прихожан; напротив, монахи и монахини, которые могли дать денег архиепископу, получали разрешение покинуть свой монастырь и выйти замуж. Наконец, в 1211 году была предпринята новая попытка против этого человека. Более чем через год был получен приговор, который подвергал его канонической очистке, то есть он должен был найти двух епископов и трёх аббатов, чтобы оправдать его под присягой. Переговоры о характере присяги начались немедленно и продолжались до 1211 года. Наконец горожане, выйдя из терпения, восстали и изгнали архиепископа, который удалился в аббатство Бельво, где и умер в 1225 году.

Маэ де Лотарингия, епископ Тульский, был прелатом того же рода. Посвящённый в 1200 году, он показал себя столь хищным, что два года спустя его капитул попросил папу Иннокентия сместить его, утверждая, что Маэ уже сократил доходы епископской кафедры с тысячи ливров до тридцати. Но пришлось ждать до 1210 года удаления епископа, чему предшествовала серия дознаний и апелляций, перемежавшихся актами насилия. Он был полностью предан разврату и удовольствиям охоты; его любимой сожительницей была его собственная дочь, рождённая от монахини из Эпиналя. Несмотря на свои преступления, он сохранил высокопоставленный бенефиций в качестве великого прево Сен-Дье. В 1217 году он велел убить своего пре-

емника Рено де Санлиса; вскоре после этого его дядя Тибо, герцог Лотарингский, встретил его случайно и убил на месте. По-видимому, обычное правосудие было бессильно против такого человека.

Случай с епископом Ванса не лишён аналогий с предыдущим. Папа Целестин III отстранил его и вызвал в Рим, чтобы ответить за свои преступления; но епископ не обратил на это никакого внимания и продолжал исполнять свои обязанности. Когда Иннокентий стал папой в 1198 году, он отлучил епископа Ванса; но эта мера сама по себе осталась без эффекта. Наконец, в 1201 году Иннокентий повелительно приказал архиепископу Эмбрёнскому провести дознание и сместить непокорного епископа, если обвинения против него подтвердятся. Тем временем епархия была доведена до жалкого состояния; церкви разрушались, и богослужение совершалось лишь в нескольких приходах.

В Нарбонне, главном штабе ереси, архиепископ Беренгер II, незаконный сын Раймунда Беренгера, графа Барселонского, не занимал свою кафедру; он предпочитал жить в Арагоне, где владел богатым аббатством и епископством Лерида; он никогда не посещал свою провинцию. Хотя он получал от неё большие доходы, как законными путями, так и от продажи епископств и бенефициев, он ещё не видел её в 1204 году, хотя был посвящён в 1190 году. Обладатели достоинств, которые он продавал, часто были людьми самых распущенных нравов. Состояние провинции было ужасным, как из-за плохого поведения духовенства, так и из-за дерзости еретиков и насилия партий. Уже в 1200 году Иннокентий III потребовал, чтобы Беренгер пришёл отчитаться перед ним. В 1201 году новая попытка, повторённая и в последующие годы, но без успеха, ибо архиепископ не переставал тянуть время, апеллируя от легата к папе. Наконец, в 1210 году Иннокентий снова приказывает своему легату провести дознания об архиепископах Нарбонна и Оша и без апелляции исполнить меры, предписанные канонами. Однако пришлось ждать до 1217 года, прежде чем Беренгер был лишён своей кафедры. Вероятно, он выпутался бы без ущерба, если бы сам легат, Арно де Сито, не захотел его преемства, которое он действительно получил. Мы можем без колебаний верить писателю XIII века, когда он говорит нам, что процедура, ведущая к смещению прелата, была столь длинной и трудной, что даже самые виновные считали себя защищёнными от наказания.

Даже когда чудовищность преступлений не требовала вмешательства папы, епископат бесчестил себя тысячью притеснений и поборов, которые достаточно держались в стороне от законов, чтобы у жертв не было никаких средств добиться справедливости. Одна история, среди многих других, показывает, до какой степени обладание епископством считалось доходным. Один епископ, преклонного возраста, созвал своих племянников и других родственников, чтобы они договорились найти ему преемника. Они назначили одного из них и совместно заняли крупные суммы, необходимые для покупки назначения. К сожалению, избранный епископ умер, прежде чем вступил во владение, и на смертном одре ему пришлось выслушать жестокие упрёки разорённых родственников, которые видели себя не в состоянии вернуть капитал, занятый ими для покупки их доли епископства!

Святой Бернард сообщает нам, что на епископские кафедры призывают юных мальчиков, в возрасте, когда они больше всего заботятся о том, чтобы избежать ферулы своих учителей; но эти дети вскоре становятся дерзкими, продают алтарь и опустошают карманы верующих.

Эксплуатируя таким образом свои функции, епископы лишь следовали примеру папства, которое прямо или через своих агентов становилось, путём поборов, ужасом христианских церквей. Арнольд, архиепископ Трирский с 1169 по 1183 год, стал очень популярен, защищая свой народ от требований папских нунциев; каждый раз, когда его информировали об их приближении, он сам шёл им навстречу и богатыми подарками добивался, чтобы они направились в другую епархию, к великой выгоде его собственного стада.

В 1160 году тамплиеры жаловались Александру III, что их усилия в интересах Святой Земли серьёзно затрудняются поборами легатов и нунциев папы, которые не довольствовались

тем, что им предоставляли жильё и содержание, как они имели право, но требовали денег. Папа милостиво даровал тамплиерам освобождение от этого бремени, за исключением случая, когда легатом был кардинал.

Было гораздо хуже, когда приезжал сам папа. Климент V, после того как был посвящён в Лионе, путешествовал из этого города в Бордо; по пути он и его свита столь бесстыдно грабили церкви, что после его отъезда из Буржа архиепископ Жиль, полностью разорённый, должен был ежедневно являться к своим каноникам, чтобы выпросить долю продовольствия, которое им выделялось. Пребывание папы в богатом приорстве Граммон настолько обеднило дом, что приор, отчаявшись поправить свои дела, подал в отставку, а его преемник был вынужден наложить тяжёлый налог на все дома Ордена.

Англия после позорного подчинения короля Иоанна была особенно поражена папскими поборами. Богатые бенефиции предоставлялись иностранцам, которые не думали там проживать, так что ежегодные суммы, извлекаемые таким образом с большого острова, оценивались в 70 000 марок, втрое больше общего дохода короны!

Всякий протест, всякое сопротивление подавлялись отлучениями. На всеобщем Лионском соборе, состоявшемся в 1213 году, было представлено обращение от имени английской Церкви, где эти злоупотребления осуждались в выражениях более энергичных, чем почти-тельных. Это ничему не помогло. Десять лет спустя легат папы Рустан потребовал от имени Александра IV огромную субсидию; доля аббатства Сент-Олбанс достигала шестисот марок. Тогда Фульк, епископ Лондонский, заявил, что даст себя обезглавить, а Вальтер Вустерский — что даст себя повесить, plutôt чем подчиниться подобным требованиям; но их сопротивление было сломлено. Были выдвинуты якобы долги, сделанные у итальянских банков, чтобы получить средства, необходимые для ведения некоторых дел, переданных в римскую курию. Чтобы сделать эти требования действительными, Рим не отступил перед угрозой отлучения. Когда Роберт Гроссетест Линкольнский обнаружил, что его усилия реформировать своё духовенство сводятся на нет апелляциями в Рим, где виновные всегда могли купить безнаказанность, он отправился к Иннокентию IV в надежде добиться некоторых реформ. Потерпев полную неудачу, он воскликнул перед папой: «О деньги, деньги, сколько всего ты можешь сделать, особенно при римском дворе!»

Это злоупотребление апелляциями было уже давним, и уже во времена Карла Лысого, когда они были учреждены, жаловались, что они оказывают деморализующее влияние на духовенство. Прелаты, как Гильдеберт Манский, которые честно искали средств против коррупции священников, констатировали, что их усилия бесполезны, и не стеснялись жаловаться на это. Их жалобы, однако, не приносили большой пользы, хотя время от времени честный папа, как Иннокентий III, соглашался аннулировать грамоту о помиловании, написанную в неведении обстоятельств дела, или даже позволял прелату действовать без апелляции. Биограф Иннокентия III особенно хвалит его за то, что он отказался от того, что называлось *proptinae*, даров или подарков, сделанных папам для получения их грамот. Другие понтифики, более хитрые, старались нейтрализовать действие своих собственных грамот, не уменьшая прибылей своей канцелярии. Когда Лук, святой архиепископ Гранский, был брошен в тюрьму узурпатором Ладиславом в 1172 году, он отказался воспользоваться грамотами об освобождении, полученными от Александра III, утверждая, что не хочет быть обязан своим освобождением симонии.

Не только этими пагубными действиями юрисдикция Рима причиняла неисчислимый вред христианскому миру. В то время как феодальные суды были строго территориальными и местными, судебные функции епископов ограничивались их собственной епархией, так что каждый человек мог знать, перед кем он ответственен, универсальная юрисдикция Рима естественным образом порождала злоупотребления худшего рода. Папа, в качестве верховного судьи, мог делегировать кому угодно часть своей власти, признанной повсюду; кроме того, папская канцелярия не очень разборчиво выбирала лиц, которым вручала грамоты, уполномо-

чивающие их осуществлять судебные функции и обеспечивать исполнение их решений угрозой отлучения. Если верить современным свидетельствам, эти грамоты открыто продавались римской канцелярией тем, кто был в состоянии их оплатить. Европа была изборождена множеством людей, вооружённых самым грозным оружием, которое они без стеснения использовали для вымогательства денег. Епископы, с другой стороны, не упускали случая утвердить свою более ограниченную юрисдикцию, и в возникшей путанице слишком легко находились авантюристы, чтобы претендовать на обладание этими делегированными полномочиями и использовать их в самых низких интересах.

Эти грамоты давали тем, кто ими обладал или утверждал, что обладает, карт-бланш на совершение несправедливостей, осуществление мести или обогащение. Вдобавок их начали подделывать. Было очень трудно обратиться в Рим, чтобы удостовериться в подлинности папского бреве. Луций III около 1185 года приказал преследовать банду фальсификаторов, действовавших в Англии, чья доходная индустрия сильно подорвала уважение, внушаемое публикациями Святого Престола. Целестин III говорит о фальсификаторах папских грамот, которые были недавно обнаружены в самом Риме; его преемник Иннокентий III, вступая на престол, обнаружил другую мастерскую такого рода в полном действии. Хотя он принял меры, чтобы закрыть эту мастерскую, торговля поддельными бреве была слишком прибыльной, чтобы бдительность честного папы могла её прекратить. До последнего дня своего понтификата охота на мошеннические бреве была одной из его постоянных забот.

Около того же времени Этьен, епископ Турне, обнаружил в своём епископском городе гнездо фальсификаторов, которые изобрели хитроумный инструмент для изготовления папских печатей. В глазах народа, однако, было мало важно, были ли бреве подлинными или апокрифическими; страдания и угнетение были одинаковыми, получала ли римская канцелярия пошлины или нет.

Так римская курия была предметом ужаса для всех, кто с ней соприкасался. Гильдеберт Манский изображает чиновников курии как продающих правосудие, задерживающих решения под тысячей предлогов и в конце концов, забывающих о своих обязательствах, когда больше нет денег, чтобы их подкупить. «Они были камнем, чтобы понимать, деревом, чтобы судить, огнём, чтобы гневаться, железом, чтобы прощать; лисами, чтобы обманывать, быками по гордости и минотаврами по своей привычке всё пожирать». Столетие спустя Роберт Гроссетест прямо говорил Иннокентию IV и его кардиналам, что курия является источником всего позора, который делает священство стыдом и позором для христианства. Полтора века спустя те, кто лучше всего знал римскую курию, заявляли, что она не изменилась.

Когда таков был пример, подаваемый главой Церкви, было бы очень удивительно, если бы многие епископы не пользовались всеми случаями, чтобы стричь свои стада. Пётр Кантор, свидетель, достойный всяческого доверия, заявляет, что они не ловцы душ, а ловцы денег, и что у них на службе тысяча хитроумных обманов, чтобы опустошать карманы бедных. ««У них есть», — говорит он, — три крючка, чтобы ловить свою добычу в глубоких водах — исповедник, ответственный за попечение о душах; диакон, архидакон и другие священники, которые служат интересам прелата честными или нечестными средствами; наконец, сельский священник, который выбирается по его умению эксплуатировать бедных и приносить их добычу своему господину». Эти должности часто сдавались в аренду, и право мучить и грабить народ продавалось тому, кто больше даст. Все эти люди вызывали всеобщую ненависть, о чём свидетельствуют многие анекдоты. Один церковнослужитель проиграл в игру всё своё состояние, за исключением пяти су; обезумев от ярости, он воскликнул, что охотно отдаст то, что у него осталось, тому, кто научит его, как наиболее тяжко оскорбить Бога. Один из присутствующих был признан достойным получить сумму за то, что сказал: «Если вы хотите оскорбить Бога хуже всех других грешников, станьте чиновником или епископским сборщиком!» «Раньше, — продолжает Пётр Кантор, — было некоторое приличие в присвоении имущества богатых и

бедных; но теперь всё делается публично и открыто, с помощью множества обманов и новых способов вымогательства». «Чиновники прелатов не только их пиявки, которые сосут, чтобы потом быть выжатыми, но они фильтры вина их грабежей, оставляя себе осадок греха».

Этот взрыв праведного возмущения доказывает, что главным орудием поборов и угнетения служила судебная власть епископата. Правда, крупные доходы поступали от продажи церковных должностей и взимания пошлин за всевозможные официальные акты; правда и то, что многие прелаты без стеснения извлекали грязную выгоду из безнравственности, столь распространённой среди celibатного духовенства, требуя подати, называемой *cullagium* (подать за сожительство), после уплаты которой священник мог жить в мире со своей сожительницей. Но несомненно, что духовная юрисдикция была источником наибольших прибылей для прелатов и причиной наибольшей нищеты для народа. Даже в светских судах штрафы, взыскиваемые по итогам процессов, составляли важную часть доходов сеньоров; тем более в церковных судах, которые охватывали всю духовную юриспруденцию и большую часть светской, было обильное поле для сбора. Так, как говорит Пётр Кантор, таинство брака становилось предметом насмешки для мирян из-за продажности епископских чиновников, которые заключали и расторгали союзы, чтобы наполнить свои карманы. Предлог для расторжения брака естественно искали в сложном арсенале законов о запрещённых степенях родства.

Другим плодотворным источником вымогательств было отлучение. Если несчастный сопротивлялся несправедливому требованию, его отлучали, и он должен был затем заплатить не только то, что с него неправо требовали, но и штраф, чтобы его отлучение было снято. Всякая задержка в повиновении вызовам суда Официала влекла за собой отлучение и последующие вымогательства.

Там, где было так выгодно для некоторых создавать трудности, не упускали ни одного случая их породить, к великому ущербу бедного народа. Когда священник вступал во владение бенефицием, его заставляли поклясться, что он не закроет глаза ни на одну ошибку, совершённую его прихожанами, но позаботится о том, чтобы виновные были привлечены к ответственности и оштрафованы; он должен был также обязаться не позволять, чтобы ссоры или тяжбы решались полюбовно. Хотя декреталия постановила, что клятвы, данные с этой целью, недействительны, епископы продолжали их требовать. Как пример этих злоупотреблений приводят историю ребёнка, который, играя, случайно убил своего товарища стрелой. Отец убийцы был богатым человеком, и воспротивились тому, чтобы он полюбовно примирился с отцом жертвы. Пьер де Блуа, архидиакон Бата, вероятно, не ошибался, когда описывал епископских ординариев как гадюк беззакония, превосходящих злобой всех змей и всех василисков, как пастырей не овец, но волков, всецело преданных злобе и грабежу.

Продажность многих епископских судов была ещё более эффективной причиной нищеты народа и, следовательно, враждебности по отношению к Церкви. Характер юридических прецедентов и характер адвокатов, которые выступали перед этими судами, ясно виден при изучении реформы, предпринятой в 1231 году Руанским собором. Тогда адвокатов просили обязаться присягой не похищать дело противной стороны, не представлять подложные документы или ложные свидетельства. Судьи были на уровне адвокатуры. Они не отступали ни перед каким вымогательством, чтобы вытянуть до последнего су всю наличность тяжущихся, и когда мошенничество становилось слишком очевидным, они заменяли себя подчинёнными, которые работали на их счёт. Случилось, что аббатство Андреа поссорилось с материнским домом Шарру; последний дал знать аббатству, что оно может потратить перед любым судом сто марок серебра против десяти у своего противника; и действительно, после десяти лет тяжб, включая три апелляции в Рим, аббатство Андреа оказалось обременённым огромным долгом в 1400 парижских ливров, помимо того, что детали процедуры свидетельствуют о самой бесстыдной коррупции. Римский двор подавал пример другим, и его репутация в этом отношении отража-

ется в похвале, оказанной папе Евгению III; ему ставят в заслугу, что он отверг приора, который хотел начать дело перед ним, предложив марку золота!

Другой вид угнетения вдохновлялся более высокими мотивами и давал лучшие результаты, но не менее страшным бременем ложился на массу народа. Именно к тому времени относится введение обычая строить великолепные церкви и аббатства, украшенные витражами и самыми роскошными украшениями. Эти здания были, без сомнения, выражением горячей веры, но ещё больше они были проявлением гордости прелатов, руководивших их строительством. В нашем восхищении этими знаменитыми памятниками мы не должны забывать ужасные усилия и страдания, которые они наложили на крепостных и крестьян. Пётр Кантор утверждает, что их возводили ценой поборов с бедных, с помощью гнусных прибылей ростовщичества, посредством лжи и обманов, практикуемых *quaestuarii* или продавцами индульгенций; он добавляет, что большие суммы, потраченные таким образом, были бы полезнее для выкупа пленных и помощи несчастным.

Вряд ли можно было надеяться, что прелаты того рода, которые занимали тогда кафедры Церкви, посвятили себя истинным обязанностям своей должности. На первом месте среди этих обязанностей была проповедь, распространение среди верующих учений веры и морали. Поистине, обязанность проповедника была главным образом епископской функцией; епископ был единственным человеком в епархии, уполномоченным её осуществлять; приходской священник не получал необходимого образования, и правила не позволяли ему проповедовать без особого разрешения его начальника. Но беспокойные и воинственные прелаты того времени думали совсем о другом и, впрочем, были совершенно неспособны к проповеди. В 1031 году Лиможский собор выразил желание, чтобы народу проповедовали не только в епископской церкви, но и в других церквях, когда воля Божья вдохновит на эту задачу компетентного доктора. Но Церковь оставалась бездеятельной, пока распространение ереси не заставило её признать неблагоразумие, которое она совершала, пренебрегая столь эффективным источником влияния. В 1209 году Авиньонский собор приказал епископам проповедовать чаще и прилежнее, чем в прошлом; когда представлялся случай, нужно было поручать эту задачу «честным и благоразумным» людям. В 1215 году великий Латеранский собор признал, что епископы, обременённые неотложными делами, не имеют досуга часто проповедовать сами; он потребовал, чтобы они находили и оплачивали из своих средств людей, чьей функцией было бы посещать приходы и назидать народ как словом, так и примером. Подобные призывы производили мало эффекта; поле проповеди оказалось почти полностью предоставленным еретикам, пока братья-проповедники не начали свою работу, к великому неудовольствию епископов.

Инквизитор-трубадур Изарн не стесняется заявить, что Инквизиция никогда бы не распространилась, если бы были хорошие проповедники, чтобы ей противостоять, и что без доминиканцев с ней никогда бы не справились.

Низшая часть духовенства вряд ли могла иметь больше моральной ценности, чем епископат. Бенефиции большей частью находились в распоряжении епископов, хотя предоставление многих других зависело от светских сеньоров; некоторые религиозные корпорации обладали особыми правами патроната, и многие из них заполняли путём кооптации образовывавшиеся вакансии. Однако, какой бы властью ни зависело предоставление, результаты на практике были почти одинаковыми. Все жалуются в то время, что бенефиции открыто продаются или даются по протекции, без дознания о качествах или способностях просителя. Сам святой Бернард в 1151 году ходатайствовал о должности препозита для ничего не стоящего молодого человека, который был племянником его друга, епископа Осерского; поразмыслив, он испытал угрызения совести и отозвал свою просьбу, что мог сделать тем легче, что его друг, умирая, оставил не менее семи церквей своему возлюбленному племяннику.

В том же году он отказал графу Тибо Шампанскому в бенефиции, который этот могущественный человек просил для своего сына, ещё ребёнка; но просьба, адресованная святому

Бернарду, доказывает, как привыкли тогда давать бенефиции по протекции — когда их не продавали.

По правде говоря, каноническое право было полно превосходных предписаний относительно добродетелей и способностей, требуемых от кандидатов; но на практике эти предписания оставались мёртвой буквой. Папа Александр III однажды вознегодовал, узнав, что епископ Ковентри имел обыкновение давать церкви детям младше десяти лет; но всё, на что он осмелился, — это приказать, чтобы приходы были поручены компетентным викариям, пока обладатели не достигнут требуемого возраста, который он сам установил в четырнадцать лет. Другие папы, более милостивые, снизили до семи лет возраст, требуемый для владения простыми бенефициями или пребендами.

Что касается злоупотреблений патроната, нельзя было ожидать, что римская курия положит им конец, ибо она сама была ими заражена. Армия угодников и паразитов, которых она укрывала, постоянно подстерегала богатые бенефиции во всех странах Европы, и папы неперестанно писали епископам и капитулам, прося места для своих друзей [2].

В такой системе неизбежным следствием было злоупотребление множественностью бенефициев, со всеми вытекающими неудобствами. Напрасно папы и реформаторские соборы издавали конституции, чтобы их запретить; напрасно негодующие моралисты осуждали их скандалы, одинаково пагубные для блага душ, для временных доходов и для уважения к церквям. Запрещённые каноническим правом, множественности, как и все злоупотребления, были источником прибыли для римской курии, всегда готовой даровать диспенсации, когда держатели множественностей боялись, что кто-то вмешается в их дела. Ими можно было также пользоваться в политических целях, как когда Иннокентий IV в 1246 году разрушил угрожающую коалицию французских дворян умелым использованием этих диспенсаций.

Фактически находились учёные доктора теологии, чтобы поддерживать законность этого злоупотребления; это сделал, например, около 1238 года в публичной дискуссии канцлер Парижского университета магистр Филипп, который сам был известным плюралистом. Его судьба, однако, послужила предостережением для других. На смертном одре его друг Гийом Овернский, епископ Парижский, убеждал его отказаться от всех своих бенефициев, кроме одного, обещая возместить ему эту жертву, если он выздоровеет. Филипп отказался по той причине, как он говорил, что хотел узнать, влечёт ли множественность бенефициев осуждение. Любопытство схоласта было удовлетворено. Вскоре после его смерти тень явилась добродушному епископу во время молитвы, объявила себя душой канцлера и заявила, что она осуждена навсегда [3].

Духовенство, набранное таким образом и подверженное таким влияниям, не могло, за исключением отдельных случаев, быть ничем иным, как бичом для людей, находившихся под его духовным руководством. Бенефиций, приобретённый за наличные деньги, рассматривался как простое вложение, из которого нужно было извлечь как можно больше прибыли путём поборов и других махинаций, сводя к минимуму собственные обязанности христианского пастыря.

Одним из самых плодотворных источников недовольства и ссор был вопрос о десятинах. Эта угнетающая форма налогообложения, усугубляемая жадностью сборщиков, давно порождала смуты. Это было величайшим препятствием для усилий Карла Великого обратить саксов, и мы увидим, что этот институт был причиной в XIII веке безжалостного крестового похода против фризлов. В некоторых местностях сопротивление народа стало таким, что неуплата десятин была квалифицирована как ересь. Повсюду мы видим, что вопрос о десятинах сталкивает пастыря с его стадом и вызывает бесконечные тяжбы между теми, кто считает себя вправе ими пользоваться. Отсюда целая отрасль канонического права, предназначенная для урегулирования этих споров. Карлейль утверждает, что ко времени Французской революции перед судами было не менее шестидесяти тысяч дел о десятинах. Раньше десятину делили на четыре части:

одну для епископа, другую для приходского священника, третью для церковной фабрики и четвёртую для бедных. Но в то время, о котором мы говорим, жажда земных благ была такова, что епископ и священник брали каждый как можно больше, оставляя церкви мало, а бедным — ничего (1).

Та часть десятины, которую священник удерживал для себя, редко была достаточной для его нужд, тем более что он часто жил в беспорядке и подвергался жадности своих начальников. Поэтому та форма симонии, которая состоит в продаже таинств, вскоре стала всеобщей. Исповедь, которую тогда сделали обязательной и на которую священник имел монополию, открывала широкое поле для вымогательств всякого рода. Некоторые исповедники, правда, низко ценили таинство покаяния и давали отпущение всякого греха в обмен на курицу или пинту вина; но другие были более требовательны.

Современник рассказывает, что Эйнхардт, священник из Зоста, строго упрекнул одного из своих прихожан, который, готовясь к Пасхе, исповедался, что согрешил невоздержанием в Великий пост; он потребовал с него восемнадцать денье, цену восемнадцати месс за его душу. Другой пришёл сказать Эйнхардту, что в течение Великого поста он воздерживался от общения с женой; тотчас он был подвергнут такому же штрафу, цене восемнадцати месс, потому что упустил случай зачать ребёнка, как было бы его обязанностью. Оба прихожанина должны были продать свои урожаи заранее, чтобы найти необходимые деньги. Случай распорядился так, что они встретились на рыночной площади и сравнили записки, которые священник им выдал. Они подали жалобу декану и капитулу Сен-Патрокля, и дело получило огласку, к великому соблазну верующих. Но доходная карьера Эйнхардта не была прервана из-за такой малости!

Все священнические функции должны были таким образом приносить доход. Священник отказывался совершать брак или похороны, если требуемые суммы не были уплачены заранее; даже евхаристия давалась причастникам только в том случае, если они предлагали то, что называлось приношением. Чтобы понять серьёзность последнего факта, нужно встать на точку зрения тех людей, которые все безоговорочно верили в пресуществление. Поэтому Пётр Кантор прав, когда говорит, что священники его времени хуже Иуды Искарота, который продал тело Господа за тридцать денье; они делают то же самое каждый день... за одно денье.

Кроме того, многие священники нарушали правило, запрещавшее, за особыми исключениями, служить более одной мессы в день; те, кто хотел казаться соблюдающим его, придумали хитроумную комбинацию: повторяя интроит, они делили одну мессу на полдюжины частей и получали приношение за каждую.

Если на каждом повороте своего существования верующий был таким образом подвержен поборам, жадность духовенства не останавливалась перед его смертным одром; даже его труп имел рыночную стоимость для вампиров, которые за него спорили. Последние таинства, необходимые для спасения души, часто отказывались преподавать священником, если он не получал в обмен какой-либо предмет, принадлежащий умирающему, например, простыни с его постели. Но вероятно, это злоупотребление не было частым. Гораздо более распространённым был обычай эксплуатировать ужасы Страшного суда путём вымогательства завещательных отказов, предназначенных для благочестивых целей. Известно, что большая часть имущества Церкви была накоплена таким образом; уже с IX века раздавались жалобы по этому поводу. В 814 году Карл Великий, созвав провинциальные соборы по всей своей империи, спросил прелатов, могут ли они действительно утверждать, что отреклись от мира, тогда как они не перестают стремиться обогащаться, обещать небо и угрожать адом, чтобы добиться того, чтобы простые и невежественные люди лишали наследства своих естественных наследников, которые затем предавались нищете, ведущей их к воровству и преступлению. На этот вопрос Шалонский собор в 813 году ответил канонем, запрещающим эти практики и напоминающим духовенству, что Церковь должна помогать бедным, а не грабить их. Турский собор ответил, что он провёл дознание и не смог обнаружить ни одного человека, жалующегося на то, что его лишили

наследства. Реймский собор благоразумно обошёл дело молчанием, а Майнцский собор обязался заставить вернуть таким образом присвоенное имущество его законным владельцам. Эффект этого вмешательства длился недолго; Церковь продолжала делать деньги на ужасах умирающих, и в конце концов около 1170 года Александр III постановил, что никто не может составить действительное завещание без присутствия священника своего прихода. В некоторых местностях нотариус, составлявший завещание в отсутствие священника, отлучался, и тело завещателя не могло быть погребено по-христиански. Чтобы оправдать эти злоупотребления, иногда ссылались на необходимость помешать еретику завещать своё имущество другим еретикам; но тщетность этого аргумента подтверждается тем фактом, что рассматриваемое правило было обнародовано несколько раз в странах, где ересь была неизвестна. Иногда также жаловались, что приходские священники использовали для личных нужд отказы, учреждённые в пользу благочестивых фондов.

Даже после смерти Церковь не отказывалась от своего права контроля и выгод, которые она из него извлекала. Всеобщим обычаем было завещать значительные суммы для практик, которыми Церковь якобы облегчала муки чистилища; приношение во время похорон было не менее обычным. В результате даже охрана тел умерших становилась источником значительных доходов, и приход, где грешник жил и где он умер, претендовал на право на его останки. Случалось, что какой-нибудь монастырь получал в последний момент от умирающего, что его тело будет передано в его руки — серьёзное посягательство на права прихода и источник скандальных ссор, порождаемых налогами, предусмотренными за похороны и чтение месс. Уже в V веке папа Лев Великий не стеснялся осуждать в самых суровых выражениях жадность монастырей, которые приглашали людей разделить их уединение в надежде воспользоваться их щедротами, в ущерб приходскому священнику, таким образом обманутому в его законных ожиданиях. Лев предписал в связи с этим компромисс, по условиям которого половина имущества, приобретённого таким образом монастырём, должна была быть присуждена церкви умершего, даже если он был введён в монастырь только после смерти. Приходские церкви в конце концов стали требовать тела своих прихожан как неотчуждаемую собственность и отказывать умирающим в праве выбирать место погребения. Потребовалось несколько папских решений, чтобы положить конец этим необоснованным требованиям; но решения Рима всегда уступали церквям часть суммы — четверть, треть или половину, — которую умерший отложил для спасения своей души. В некоторых местах приходская церковь претендовала на право получать определённые суммы при смерти любого из своих прихожан; пришлось в 1240 году Вустерскому собору постановить, что, когда вдова и сироты будут доведены до нищенства уплатой этого налога, Церковь милосердно удовольствуется третьей имущества, оставленного умершим, уступив две другие трети семье. В Лиссабоне последние утешения религии отказывались тем, кто не завещал Церкви часть своего имущества, обычно оцениваемую в треть. Другие местные обычаи приписывали священнику собственность носилок, на которых тело несли в церковь. В Наварре закон регулировал стоимость дара, который неимущие должны были предлагать Церкви за заупокойную мессу; это были, в случае крестьянина, две меры пшеницы. В случае кабальеро приношение включало боевого коня, доспехи и драгоценности. Часто случалось, что этот обременительный налог покрывался королём в знак почтения к памяти какого-нибудь доблестного рыцаря. Важность этих поборов видна из того факта, что в 1372 году Карл II Наваррский заплатил францисканскому хранителю Памплоны тридцать ливров, чтобы выкупить коня, доспехи и другие предметы, принесённые в Церковь во время похорон Масена Сегена де Бадостала.

С развитием нищенствующих орденов и огромной популярностью, которую они приобрели, соперничество между ними и белым духовенством за обладание телами умерших становилось всё более острым, порождая скандалы, которыми нам ещё предстоит заняться в дальнейшем.

В вопросах, касающихся нравов, отношения между духовенством и народом были особенно деликатного свойства. Я подробно рассматривал этот вопрос в другом труде и не хочу здесь на нём настаивать. В рассматриваемую эпоху обязательный celibат священников стал всеобщим в большинстве стран, подвластных Латинской Церкви. Но установление этого принуждения не сопровождалось, как объявляли инициаторы реформы, даром целомудрия тем, на кого оно было наложено. Лишённый законных удовлетворений, которые брак обеспечивает естественным инстинктам человека, священник вместо жены содержал то сожительницу, то ряд любовниц. Обязанности священника и исповедника давали ему особые возможности в этом отношении. Это было настолько общепризнанно, что мужчина, исповедуясь в незаконной любви, не должен был называть свою сообщницу, из страха, что исповедник не воспользуется этим, чтобы в свою очередь обеспечить себе те же милости. Едва Церковь успела запретить брак своим служителям, как мы находим её повсюду и непрестанно занятой задачей, по-видимому химерической, принудить их к целомудрию. Эпоха, о которой мы говорим, не была особенно щепетильна в отношении добродетели женщин; однако зрелище духовенства, исповедующего аскетическую чистоту как существенное условие своих функций и на практике более цинично развращённого, чем большинство мирян, не способствовало его возвышению в народном уважении; с другой стороны, отдельные случаи, когда мир и честь семей приносились в жертву похоти пастыря, естественно, пробуждали чувства ненависти. Что касается ещё худших преступлений, они были частыми, и не только в монастырях, откуда женщины были строго исключены; кроме того, они почти всегда оставались безнаказанными.

Не менее пагубным следствием якобы аскетизма, навязанного духовенству, было создание ложного понятия морали, которое причинило бесконечное зло как мирскому миру, так и самой Церкви. Как только священник не нарушал открыто каноны, женись, считалось, что ему можно всё простить. Папа Александр II, который так старался восстановить правило celibата, постановил в 1064 году, что священник из Оранжа, совершивший прелюбодеяние с женой своего отца, не должен быть лишён причастия из страха довести его до отчаяния; и ввиду немоги плоти ему было разрешено остаться в Орденах, но только в низших степенях. Два года спустя тот же папа милосердно сократил епитимью, наложенную на священника из Падуи, совершившего инцест с матерью, и предоставил епископу решать, должен ли он быть оставлен в священстве. Трудно преувеличить пагубные последствия, которые производили на народ подобные примеры.

Однако представляется, что наиболее эффективной причиной деморализации духовенства и усиливающейся враждебности между ним и мирским миром была личная неприкосновенность и иммунитет от всякой светской юрисдикции, которые Церковь сумела установить, как признанный принцип публичного права. Действительно, если в эпоху насилия для независимости и даже безопасности священников было необходимо, чтобы они подлежали особой юрисдикции, то плохие последствия этого института вскоре дали о себе знать двояким образом. С одной стороны, лёгкость, с которой церковнослужитель добивался оправдания путём канонической очистки, и относительная мягкость наказаний в случае осуждения в значительной мере освобождали священников от страха перед законами. С другой стороны, это обещание относительной безнаказанности привлекало в Церковь толпы недостойных людей, которые, не отказываясь от своих мирских амбиций, допускались в низшие степени иерархии и пользовались безответственностью, которую они давали, к великому ущербу для репутации священства и всех, кто с ними вступал в отношения.

Вмешательство Иннокентия III в пользу Вальдемара, епископа Шлезвигского, показывает, как Церковь, утверждая свои привилегии, распространяла свою защитную эгиду на тех, кто меньше всего заслуживал снисхождения. Вальдемар был незаконным сыном Кнуда V, короля Дании, и возглавил вооружённое восстание против Вальдемара II, правящего короля. Восстание было подавлено, и он был заключён в тюрьму. Иннокентий потребовал его освобождения.

дения, утверждая, что он был заключён в нарушение иммунитетов Церкви. Естественно, Вальдемар II колебался, подвергая таким образом своё королевство новому восстанию. Иннокентий согласился сократить свои притязания; епископ должен был быть отправлен в Венгрию и освобождён в этой стране, причём папа обязался, что тот не предпримет нового восстания. Но он передумал и вызвал дело в Рим. Там, хотя епископ был рождён от двойного прелюбодеяния и, следовательно, не мог быть избран в Орден, несмотря на представления датских посланников, обвинявших епископа в клятвопреступлении, прелюбодеянии, вероотступничестве и растрате, Иннокентий во имя свобод Церкви вернул ему его епископство и его наследство, с особой привилегией заменить себя делегатом, если он боится, что проживание поставит под угрозу его личную безопасность. На просьбу решить, может ли светская полиция арестовать и передать в епископские суды клирика, застигнутого на месте преступления, Иннокентий ответил, что это возможно только по приказу епископа — что равносильно дарованию безнаказанности.

Священническое сословие, которому с такой услужливостью обеспечивалась привилегия творить зло, рано или поздно должно было рассматриваться гражданским обществом как бич; и когда мало-помалу во всём христианском мире установилось господство закона, обычные суды нашли в иммунитете духовенства препятствие более серьёзное, чем в притязаниях феодальных сеньоров. Фактически, когда преступник был арестован, его первой попыткой обычно было доказать, что он принадлежит к духовенству, что он носит тонзуру и не подлежит юрисдикции светских судов; с другой стороны, рвение к церковным правам, а может быть, и жадность, всегда побуждали епископских чиновников поддерживать такое требование и добиваться освобождения обвиняемого. Церковь стала таким образом ответственной за эксцессы множества преступников, клириков только по имени, которые использовали свой иммунитет, чтобы грабить светское общество и совершать в нём всякого рода злодеяния.

Иммунитет, прикреплённый также к церковной собственности, порождает не менее скандальные злоупотребления. В гражданских делах клирик, был ли он истцом или ответчиком, имел право быть судимым церковными судами, которые естественно выносили решения в его пользу, даже когда они не были продажны, так что мирянину становилось почти невозможно добиться справедливости против клирика. Некоторые клирики покупали у мирян сомнительные долговые требования и взыскивали их в духовных судах. Спекуляция, запрещённая, правда, соборами, но слишком прибыльная, чтобы её можно было подавить. Другое злоупотребление, вызывавшее очень резкие жалобы, состояло в том, чтобы изводить несчастных мирян, вызывая их одновременно отвечать по одному и тому же делу в нескольких духовных судах; каждый суд налагал наказание отлучения, искупаемое только крупными штрафами, на тех, кто оказывался таким образом, без своей вины, в состоянии неповиновения, и часто даже не пытаясь выяснить, были ли стороны действительно вызваны! Чтобы оценить по достоинству страдания и преследования, таким образом причиняемые светскому обществу, мы должны помнить, что образование и знание дел были тогда почти привилегией церковного класса, чей обострённый ум мог извлекать величайшие выгоды из состояния невежества и беспомощности, в котором бились его возможные противники.

Монашеские ордена составляли класс слишком многочисленный и слишком важный, чтобы не разделять полностью, в добре и зле, ответственность Церкви. Какие бы великие услуги они ни оказывали религии и цивилизации, они были особенно подвержены разлагающим влияниям этой эпохи, и их добродетели были глубоко затронуты. В век, о котором мы говорим, они постепенно добились освобождения от епископской юрисдикции и подчинения непосредственному контролю Рима. Это было эффективной и неизбежной причиной морального упадка монастырей. Ричард, архиепископ Кентерберийский, горько жаловался Александру III на послабление, таким образом введённое в монашескую дисциплину; но его жалобы остались без эффекта. Эти меры унижали епископат, но они увеличивали, прямо и косвенно, авторитет Святого Престола, обеспечивая ему могущественных союзников в его борьбе с епи-

скопами; это был, кроме того, источник доходов, если верить аббату Мальмсбери, который хвастался, что освобождён от юрисдикции епископа Солсбери за уплату в Рим одной унции золота в год.

В слишком многих случаях аббатства становились таким образом очагами разврата и смуты; женские монастыри походили на публичные дома, а мужские монастыри приобретали вид феодальных замков, чьи монахи воевали против своих соседей с такой же свирепостью, как самые беспокойные бароны. Кроме того, поскольку не было, естественно, наследственной преемственности, смерть аббата часто становилась сигналом к ссоре за избрание его преемника, порождая внутренние распри и вызывая вмешательство извне. В ссоре такого рода, вспыхнувшей в 1182 году, богатое аббатство Сент-Трон было атаковано епископами Меца и Льежа, город и аббатство были сожжены, а жители перебиты. Смута длилась до конца века, и когда её временно прекратили денежной сделкой, жалкие вассалы и крепостные были доведены до крайней нищеты, будучи вынуждены найти средства, необходимые для покупки назначения честолюбивого монаха!

Правда, не все монастыри забыли обязанности, ради которых они получили от верующих столь многочисленные пожертвования. Во время голода 1197 года, хотя монастырь Гейстербах был ещё беден, аббат Гебхардт кормил иногда до пятнадцати сотен человек в день; материнский дом Хеменроде показал себя ещё более щедрым и содержал всех бедных округа до урожая. В то же время одно цистерцианское аббатство в Вестфалии пожертвовало все свои стада и заложило даже свои книги и священные сосуды, чтобы накормить голодающих, которые его осаждали. Приятно отметить, что большие расходы, понесённые в этих обстоятельствах монастырями, всегда компенсировались новыми пожертвованиями верующих. Подобные примеры хорошо приводить, чтобы в некоторой мере реабилитировать монашеский институт; но нужно признать, что из аббатств исходило гораздо больше зла, чем добра.

В этом нет ничего удивительного, если учесть, как рекрутировались Ордена. Цезарий Гейстербахский, хотя и восторженный почитатель цистерцианского устава, утверждает, как установленный факт, что мальчишки, воспитанные в монастырях, становились плохими монахами и часто даже отступниками. Что касается тех, кто произносил обеты в более зрелом возрасте, мотивами их решения были болезнь, бедность, плен, бесчестие, смертельная опасность, страх ада или желание неба — все эгоистичные мотивы, от которых не приходилось ожидать большого добра. Цезарий добавляет, что преступники часто избегали наказания, добиваясь принятия в монастыри, которые становились таким образом своего рода исправительными учреждениями или тюрьмами. Он приводит в связи с этим случай с грабителем-бароном, который в 1209 году, приговорённый к смерти пфальцграфом Генрихом, был спасён Даниилом, аббатом Шёнау, при условии, что он вступит в цистерцианский Орден. Валенсийский собор в 1129 году формально предписал, чтобы все похитители женщин, все, кто нападал на клириков, паломников, монахов, путешественников и купцов, были изгнаны или заключены в монастыри.

Другой, едва ли более почтенный класс монахов составляли те, кто под импульсом внезапного раскаяния отворачивался от жизни, запятнанной преступлениями и насилием, чтобы похоронить себя в монастыре, когда они ещё обладали всей своей физической силой и были терзаемы бурными страстями. Хроники полны примеров энергичных людей, никогда не научившихся обуздывать свои грубые инстинкты, которые под монашеской рясой удивляют мир своей свирепостью и эксцессами. В 1071 году Арнульф III Фландрский пал при Монкасселе, защищая свои владения от своего дяди Роберта Фризского. Гербальд, рыцарь, убивший своего сюзерена, был охвачен раскаянием и отправился в Рим, где предстал перед Григорием VII, прося отрубить ему руки в искупление своей вины. Григорий согласился и приказал своему главному повару привести приговор в исполнение; однако он тайно велел предупредить его, что если Гербальд отдернет руки при поднятом топоре, то должен ударить без пощады, но если кающийся не дрогнет, то должен объявить ему помилование. Гербальд не дрогнул. Папа

объявил ему тогда, что его руки больше не принадлежат ему, но принадлежат Богу, и отправил его в Клуни под руководство святого аббата Гуго. Там гордый воин мирно окончил свои дни. Но слишком часто случалось, что эти неукротимые души, как только приступ раскаяния проходил, возвращались к своим привычкам насилия, к великому ущербу для внутреннего мира монастырей и безопасности их соседей.

Среди разнородных толп, наполнявших монастыри, было невозможно поддерживать ту общность имущества, которая была сущностью устава святого Бенедикта.

Григорий Великий, будучи аббатом Сен-Андре, отказал в последних утешениях религии умирающему брату и удержал его душу на шестьдесят дней в чистилище, потому что в его одежде нашли три золотые монеты. Позже, однако, добрые монахи Сен-Андре в Вене сочли необходимым принять конституцию, которая отвергала как святотатца и вора всякого брата, застигнутого за кражей одежды в дортуаре, кубков или блюд в трапезной, и угрожала призвать вмешательство епископа, если подобный скандал продолжится. В аббатстве Сент-Трон около 1200 года каждый монах имел запирающийся шкафчик за сиденьем, которое он занимал в трапезной; он тщательно запирал там свою салфетку, ложку, тарелку и кубок, чтобы уберечь их от рук своих сотрапезников. В дортуаре было ещё хуже. Те, кто мог достать сундуки, запирали там при подъёме свою ночную одежду; но те, кто не мог, постоянно жаловались на кражи.

Печальная репутация монахов ещё больше усугублялась множеством *gugovagi* (бродячих монахов), *sarabaitae* (монахов, живущих без устава) и *stertzer* (бродячих нищих монахов), — бродяг и нищих, бородатых и тонзурированных, которые под монашеской рясой проникали во все уголки христианского мира, живя подаянием или обманом, продавая фальшивые реликвии и ложные чудеса. Церковь была поражена этим бичом с момента рождения монашества в IV веке, и он продолжал тяготеть над ней. Хотя среди этих бродяг были люди святой и безупречной жизни, все они стали предметом ужаса. Часто их заставляли за совершением преступлений и безжалостно убивали. В тщетной попытке подавить это зло в начале XIII века Кёльнский синод формально запретил оказывать гостеприимство какому-либо монаху на всей территории этой большой провинции.

Разумеется, никогда не было недостатка в серьёзных попытках восстановить пошатнувшуюся дисциплину. Один за другим различные монастыри подвергались реформам; но послабление вскоре возвращалось. Много трудов было положено на изобретение новых и более строгих правил, как у премонстрантов, картезианцев и цистерцианцев, целью которых было отбить охоту у неопределённых призваний; но по мере того как новый орден становился известен своей святостью, щедрость верующих осыпала его земными благами, и с богатством приходила коррупция. Иногда также скромный скит, основанный несколькими отшельниками, единственной мыслью которых было обеспечить своё спасение умерщвлением плоти и избеганием искушения, вступал во владение реликвиями какого-нибудь святого, чьи чудодейственные силы привлекали толпы паломников и больных, ищущих облегчения. Тогда приношения текли рекой, скромное убежище отшельников превращалось в великолепное здание, и вскоре суровые добродетели основателя оставались лишь воспоминанием среди толпы монахов, влюблённых в лёгкую жизнь, ленивых к добру и деятельных только ко злу.

Немногие общины проявили мудрость первых обитателей знаменитого приорства Граммон, когда оно ещё не стало главой могущественного ордена. Когда основатель и первый приор святой Этьен де Тьерн, умерший в 1124 году, начал давать доказательства своей святости, исцелив парализованного рыцаря и вернув зрение слепому, его простодушные товарищи испугались при мысли о богатстве и мирской известности, которые им угрожали помимо их воли. Преемник Этьена, приор Пьер де Лимож, отправился на его могилу и обратился к нему с полного упрёка словами: «О служитель Божий, ты показал нам путь бедности и постарался направить наши шаги по нему. Теперь ты хочешь отвратить нас от прямого и узкого пути спасения к широкой дороге вечной смерти. Ты проповедовал уединение, а теперь хочешь превратить наше

уединение в место рынка и ярмарки. Мы уже достаточно верим в твою святость. Перестань же творить чудеса, чтобы подтвердить её, ибо ты уничтожил бы вместе с ней наше смирение. Не будь ревнив к своей собственной славе до такой степени, чтобы пренебрегать нашим спасением; мы требуем этого от тебя, мы ждём этого от твоего милосердия. Если ты поступишь иначе, мы заявляем, именем послушания, которое мы тебе обещали, что выкопаем твои кости и бросим их в реку». Эта смесь молитв и угроз произвела желаемый эффект, и святой Этьен до своей канонизации перестал творить чудеса, столь опасные для душ его преемников. Его канонизация, состоявшаяся в 1189 году, была первым официальным актом приора Жирара, который испросил её у Климента III, и поскольку Жирар был избран против двух конкурентов, отстранённых папской властью, после раздоров, почти разоривших монастырь, мы видим, что страсти и мирские амбиции уже тогда вторглись в святую обитель Граммон и производили там, как и везде, свои пагубные последствия [4].

Перед лицом должным образом констатированного краха всех частичных усилий реформировать монашеские ордена мы едва ли нуждаемся в формальном свидетельстве достойного Жильбера, аббата Гемблу, который около 1190 года с добротой признаёт, что монашество есть угнетение и соблазн, предмет насмешек и упрёков для всех христиан.

Религия, таким образом эксплуатируемая священниками и монахами, необходимо стала совершенно отличной от той, которую учили Иисус и святой Павел. Я не занимаюсь здесь историей доктрин, но должен кратко напомнить некоторые изменения в верованиях и практиках, чтобы лучше уловить отношения между духовенством и народом и объяснить религиозный мятеж, произошедший в XII и XIII веках.

Учение об оправдании делами, которому Церковь была обязана столь большой частью своей власти и богатства, развиваясь, лишило религию части её духовной жизненной силы, заменив её существенные элементы сухим и незначительным формализмом. Не то чтобы люди стали равнодушны к судьбе своих душ. Напротив, ни в какую эпоху, возможно, ужасы ада, блаженство спасения, непрестанные усилия дьявола и т. д. не занимали больше места в заботах повседневной жизни. Но религия во многих отношениях стала фетишизмом. Доктора ещё учили, что благочестивые и благотворительные дела, чтобы быть эффективными, должны сопровождаться обращением сердца к добру, раскаянием, искренним желанием искать Христа и лучшей жизни; но в столь грубую эпоху и с столь грубыми нравами беспокойному грешнику было гораздо легче прибегнуть к практикам, столь распространённым вокруг него, верить, что отпущение может быть получено повторением определённого числа «Отче наш» и «Богородице», соединённым с магическим таинством покаяния. Более того, если сам кающийся не хотел подвергаться этим практикам, он мог возложить их на друзей, чьи заслуги, приобретённые таким образом, как бы переносились на него своего рода священным жонглированием. Когда собрание людей, готовясь к Пасхе, получало исповедь или отпущение скопом, чего небрежные и ленивые священники не упускали делать, таинство покаяния становилось не более чем магическим заклинанием, где внутреннее состояние души было почти безразличным.

Ещё более полезным для Церкви и столь же пагубным по своему влиянию на веру и мораль было убеждение, тогда столь распространённое, что посмертные щедроты, которыми грешник основывал монастырь или обогащал собор, могли компенсировать долгую жизнь жестокостей и грабежей; что служба нескольких недель против врагов папы могла стереть все грехи человека, который брал крест, чтобы истреблять своих братьев-христиан. Обычай, или, вернее, злоупотребление индульгенциями — тема, которая заслуживала бы долгого изучения; мы должны здесь довольствоваться указанием его элементов ввиду частых аллюзий, которые нам предстоит делать на него в дальнейшем.

Индульгенция вначале была просто выкупом епитимьи, заменой какого-либо благочестивого дела — например, щедрости по отношению к Церкви — огромными периодами епитимьи,

которые Пенитенциалиалы налагали за искупление каждого отдельного греха. Так что это была, в действительности, индульгенция, когда Гвидо, архиепископ Миланский, наложил на себя в 1059 году епитимью в сто лет, чтобы искупить мятеж против Святого Престола, и выкупил её уплатой ежегодной суммы. Полная индульгенция, или отпущение всех грехов, имеет своим прототипом обещание, данное Урбаном II на Клермонском соборе в 1095 году, когда, чтобы воспламенить энтузиазм христианства для первого крестового похода, он объявил, что вооружённое паломничество в Святую Землю заменит епитимью за все грехи, в которых паломники исповедались и в которых раскаялись. Жадность, с которой было принято это предложение папы, показывает, насколько ценилась милость, избавлявшая от страха ада, не омрачая всю жизнь суровостями покаяния. Простота этих формул исчезла в XII веке, когда схоласты разработали сакраментальную теорию и когда вера в чистилище стала всеобщей. В прощении греха стали различать отпущение вины и отпущение наказания; отпущение, данное священником, давало первое, которое спасало от ада, тогда как выполнение епитимьи или её выкуп индульгенцией давало второе, которое освобождало от чистилища. Наконец пришли умозрения Александра Гэльского, воспринятые Альбертом Великим и святым Фомой Аквинским, согласно которым источником индульгенций было сокровище заслуг Иисуса и святых, которое Церковь могла предложить Богу в обмен на епитимью, причитающуюся грешнику. Полная индульгенция содержит достаточно большую часть этого сокровища, чтобы стереть роена (наказание); частичная индульгенция указывает число дней или лет и епитимью, эквивалентом которой она является. Окончательным развитием этого мнения было то, что сокровище может быть предложено путём заступничества за души чистилища, которые таким образом были бы перенесены на небо. Эта доктрина долго обсуждалась в школах, когда Сикст IV в 1476 году впервые применил её на практике; после некоторых колебаний она вскоре была принята всеми теологами. Из этого последовало важное изменение в отношении права даровать индульгенции. Пока они были просто выкупом епитимьи, священник был уполномочен давать их своим кающимся; епископы и даже аббаты могли публиковать общие индульгенции, которые действовали в их провинциях. Латеранский собор в 1216 году постарался положить конец умножавшимся злоупотреблениям, полностью лишив аббатов этого права и ограничив власть епископов дарованием индульгенций на один год при освящении церквей; во всех других случаях максимальная продолжительность даруемых индульгенций составляла сорок дней. Но когда индульгенция стала платежом, сделанным Богу и взятым из неисчерпаемого сокровища заслуг Иисуса, было решено, что это сокровище должно иметь казначея, которым, естественно, стал папа. Он стал таким образом единственным распорядителем индульгенций, функция, которая сильно увеличила его власть и низвела епископов до роли делегатов понтифика. С мирской точки зрения из этого проистекала для папства ещё большая выгода — возможность набирать армии, чтобы истреблять своих врагов и расширять свои владения; ибо обещание полной индульгенции, заслуженной крестовым походом, привлекало под его знамёна тысячи и тысячи бойцов.

Дополнительным поощрением для крестоносцев было то, что они *ipso facto* освобождались от светской юрисдикции и подлежали, как клирики, только церковным судам. Когда крестоносец привлекался к ответственности, церковный судья вырывал его из светского суда угрозой отлучения, и, если он оказывался изобличённым в каком-либо чудовищном преступлении, как убийство, довольствовались тем, что снимали с него крест и обращались с ним с такой же снисходительностью, как с церковнослужителем. Это новое злоупотребление в конце концов было допущено в светскую юриспруденцию; можно представить, какое притяжение такая привилегия оказывала на бессовестных авантюристов, составлявших столь большую часть папских армий. Когда в 1246 году те, кто принял крест во Франции, совершали множество краж, изнасилований и убийств, Людовик Святой был вынужден обратиться к Иннокентию IV, и папа ответил, предупредив своего легата, что подобные злодеи не должны быть защищены.

Ещё большие награды были предложены папством, когда на карту были поставлены личные амбиции и обиды понтифика. Когда Иннокентий IV после смерти Фридриха II проповедовал крестовый поход против императора Конрада IV, он даровал тем, кто в нём участвовал, более широкое отпущение грехов, чем предполагало путешествие в Святую Землю, и объявил, что отец и мать крестоносца также будут пользоваться божественной индульгенцией. Когда крестоносец не хотел выполнять свой обет или ему мешали, он мог выкупиться, уплатив сумму, соразмерную его предполагаемой воинской ценности. Римский двор таким образом добывал много денег, которые должны были быть потрачены — так, по крайней мере, утверждалось — на пользу святого дела.

Эта доходная система непрестанно развивалась, пока не дошла до того, что её стали применять в мельчайших ссорах пап как хозяев вотчины Святого Петра. Если Александр IV успешно использовал её против Эккелина да Романо, то в следующем веке Иоанн XXIII прибегнул к ней не только для войны с грозными противниками, как Маттео Висконти и маркиз Монтефельтре, но даже когда хотел усмирить восставших граждан небольших местностей, как Озимо и Реканати в марке Анконской, или беспокойный народ самого Рима. Хитроумный метод дарования индульгенций тем, кто брал крест, а затем освобождения их от службы за деньги, в конце концов показался слишком сложным, и покупка спасения была упрощена до такой степени, что свелась к прямому платежу. Так папа Иоанн нашёл способ покрывать расходы на свои частные войны, распределяя среди христианского мира сокровище спасения и приказывая епископам устанавливать повсюду кружки для сбора, чтобы верующие могли прийти на помощь Церкви, спасая при этом свои души. Епископы, с сожалением видевшие, как деньги их прихожан исчезают в ненасытной пропасти Святого Престола, напрасно пытались сопротивляться. Они больше не были независимы, и слабые барьеры, которые они пытались воздвигнуть, сметались тотчас же (1).

Ещё более деморализующая система состояла в отправке *quaestuarii* или торговцев индульгенциями, иногда снабжённых реликвиями, от церкви или больницы, ищущей средств. У них часто, для всего багажа, были только папские или епископские грамоты, уполномочивающие их отпускать грехи за взносы в пользу дела; хотя составление этих грамот было мудрым и осторожным, они всё же были достаточно двусмысленными, чтобы их носители считали себя вправе обещать не только спасение живых, но и освобождение осуждённых, содержащихся в аду, и всё это за несколько монет. Уже в 1215 году Латеранский собор горько восстаёт против этих практик и запрещает выносить реликвии из церквей; но злоупотребление было слишком доходным, чтобы его можно было легко подавить. Епископы и папы, нуждающиеся в деньгах, непрестанно издавали подобные грамоты, и ремесло торговца индульгенциями стало регулярной профессией, где, естественно, самые бесстыдные преуспевали лучше всех. Мы охотно верим псевдо-Пьеру де Пилихдорфу, когда он с грустью признаёт, что «неразборчивая», но доходная раздача индульгенций всякого рода людям ослабляла веру многих католиков в саму Церковь. В 1201 году Майнцский собор не может найти достаточно энергичных слов, чтобы осудить чуму торговцев индульгенциями, чьи мошенничества вызывают ненависть людей, которые тратят то, что зарабатывают, в самом низком разврате, которые обманывают верующих до такой степени, что те пренебрегают исповедью под предлогом, что уже купили отпущение своих грехов. Но эти жалобы были бесполезны, и злоупотребление продолжалось беспрепятственно до того дня, когда оно вызвало негодование, нашедшее красноречивого истолкователя в Лютере.

Соборы, последовавшие за Майнцским, не менее энергично осуждали ложь и мошенничества этих бродяг спасения, которые занимались своей процветающей индустрией вплоть до эпохи Реформации. Тассони хорошо выразил народное убеждение, что эта продажа индульгенций была верным ресурсом Церкви для осуществления её мирских замыслов:

«Le cose della guerra andavan zoppe; I Bolognesi richiedean danari Al Papa, ad egli rispondeva corpe, E mandava indulgenze per gli altari».

Продажа индульгенций точно характеризует то, что можно назвать сацердотализмом, отличительной чертой религии Средних веков. Верующий не имел прямых отношений со своим Творцом, редко даже с Девой и святыми заступниками. Священник, претендуя на то, что облечён сверхъестественной властью, вставал как необходимый посредник между Богом и человеком; даруя или отказывая в таинствах, он мог решать судьбу душ; служа мессу, он мог уменьшить или сократить муки чистилища; его решения в исповедальне определяли истинное значение самого греха. Инструменты господства, которыми он располагал, — евхаристия, реликвии, святая вода, миро, экзорцизм, молитва, — становились своего рода фетишами, наделёнными особой силой, которая не зависела ни от морального или духовного состояния того, кто ими пользовался, ни от состояния тех, для кого они применялись. В глазах простого народа обряды религии были не чем иным, как магическими формулами, которые какой-то таинственной силой служили мирским или духовным интересам тех, для кого их совершали.

Тысячи анекдотов и происшествий того времени показывают, как фетишизм, о котором мы говорим, укоренился в умах народа теми, кто находил выгоду в обращении с фетишами. Один хронист XII века благочестиво рассказывает, что когда в 887 году реликвии святого Мартина Турского были возвращены из Осера, куда их отнесли, чтобы уберечь от норманнов, два калеки из Турени, которые зарабатывали себе на жизнь попрошайничеством, держали совет и решили покинуть страну как можно скорее, из страха, что кости святого исцелят их от доходных недугов. К сожалению, средства передвижения, которыми они располагали, были недостаточны, так что реликвии прибыли в Турень прежде, чем они успели покинуть провинцию; они были, таким образом, исцелены против своей воли.

Рвение, с которым государи и республики оспаривали друг у друга обладание чудотворными реликвиями, насилие и обман, которые повсюду пускались в ход, чтобы приобрести новые или удержать те, которыми владели, составляют любопытную главу в истории человеческого легковерия и показывают, до какой степени чудодейственная сила приписывалась самой реликвии, без учёта преступлений, которые нужно было совершить, чтобы её получить, и расположения духа обладателя.

Так, в только что упомянутом случае Ингельгер Анжуйский был вынужден потребовать у осерцев кости святого Мартина во главе вооружённой силы, поскольку мирные средства не удалось; и в 1177 году мы видим некоего Мартина, каноника церкви Ромињи в Бретани, крадущего тело святого Петрока из своей собственной церкви в пользу аббатства Сен-Мевенн, которое не хотело его возвращать, пока вмешательство короля Генриха II не принудило его к этому. Через два года после взятия Константинополя, в 1206 году, венецианские вожди силой ворвались в Святую Софию, унесли портрет Богородицы, предположительно работы святого Луки, и удержали его, несмотря на отлучение и интердикт, наложенные на них патриархом и подтверждённые папским легатом. Купец из Гронингена во время одного из своих путешествий захотел доспехи святого Иоанна Крестителя, принадлежавшие одной больнице, и получил их, подкупив деньгами любовницу хранителя, которая побудила того украсть их. По возвращении купец построил дом и тайно вделал свою реликвию в одну из колонн. Под этой защитой он делал отличные дела и стал очень богат. Но однажды, когда вспыхнул пожар, он отказался принять меры для спасения своего дома, утверждая, что он хорошо охраняется. Дом не сгорел; но любопытство народа было так возбуждено ответом купца, что он был вынужден раскрыть существование своего фетиша. Тогда народ силой унёс его и поместил в церковь, где доспехи святого Иоанна совершили много чудес; но несчастный купец был разорён. Подобные суеверия были ещё грубее, чем у римлян, которые вызывали в своём лагере божество-покровителя осаждаемого города; с другой стороны, ношение амулетов и реликвий, ставшее совершенно всеобщим, было идентично аналогичному обычаю язычников. Даже изображения и портреты святых

и мучеников обладали чудодейственными свойствами. Достаточно было, как говорили, бросить взгляд на изображение святого Христофора, чтобы быть защищённым в течение остатка дня от всякой опасности болезни или внезапной смерти:

Christophori sancti speciem quicumque tuetur, Illo namque die nullo languore tenetur.

Гигантское изображение святого часто рисовали снаружи церквей, чтобы защитить население. Обычай бросать жребий, чтобы выбрать святого, чьё покровительство хотели обеспечить, церемония, совершавшаяся у подножия алтаря, является ещё одним проявлением слепого суеверия того времени.

Евхаристия была особенно эффективным фетишем. Во время преследования, направленного против еретиков рейнских провинций инквизитором Конрадом Марбургским в 1233 году, один осуждённый упорно отказывался гореть, несмотря на все усилия ревностных исполнителей, пока один предусмотрительный священник не принёс освящённую гостию на пылающий костёр. Тотчас чары, защищавшие еретика, были разрушены более сильными чарами, и несчастный вскоре был обращён в пепел.

Собрание этих же еретиков обладало изображением Сатаны, которое давало оракулы; однажды священник вошёл в комнату и вынул из-под одежды дарохранительницу с гостией; в тот же миг Сатана признал себя побеждённым и упал на землю. Вскоре после этого святой Пётр Мученик использовал то же средство, чтобы победить обман одного миланского еретика. По призыву этого человека демон являлся в еретической церкви в облике сияющей Девы, держащей на руках святого Младенца. Это свидетельство в пользу ереси показалось неопровержимым, пока святой Пётр не положил этому конец, представив демону гостию: «Если, — сказал он, — ты действительно Мать Божья, поклонись здесь своему сыну». После этого демон исчез в вспышке, оставив после себя невыносимое зловоние.

Освящённый хлеб считался народом обладающим магической силой несравненной мощи; ходило много историй о наказаниях, постигших тех, кто хотел использовать его свято-татственно. Один священник держал гостию во рту, чтобы воспользоваться ею для победы над добродетелью женщины, в которую был влюблён; он был поражён ужасной галлюцинацией, полагая, что раздулся до такой степени, что не может пройти через дверь; и когда он закопал священный предмет в своём саду, гостия превратилась в маленькое распятие, несущее человека из плоти, который кровоточил. Одна женщина сохранила гостию, которую должна была проглотить, и положила её в свой улей, чтобы остановить эпидемию, разразившуюся среди её пчёл; тотчас благочестивые насекомые построили вокруг неё полную часовню, со стенами, окнами, крышами и колокольной, а внутри алтарь, на который они благоговейно положили гостию. Другая женщина, желая уберечь свою капусту от нашествия гусениц, растёрла гостию в пыль и рассыпала крошки по своим овощам; тотчас она была поражена неизлечимым параличом. Очевидно, эти фетишистские практики рассматривались Церковью неодобрительно; но они были прямым следствием ортодоксального учения. То же было с водой, в которой священник мыл руки после прикосновения к гостии; этой воде приписывались сверхъестественные свойства, но её использование запрещалось как запятнанное колдовством.

Сила этих магических формул не предполагала, повторяю, никакого чувства благоговения у тех, кто ими пользовался. Так, чтобы засвидетельствовать могущество святого Фомы Кентерберийского, рассказывали историю одной дамы, которая взывала к нему при каждом случае и даже научила свою любимую птицу повторять формулу: *Sancte Thoma, adjuva me!* Однажды сокол схватил её и унёс; но когда птица произнесла свою обычную фразу, сокол упал мёртвым, а птица вернулась невредимой к своей хозяйке. — Поистине, использование талисманов предполагало так мало святости, что дурные священники использовали мессу как средство заклинания и злого умысла, внутренне проклиная своих врагов во время совершения обрядов и веря, что это проклятие повлечёт, так или иначе, гибель намеченного человека. Доходили даже до того, что прибегали к совершению мессы, чтобы сделать более эффектив-

ной столь древнюю практику порчи. Когда десять раз служили мессу над восковой фигурой, изображающей врага, верили, что он непременно умрёт в течение десяти дней.

Сама исповедь могла служить магической формулой, чтобы помешать раскрытию преступления. Поскольку демоны, естественно, были осведомлены обо всех совершённых злодеяниях и могли раскрыть их через уста тех, кем они обладали, одержимых часто использовали как детективов в случае подозреваемых лиц. Но когда преступления были исповеданы со всем должным сокрушением, отпущение, данное священником, стирало их навсегда из памяти демона, который тогда отрицал, что знал о них. Это убеждение, знакомое обвиняемым, часто вдохновляло их защиту; ибо даже когда демон раскрыл проступок, виновный мог тотчас пойти на исповедь, затем с уверенностью предстать перед судьёй и бросить ему вызов получить новое разоблачение.

Можно было бы бесконечно умножать эти примеры, но это лишь утомило бы читателя. Тех, что я привёл, вероятно, достаточно, чтобы засвидетельствовать унижение христианства, наложенного на языческую основу и управляемого священническим сословием, недостойность которого теперь известна.

Эта картина, которую я начертил об отношениях Церкви с народом, возможно, покажется сгущённой. Не все папы были Иннокентиями IV и Иоаннами XXII; не все епископы были жестоки и развратны; не все священники имели единственной целью грабить людей и бесчестить женщин. Во многих епископских кафедрах и аббатствах, без сомнения также в тысячах приходов, были прелаты и пастыри, которые искренне старались совершать дело Божье, просвещать омрачённые души своих овец той частицей евангельского света, которую позволяло распространять суеверие эпохи. Однако зло было более заметным, чем добро; смиренные работники оставались незамеченными, тогда как гордость, жестокость, похоть и жадность других оказывали обширное и глубокое влияние. Людям того времени, обладавшим наибольшим суждением и самыми высокими стремлениями, Церковь представлялась такой, как я её описал; и её моральное уродство должно быть перед нашим умом, если мы хотим понять движения, которые тогда волновали христианский мир.

Самый авторитетный свидетель о Церкви XII века, святой Бернард, никогда не переставал осуждать пороки, царившие повсюду. Когда блуд, прелюбодеяние и инцест уже не имели привлекательности для истощённых чувств, спускались ещё ниже по пути разврата. Напрасно — это говорит святой Бернард — города равнины были уничтожены мстительным огнём неба; враг рода человеческого рассеял повсюду их обломки, и их проклятый пепел заразил Церковь. Церковь остаётся бедной, ограбленной и жалкой, всеми покинутой и как бы обескровленной. Её дети не стараются её одеть, но ограбить; они не защищают её, но разрушают; они не обороняют её, но выставляют напоказ; они не наставляют, но проституируют; они не кормят стадо, но режут его и питаются им. Они требуют плату за грехи, но не думают о грешнике. «Кого вы можете мне показать, — восклицает он, — среди епископов, кто не столько старается опустошить карманы своих овец, сколько исцелить их от пороков?» Современник святого Бернарда, Пото из Прума, выпускает те же жалобы в 1152 году. «Церковь, — говорит он, — идёт к своей гибели, и ни одна рука не поднимается, чтобы её поддержать; нет ни одного священника, достойного встать как посредник между Богом и людьми и приблизиться к божественному трону, испрашивая благодать свыше».

Легат папы, кардинал Генрих Альбанский, в своём энциклическом письме 1188 года к прелатам Германии не выражается с меньшей энергией. Торжество Князя Тьмы неминуче из-за развращённости духовенства, его похоти, чревоугодия, презрения к постам; священники совмещают бенефиции, ходят на охоту, разводят соколов, играют, торгуют, ссорятся между собой и, что хуже всего, подают пример невоздержанности, что возбуждает гнев Божий и соблазняет народ.

Пётр Кантор около того же времени описывает Церковь как «наполненную до краёв всяческой мирской нечистотой»; из-за жадности, из-за небрежения своими обязанностями она хуже светского общества, и нет ничего более опасного для неё, чем это констатирование. Жильбер Гемблу выражается аналогичным образом. Большинство прелатов вступают в Церковь не по избранию, но через коррупцию и благосклонность государей; они входят туда не для того, чтобы кормить других, но чтобы быть накормленными; не для того, чтобы служить, но чтобы им служили; не для того, чтобы сеять, но чтобы пожинать; не для того, чтобы трудиться, но чтобы быть праздными; не для того, чтобы защищать овец от волков, но чтобы терзать овец с большей свирепостью, чем сами волки. — Святая Хильдегарда в своих пророчествах принимает сторону народа против духовенства: «Прелаты — похитители церквей; их жадность пожирает всё, к чему прикасается. Их притеснения доводят нас до нищеты и унижают нас, унижая их. Подобаает ли, чтобы люди с тонзурой командовали большим числом солдат и располагали большим оружием, чем миряне? Подобаает ли, чтобы клирик был солдатом, а солдат клириком? Бог не повелел, чтобы у одного из нас была и туника, и плащ, а другой должен был ходить нагим; но он повелел, чтобы туника была дана одному, а плащ другому. Пусть же миряне владеют плащом для удовлетворения нужд мира; но пусть духовенство имеет тунику, чтобы не нуждаться в необходимом».

Одной из главных целей созыва великого Латеранского собора в 1213 году было желание исправить пороки духовенства. С этой целью было принято много канонов для подавления главных злоупотреблений, но решения собора остались мёртвой буквой. Злоупотребления были слишком глубоко укоренены. Четыре года спустя Гонорий III в энциклике, адресованной всем прелатам христианского мира, говорит, что он ждал до тех пор, чтобы увидеть результаты собора, но что беды Церкви, как ему кажется, скорее увеличиваются, чем уменьшаются. «Служители алтаря, хуже зверей, валяющихся в своём навозе, гордятся своим позором, как в Содоме. Они сеть и бич для верующих. Многие прелаты тратят имущество, доверенное их охране, и разбрасывают на публичных площадях ресурсы святилища; они дают продвижение недостойным, они расточают доходы Церкви в пользу злых и превращают церкви в сборища для использования их семьями. Монахи и монахини сбрасывают иго, разбивают свои цепи и становятся столь же презренными, как навоз. Вот почему ересь процветает. Пусть каждый из вас опояшется мечом и не щадит ни брата, ни ближайшего родственника».

Каков был результат этого язвительного призыва? Мы можем составить себе о нём представление по описанию, которое Роберт Гроссетест, епископ Линкольнский, сделал Церкви в 1250 году в присутствии Иннокентия IV и его кардиналов. Детали излишне приводить; но вывод таков, что духовенство есть скверна для всей земли, что это антихристы и дьяволы, надевшие маску ангелов света, которые превращают дом молитвы в вертеп разбойников. Когда инквизитор Пассау около 1200 года попытался объяснить сопротивление ереси, с которой он напрасно старался справиться, он составил для этой цели список преступлений, распространённых среди духовенства, — список, ужасающий по мелкости деталей, в которых он смакует. Церковь, подобная той, которую он описывает, не могла быть ничем иным, как бичом одновременно политическим, социальным и моральным.

Таковы, по занимающему нас вопросу, свидетельства церковнослужителей. Если теперь хотят узнать, какими глазами духовенство рассматривалось мирянами, мы напомним сначала замечание Гийома де Пюи-Лорана, согласно которому обычно говорили: «Я предпочёл бы быть священником, чем делать то-то и то-то». Правда, священники питали такое же презрение к монахам, ибо Эмери, аббат Аншена, сообщает нам, что клирик никогда не хотел водить компанию с человеком, которого видел в чёрной рясе бенедиктинца. Но священники и монахи были одинаково и вообще ненавидимы народом. Вальтер фон дер Фогельвейде так резюмирует чувства народа о всём церковном сословии, от папы до приходских священников:

«Кафедра Святого Петра занята сегодня так же, как когда она была осквернена колдовством Герберта; последний приготовил себе одному место в аду, тогда как нынешний папа увлекает туда всё христианство. Почему отложены небесные кары? Доколе ты будешь спать, о Господи? Твоё дело затруднено, твоё слово опровергнуто, твой казначей крадёт богатства, которые ты собрал, твои служители воруют и убивают, и волк — пастырь твоего стада».

На другом конце Европы жалобы не менее остры; вот как, после многих других, будет говорить о высоких сановниках Церкви, клириках и монахах трубадур Раймон де Корне, вторя инвективам поэта Вальтера:

«Я вижу, папа изменяет всем своим обязанностям: он хочет обогащаться, он не заботится о бедных, у которых нет доступа к нему. Его цель — копить сокровища, заставляя себе служить, сидеть на тканях, украшенных золотом. Для этого он предаётся торговле как хороший торговец; за красивые звонкие денье он раздаёт епископства людям из своего окружения, а нам посылает сборщиков, снабжённых грамотами для сбора, которые продают нам прощения за хлеб и деньги... Кардиналы, конечно, не лучше; повсюду говорят, что с утра до вечера они ищут только заключения гнусных сделок. Хотите епископство, хотите аббатство? Скорее, принесите им много денег; они дадут вам взамен красную шапку или епископский посох. Если вы не знаете ничего из того, что должен знать священник, — э, какое значение? Учёный или невежда, вы получите большие доходы. Но особенно остерегайтесь быть скупым в своих щедротах, ибо это помешало бы вам преуспеть! Что касается епископов, они не перестают обдирать до живого своих хорошо обеспеченных приходских священников и продавать им грамоты со своей печатью. Бог знает, есть ли основание покончить с этими привычками! И они делают ещё хуже; за деньги они дают тонзуру первому встречному и таким образом наносят ущерб всем, не только нам, которые становимся жертвами этого человека, но и светским судам, которые теряют всякую власть над ним... Скоро, клянусь вам, будет больше клириков и священников, чем пастухов. Каждый падает и подаёт дурные примеры. Эти люди наперебой продают таинства и мессы. Когда они исповедуют добрых мирян, которые не совершили никакой вины, они налагают на них огромные епитимьи; но они остерегаются делать то же для сожителей священников!... Конечно, судя по внешности, монахи подвергают себя суровым практикам. Но присмотритесь поближе; поистине, они живут вдвое лучше, чем раньше, когда были ещё под кровом своих отцов. Они поступают как нищенствующие, которые под покровом своей рясы обманывают мир и кормятся за его счёт. Вот почему столько нищих и негодяев вступают в Ордена; накануне у них не было хлеба; на следующий день их одеяние приносит им ренты, производит тысячи уловок, которые у них в мешке».

Было неизбежно, чтобы такая религия порождала ересь, чтобы такое духовенство, белое и монашеское, провоцировало мятеж. Чему можно только удивляться, так это тому, что он так долго медлил разразиться и что не был более всеобщим [5].

Глава вторая. — Ереси.

Пробуждение умов в XII веке — Народные страсти — Природа ересей — Ереси, враждебные священству — Ничтожность таинств в недостойных руках — Танхельм — Эон де л'Этуаль — Цивилизация Южной Франции — Пьер де Брюи — Генрих Лозаннский — Арнольд Брешианский — Пьер Вальдо и вальденсы — Пассагии, Иозепины, Сисиденты, Рункарии.

Церковь, которую мы видели столь неверной своему идеалу и столь небрежной в своих обязанностях, оказалась почти внезапно под угрозой новых опасностей в самой цитадели своей власти. Как раз в тот момент, когда она только что восторжествовала над своими мирскими соперниками, королями и императором, против неё поднялся новый враг: это было пробуждающееся сознание человечества. Густое невежество X века, пришедшее на смену мимолётному блеску каролингской цивилизации, начало рассеиваться в XI веке перед первыми лучами интеллектуального возрождения. С начала XII века — это движение даёт о себе знать и уже позволяет предвидеть обещание того богатого развития, которое должно было сделать Европу родиной искусства и науки, учёности и высокой культуры. Однако застой человеческого духа не мог прекратиться без того, чтобы одновременно не пробудились сомнение и критика. Когда люди снова начали рассуждать и задавать вопросы, даже о предметах, запретных для их любопытства, невозможно было, чтобы они не признали удручающего контраста между учением Церкви и её делами, глубоких расхождений между религией и ритуалом, между поведением священников и монахов и обетами, которые они дали. Слепое уважение, которое сменявшие друг друга поколения оказывали утверждениям Церкви, начинало в свою очередь колебаться. Такая книга, как «Sic et non» Абеляра, где противоречия традиции и Декреталий безжалостно выставлялись на свет, была не только признаком интеллектуальной тревоги, предвещавшей мятеж, но и плодотворным источником опасностей для будущего, обусловленных пробуждением духа дискуссии. Тщетно по приказу римской курии Грациан старался показать в своей знаменитой «Concordantia discordantium canonum» («Согласование несогласных канонов»), что противоречия могут быть устранены, что каноническое право не является смутной массой правил, изданных для ответа на сиюминутные нужды, но гармоничным сводом духовных законов. Роковое слово было произнесено, и усилия глоссаторов, магистров сентенций, ангельских докторов и бесчисленной толпы схоластических теологов и толкователей канонического права со всеми ресурсами их диалектики не могли вернуть человеческому духу его былую, непоколебимую и безмятежную уверенность в божественном вдохновении Воинствующей Церкви; хотя нападающие были ещё немногочисленны и их атаки перемежались, число защитников и энергия защиты доказывают, что Рим полностью осознавал опасность: дух исследования наконец стряхнул свой долгий сон.

Этот дух получил мощный импульс от Толедской школы, куда отважные студенты отправлялись искать, чтобы пить как из источника, арабскую, греческую и еврейскую науку. Даже среди мрака X века папа Сильвестр II, который ещё назывался Гербертом Орийякским, приобрёл зловещую репутацию колдуна, потому что, как считалось, изучал запретные науки в этом центре интеллектуальной деятельности. Около середины XII века Роберт Ретинский по настоянию Петра Достопочтенного из Ключни на время оставил свои занятия астрономией и геометрией, чтобы перевести Коран и тем самым облегчить своему покровителю опровержение заблуждений ислама. Сочинения Аристотеля и Птолемея, Абубекра, Авиценны и Аль-Фараби, позже Аверроэса были переведены на латынь и переписывались с невероятным рвением во всех христианских странах. Сами крестоносцы привезли с Востока некоторые обломки античной мысли, которые были встречены с не меньшим энтузиазмом. Правда, среди сокровищ, возвращённых в обращение, наибольшее любопытство вызывала судебная астрология и она порождала наибольшее число исследований; но доказательством того, что другие, более

достойные внимания предметы не были пренебрежены и что понимали таящиеся в них опасности для ортодоксии, является то, что несколько раз чтение сочинений Аристотеля запрещалось Парижским университетом.

Ещё более угрожающим для Церкви было возрождение римского гражданского права. Было ли это возрождение вызвано или нет обнаружением рукописи Пандект в Амальфи, но явление, с которым его изучали с середины XII века во всех крупных центрах знания, является неоспоримым историческим фактом. Люди к своему великому изумлению обнаружили, что существует система юриспруденции удивительной простоты и правильности, несоизмеримо превосходящая тяжёлую путаницу канонических законов и особенно варварство феодальных обычаев. Эта система основывала свой авторитет на идее неизменной справедливости, представленной Государем, а не на каноне или декреталии, на словах папы или собора, или даже на Священном Писании. Проницательность святого Бернарда не изменяла ему, когда уже в 1149 году он беспокоился о положении Церкви и жаловался, что суды оглашаются эхом законов Юстиниана, а не законов Божьих. Чтобы полностью понять влияние этого интеллектуального движения на мысли и чувства народа, мы должны представить себе социальное состояние, которое во многих отношениях полностью отличалось от нашего. Дело не только в том, что в цивилизованных странах хорошо устроенные институты сделали людей более послушными законам и обычаям; но распространение образования и умственный прогресс поколений укрепили контроль разума и уменьшили пагубное влияние всего чисто эмоционального и импульсивного. Однако даже в эпохи, близкие к нашей, как во время Французской революции, мы видели, что народ может быть ещё охвачен безумием, что разум может быть свергнут страстью. Это безумие царства Террора даёт довольно точное представление о бурных эмоциях, которым были подвержены — как во благо, так и во зло — народы Средних веков. Отсюда те поразительные контрасты, которые делают этот период истории столь живописным и искупают печальную посредственность его повседневной жизни великолепными взрывами благороднейшего энтузиазма или отвратительными актами дикой жестокости. Ещё мало привыкшая сдерживаться, мужественная сила тех времён проявлялась во всём своём величии, как и во всей своей низости: то вымещая жестокую месть на беззащитных противниках, то предлагая себя с радостью в жертву человечеству. Трепеты исступлённого волнения пробегали от страны к стране, пробуждая народы от их летаргии, чтобы внушить им слепо героические и необдуманные попытки — крестовые походы, которые убелили пески Палестины костями христиан, дикие эксцессы флагеллантов, бродячие и бесцельные походы пастушков. В глубочайшей неизлечимой нищете, угнетавшей массу народа, было постоянное чувство тревоги, убеждение, что Антихрист скоро придёт, что конец мира и Страшный Суд близки. В жалком состоянии общества, раздираемого непрерывными войнами и израненного железными пятами феодализма, простой человек действительно имел основание верить, что царство Антихриста неминуемо; он должен был с радостью приветствовать любую смену режима, которая могла улучшить его положение, но вряд ли могла сделать его хуже. Кроме того, невидимый мир с его таинственными привлекательностями и ужасной притягательностью, которую он оказывал, присутствовал как реальность в уме всех. Люди чувствовали себя непрерывно окружёнными демонами, готовыми поразить их болезнями, опустошить их скудные поля пшеницы или виноградники, обмануть их души и привести к гибели; с другой стороны, каждый чувствовал рядом с собой ангелов и святых помощников, слушающих его молитвы, ходатайствующих за него перед Троном Благодати, к которому он не смел обращаться напрямую. Именно среди столь впечатлительного, столь доступного самым бурным эмоциям, столь суеверного населения, медленно пробуждающегося к заре интеллектуального дня, ортодоксия и ересь, то есть консервативные и прогрессивные силы, должны были вступить в битву, в которой ни одна, ни другая не должна была одержать окончательной победы.

Примечательный факт, предвещающий новую форму, которую должна была принять современная цивилизация, состоит в том, что ереси, которым предстояло потрясти Церковь до самых её оснований, не были, как прежде, простыми спекулятивными тонкостями, выдвинутыми учёными теологами в ходе эволюции формирующегося христианского учения. Нам не придётся здесь изучать таких людей, как Арий или Присциллиан, как Несторий или Евтихий, учёных и прелатов, наполнивших Церковь шумом своих учёных споров. Иерархическая организация была слишком совершенной, теологический догмат слишком прочно окаменевшим, чтобы такие дискуссии были ещё возможны; и если некоторые схоласты отклонялись или казались отклоняющимися от ортодоксии, как Беренгарий Турский, Абельяр, Жильбер Порретанский, Пьер Ломбардский, Фолькмар фон Триеффенштейн, их личные мнения быстро подавлялись под тяжестью тяжёлой машины, пружины которой приводила в действие Церковь. Следует добавить, что за редкими исключениями не правящие классы давали повод для ереси. Со времён Римской империи Церковь и Государство заключили союз, чтобы держать народ в подчинении; какими бы мотивами ни руководствовались такие государи, как Иоанн Английский или император Фридрих II, отвергая церковные притязания, они никогда не осмеливались денонсировать договор, на котором покоились их собственные прерогативы. Как правило, ересь должна была предварительно распространиться во всей массе народа, прежде чем люди благородного происхождения соглашались принять в ней участие: это мы увидим в Лангедоке и Ломбардии. Удары, которые действительно поставили под угрозу иерархию Церкви, были нанесены ей теми же людьми, работавшими среди бедных и угнетённых, которые в своей нищете и унижении чувствовали, что Церковь изменила своей миссии, либо из-за легкомыслия своих служителей, либо вследствие своих ошибок в доктрине. Подобно тому как Христос когда-то обращался к потерянному овцу Израиля, пренебрегаемым и презираемым раввинами, ересиархи находили своих новобранцев среди вечных жертв феодального общества.

Ереси, к которым они должны были прислушаться, естественно делятся на два класса: с одной стороны, сектанты, которые твёрдо держатся всех существенных пунктов христианства, но добавляют к ним отвращение к священству, что является их главным тезисом; с другой — манихеи.

Просматривая перипетии этих доктрин, не следует забывать, что источники наших знаний всегда или почти всегда — сочинения противников ереси. За исключением нескольких небольших вальденских трактатов и одного-единственного ритуала катаров, литература еретиков погибла целиком. Мы вынуждены узнавать их мнения из опровержений, которым они подвергались, тогда как эти опровержения имели целью возбудить народную ненависть против еретиков; мы узнаём историю их борьбы и их гибели только от тех, кто истреблял их без пощады. Я не скажу ни слова в их похвалу, которое не основывалось бы на признаниях или на самих обвинениях их врагов, и если я отвергаю некоторые клеветы, которыми их осыпали, то потому, что преувеличение, сознательное или бессознательное, здесь столь очевидно, что невозможно приписать подобным утверждениям какую-либо историческую ценность. В общем, позволительно а priori питать некоторое уважение к людям, которые показали себя готовыми подвергнуться преследованиям и смотреть в лицо смерти за то, что они считали истиной. Я добавляю, что в состоянии коррупции, в котором тогда находилась Церковь, недопустимо, что бы ни говорили ортодоксальные полемисты, чтобы люди выходили из Церкви под угрозой ужасных репрессий просто для того, чтобы иметь возможность свободно удовлетворять свои беспорядочные аппетиты.

Фактически, как мы уже видели, высшие авторитеты Церкви сами признавали, что её скандалы были причиной, если не оправданием ереси. Инквизитор, энергично способствовавший её подавлению, перечисляет среди причин её успеха порочную жизнь клириков, их невежество, ошибки и легкомыслие их проповеди, их презрение к таинствам и ненависть, которую они обычно внушали верующим. Другой уверяет нас, что излюбленные аргументы еретиков

черпались из гордости, жадности, распущенности клириков и прелатов. Всё это, говорит Лука, епископ Туйский, добросовестно трудившийся над опровержением ереси, ещё преувеличивалось лживыми историями о чудесах, которые выставляли в неблагоприятном свете обряды Церкви и слабости её служителей; но если это было так, то эти истории о чудесах были совершенно излишни, ибо еретики не могли изобрести ничего более позорного для Церкви, чем действительность, как она засвидетельствована самими поборниками Церкви.

Мало полемистов, поистине, были способны на откровенность учёного автора, чей трактат ходит под именем Петра Пилихдорфского. Отвечая на аргументы еретиков, обвинявших католических священников в том, что они распутники, ростовщики, пьяницы, игроки и фальсификаторы, он смело восклицает: «Ну и что? Они всё равно остаются священниками, и худший из священников всё же лучше лучшего из мирян. Разве Иуда Искарот, будучи апостолом, не был лучше Нафанаила, хотя и был менее честен?» Инквизитор-трубадур Изарн лишь выражал общепризнанную истину, говоря, что ни один верующий не мог быть обращён в ересь катаров и вальденсов, если рядом с ним был хороший пастырь.

Антисаекретотальные ереси были направлены против злоупотреблений как в доктрине, так и в практике, посредством которых духовенство стремилось установить своё господство над душами. Общим для всех них был принцип, возобновлённый от донатизма, что таинства оскверняются нечистыми руками, так что священник, живущий в состоянии смертного греха, неспособен преподавать таинства. Учитывая общую мораль тогдашнего духовенства, этот принцип равнялся исключению огромного большинства священников, и он составлял в руках еретиков тем более грозное оружие, что Святой Престол, казалось, воспользовался им в своей борьбе против брака клириков. В 1059 году Римский синод по побуждению папы Николая II принял канон, запрещающий верующим присутствовать на мессах, совершаемых священниками, известными тем, что содержат жену или сожительницу. Это равнялось приглашению паствы судить своих пастырей. Этот канон оставался почти мёртвой буквой в течение пятнадцати лет; но в 1071 году папа Григорий VII возобновил его и ввёл в действие. Результатом стала ужасная путаница, ибо целомудренные священники были редким исключением. Борьба, завязавшаяся по этому поводу, была столь яростной, что в 1077 году в Камбре женатые или сожительствовавшие священники сожгли заживо несчастного, твёрдо защищавшего ортодоксию папских рескриптов. Приказы Григория были ещё раз подтверждены Иннокентием II на Реймском соборе в 1131 году и на Латеранском соборе в 1139 году; Грациан ввёл их в каноническое право, где они сохраняются и сегодня. Хотя Урбан II старался установить, что это простой вопрос дисциплины и что сила таинств остаётся целой в руках самых виновных священников, было трудно, чтобы народный ум склонился перед столь тонким различием. Разумеется, учёный богослов, как Герох Райхерсбергский, мог заявить, что он не обращает больше внимания на мессы священников, живущих в сожительстве, чем на мессы, сказанные язычниками, и оставаться при этом безупречным в своей ортодоксии; но для умов, менее твёрдых в вере, этот вопрос представлял неразрешимые трудности. Альберо, священник из Мерке близ Кёльна, учивший некоторое время спустя, что освящение гостии нечистыми руками несовершенно, был вынужден отречься перед лицом единодушного свидетельства Отцов Церкви, державшихся противоположного мнения; но он прибег к теории, что подобные таинства могут быть полезны тем, кто к ним приступает, не зная о порочности совершающего, тогда как, с другой стороны, они бесполезны для мёртвых и для тех, кто знает о недостойности священника. Это было также еретическим. Альберо даже предлагал доказать ортодоксию своего учения, подвергнувшись испытанию огнём; но это предложение отвергли, ссылаясь, не без видимости основания, на то, что колдовство могло бы таким образом обеспечить торжество ложных доктрин.

Этот вопрос продолжал волновать Церковь, пока около 1230 года Григорий IX не решил положить ему конец, постановив: 1) что всякий священник в состоянии смертного греха

отстранён, что касается его лично, до тех пор, пока не раскается и не получит отпущения; 2) что совершаемые им службы действительны, поскольку он не отстранён в том, что касается других, если только его грех не является общеизвестным через исповедь или судебный приговор или через столь полную очевидность, что всякое сомнение невозможно. — Было, естественно, недопустимо, чтобы Церковь ставила силу таинства в зависимость от достоинства служителя; но тонкие различия, на которых остановился Григорий IX, доказывают, насколько этот вопрос волновал души верующих и с какой лёгкостью еретики могли прийти к мысли, что пресуществление не совершается в руках плохих священников. Даже абстрагируясь от приказов Григория и Иннокентия, о которых мы говорили выше, для благочестивых и мыслящих душ существовала фатально удручающая несовместимость между страшными полномочиями, доверенными Церковью своим служителям, и преступлениями всякого рода, бесчестившими большинство из них. Неизбежно заблуждение, если это было заблуждение, должно было быть упорным. Мы находим его ещё преподаваемым в 1396 году Жаном де Варенном, священником из Реймской области, который был вынужден отречься. Альфонс Спина заявлял в 1458 году, что это заблуждение было общим для вальденсов, виклиффитов и гуситов (1).

Здесь можно вспомнить некоторые из антисакердотальных ересей более ранней даты, которые, хотя и носили местный и временный характер, показывают, насколько простой народ был склонен к мятежу против Церкви, какой заразительный энтузиазм мог пробудить вождь, достаточно смелый, чтобы стать выразителем чувств тревоги и недовольства, которые преобладали. Около 1108 года на островах Зеландии появился проповедник по имени Танхельм, который, по-видимому, был монахом-отступником, гибким и ловким спорщиком. Он учил, что все иерархические достоинства ничтожны, от папского до самого скромного клирика, что евхаристия оскверняется недостойными руками и что десятины не должны платиться. Народ жадно его слушал. Наполнив Фландрию своей ересью, он нашёл в Антверпене подходящий центр влияния. Хотя этот город был уже многолюдным и богатым благодаря торговле, он имел лишь одного священника, который, всецело занятый кровосмесительной связью с одной из своих родственниц, не имел ни вкуса, ни досуга для своих обязанностей. Население, лишённое таким образом ортодоксального наставления, было предназначенной добычей для искуателя; оно последовало за Танхельмом и выказывало ему такое почитание, что вода, в которой он мылся, сохранялась и раздавалась как реликвия. Он легко собрал небольшую армию в 3000 человек, во главе которой распространил своё господство на страну; ни герцог, ни епископ не смели ему противостоять. Можно отвергнуть как выдумки испуганных священников некоторые истории, ходившие о нём, например, что он утверждал, будто он Бог и равен Иисусу Христу, что он отпраздновал свой брак с Девой Марией и т. д. Впрочем, Танхельм не мог считать самого себя еретиком, ибо мы находим его посещающим Рим с некоторыми из своих сторонников с намерением добиться, чтобы обширная Утрехтская епархия была разделена и часть её передана епископству Теруан. По возвращении из Рима в 1112 году, когда он проезжал через Кёльн, его и его друзей бросил в тюрьму архиепископ, созвавший в следующем году собор для их суда. Некоторые спаслись, подвергнувшись испытанию водой, другие сумели бежать. Трое из последних были снова схвачены и сожжены заживо в Бонне, предпочтя ужасную смерть отречению, которого от них требовали. Сам Танхельм сумел невредимым добраться до Брюгге. Однако анафема, которой он был предан, подорвала его кредит, и духовенство Брюгге без труда добилося его изгнания из города. Антверпен оставался ему верен; он продолжал там своё апостольство до 1115 года. В то время, когда он находился в лодке с несколькими друзьями, ревностный священник благочестиво ударил его по голове и отправил его душу присоединиться к душе Сатаны, его господина. Но это убийство не уничтожило последствий его учения, и основанная им ересь продолжала процветать. Тщетно епископ назначил двенадцать викариев единственному священнику Сен-Мишеля в Антверпене; основная масса народа вернулась к ортодоксии только в 1120 году, когда святой Норберт, пылкий аскет, основавший орден пре-

монстрантов, взял на себя заботу о городе и снова евангелизировал его со всем пылом своего красноречия. Святой Норберт построил новые церкви и поместил туда учеников, столь же ревностных, как он сам; самые упорные из старых еретиков не могли отказаться в повиновении пастырям, чьё слово и пример равно свидетельствовали об их любви к столь долго пренебрегаемому населению. Освящённые гости, которые были спрятаны по углам в течение пятнадцати лет, были возвращены в церкви раскаявшимися верующими, и ересь исчезла, не оставив следов.

Вскоре после этого довольно похожая ересь была распространена в Бретани Эоном де л'Этуаль; но на этот раз ересиарх был несомненно безумен. Родившись в знатной семье, он приобрёл репутацию святости, живя отшельником в уединении, когда однажды, поражённый словами из коллекты: *Per EUM qui venturus est judicare vivos et mortuos*, он вообразил, что он Сын Божий. Вскоре, поскольку безумие заразительно, за ним последовала толпа поклонников, с помощью которых он начал грабить церкви их дурно нажитыми сокровищами и раздавать их бедным. Ересь стала достаточно грозной, чтобы кардинал-легат Альберик Остийский счёл необходимым проповедовать против неё в Нанте в 1145 году и чтобы Гуго, архиепископ Руанский, сделал её предметом скучной полемики. Самым убедительным аргументом была отправка отряда войск против еретиков, многие из которых, упорно отказываясь отречься, были сожжены заживо в Але. Эон удалился на время в Аквитанию; но в 1148 году они имеют дерзость появиться в Шампани. Самсон, архиепископ Реймский, велел схватить его вместе с товарищами и привёл его к Евгению III на Руанский собор. Там он дал столь явные доказательства своего безумия, что его милосердно передали на попечение Сугерия, аббата Сен-Дени, где он вскоре умер. Среди его учеников было много тех, кто продолжал верить в него и чьё упорство было наказано костром.

Ереси, которые около того же времени пустили корни на юге Франции, где социальные условия были особенно благоприятны для их распространения, оказались гораздо более долговечными и грозными для Церкви. Население этой страны полностью отличалось от населения Севера. На лигурской и иберийской этнической основе греки, финикийцы, римляне и готы отложили последовательные слои, а франкские захватчики V века никогда там прочно не утвердились. Арабские элементы сами не отсутствовали в этой своеобразной смеси рас, которая делала гражданина Нарбонна и Марселя чем-то столь отличным от парижанина — столь же отличным, как язык ок от языка ойль. — Феодальная связь, соединявшая графа Тулузского, или маркиза Прованского, или герцога Аквитанского с королём Парижским или с Императором, была очень слабой связью. Когда феод Аквитании был принесён Элеонорой Генриху II, соперничающие притязания Англии и Франции сохранили независимость крупных феодалов юга, породив таким образом соперничество, все последствия которого проявятся в альбигойских крестовых походах.

Контраст цивилизаций был столь же заметен, как и контраст рас. Нигде в Европе высокая культура и роскошь не сделали таких успехов, как на юге Франции. Рыцарство и поэзия усердно культивировались дворянами, и даже в городах, которые уже приобрели значительную долю свободы и обогатились торговлей, горожане могли похвастаться уровнем образования и просвещения, равного которому не было elsewhere, по крайней мере к востоку от Пиренеев. Ни в одной стране Европы духовенство не было более небрежным в своих обязанностях и более презираемым народом. Прелаты и дворяне имели довольно шаткие религиозные убеждения, так что повсюду царила относительная свобода в вопросах веры. Ни в одной другой стране христианского мира еврей не обладал столькими привилегиями. Он имел то же право, что и христианин, владеть землёй на правах свободного аллода; он допускался к государственным должностям, и его административные способности делали его востребованным в этом качестве как прелатами, так и дворянами; его синагоги процветали, и еврейская школа Нарбонна была знаменита во всём Израиле. В подобных условиях те, кто сохранял религиозные убеждения,

лишь очень слабо сдерживались либо окружающими предрассудками, либо страхом преследования в своём желании критиковать пороки Церкви или искать что-то, что лучше отвечало бы их чаяниям [1].

Именно среди населения, таким образом расположенного к её принятию, первая антисакердотальная ересь была проповедана в Валлонице около 1100 года Пьером де Брюи, уроженцем епархии Эмбрёна. Прелаты Эмбрёна, Гапа и Ди тщетно старались остановить успехи зла; они в конце концов обратились к королю, и Пьер, изгнанный из страны, укрылся в Гаскони. В течение двадцати лет он продолжал там открыто проповедовать со значительным успехом; рассказывают, что однажды, чтобы засвидетельствовать своё презрение к предметам, почитаемым священниками, он велел сложить в кучу множество освящённых крестов, поджёг их и сварил мясо на этом костре. Со временем, однако, преследование возобновилось, и Пьер, взятый в плен в 1120 году, был сожжён заживо в Сен-Жиле.

Его учение было просто антисакердотальным; это было в некоторой мере возрождение заблуждений Клода Туринского. Крещение детей, говорил он, бесполезно, ибо вера другого не может быть полезна индивиду, который не может извлечь пользы из своей собственной веры, — положение в высшей степени опасное и влекущее за собой неисчислимые последствия. По той же причине приношения, милостыни, мессы, молитвы и другие добрые дела, совершаемые за умерших, совершенно излишни, ибо каждый будет судим по своим заслугам. Церкви бесполезны и должны быть разрушены, ибо христианская молитва не нуждается в освящённых местах; Бог слушает тех, кто достоин, взывают ли к нему в церкви или в таверне, в храме или на рынке, перед алтарём или перед хлебом. Церковь Божья состоит не во множестве нагромождённых камней, но в собрании и добром согласии верующих. Что касается креста, нелепо обращать молитвы к неодушевлённому предмету, и лучше уничтожить эти эмблемы, напоминающие о жестоком мучении Иисуса. Самым тяжким заблуждением Пьера было осуждение евхаристии. В то время догмат о пресуществлении ещё не был непреложно закреплён в уме всех верующих, и Пьер де Брюи пошёл в этом отношении дальше Беренгария Турского: «О народы! — восклицал он, — не верьте епископам, священникам и клирикам, которые в этом, как и в другом, стараются вас обмануть относительно служения алтаря, когда они ложно утверждают, что творят тело Христово и дают вам его для спасения ваших душ. Очевидно, что они лгут, ибо тело Христово было создано только однажды самим Христом на Тайной вечере, предшествовавшей Страстям, и было дано только однажды его ученикам. С тех пор оно больше никогда не было создано, никогда не было дано».

С таким человеком не было другого аргумента, кроме костра. Но и это не уничтожило ересь. Петробрусиане продолжали, открыто или тайно, распространять его учения, и пять или шесть лет после его смерти Пётр Достопочтенный, аббат Клонии, всё ещё считал эту ересь столь грозной, что противопоставил ей трактат, которому мы обязаны тем немногим, что о ней знаем. Этот трактат посвящён епископам Эмбрёна, Арля, Ди и Гапа, которых призывают умножить усилия для подавления этих заблуждений, в случае необходимости прибегнув к оружию светской власти. Пьера заменил ещё более грозный ересиарх. Начало Генриха, монаха Лозаннского, известно плохо; он покинул монастырь этого города при обстоятельствах, которые позже были поставлены ему в вину святым Бернардом, но которые вполне могли быть лишь первым кипением того духа реформы, жертвой которого он в конце концов стал. Затем мы находим его в Мане, возможно, уже в 1116 году. Там его аскезы снискали ему почитание народа, и он воспользовался этим, чтобы напасть на духовенство. Доктрины, которые он исповедовал в то время, нам плохо известны, но мы знаем, что он отвергал призывание святых и что, с другой стороны, действие его красноречия было таково, что женщины, воспламенённые его словом, оставляли свои драгоценности и роскошные одежды, что молодые люди женились на куртизанках, чтобы их спасти. Проповедуя таким образом аскетизм и милосердие, Генрих с такой резкостью бичевал пороки Церкви, что духовенство всей епархии было бы уничтожено без

деятельной защиты дворян. Знаменитый Гильдеберт, епископ Манский, отсутствовал в Риме, когда Генрих начал свои проповеди; по возвращении он опроверг ересь в публичном споре и заставил Генриха уйти, но не смог его наказать. Он появился затем в Пуатье и Бордо; затем мы теряем его из виду, пока не находим пленником архиепископа Арльского, который привёл его к Иннокентию II на Пизанский собор в 1134 году. Там он был изобличён в ереси и приговорён к тюрьме. Некоторое время спустя его освободили и отправили в его монастырь, откуда он снова вышел с намерением вступить в строгий цистерцианский орден Клерво. Мы не знаем, по какой причине он возобновил свою миссию ересиарха, но мы встречаем его снова, ещё более дерзким, чем прежде, воспринявшим по существу принципы петробрусиан, отвергающим евхаристию, отказывающим во всяком уважении духовенству, осуждающим десятины, приношения и все другие источники церковных доходов, заявляющим наконец, что не следует молиться в церквях.

Сценой его деятельности был юг Франции, где ещё не остывший пепел петробрусианства был готов снова вспыхнуть. Его успех был огромен. Святой Бернард в 1147 году описывает в отчаянных словах состояние католичества в обширных владениях графа Тулузского: «Церкви без верующих, верующие без священников, священники без должного уважения к ним и христиане без Христа. Церкви рассматриваются как синагоги, святилище Господне больше не почитается; таинства больше не считаются священными; праздники без торжественности; люди умирают в своих грехах, и их души устремляются к страшному судилищу, не очищенные покаянием и не укрепленные святым причастием. Младенцы Христовы исключены из жизни, ибо им отказывают в крещении. Голос одного еретика заставляет умолкнуть все те голоса апостолов и пророков, которые объединились, чтобы созвать все народы в Церковь Христову».

Прелаты юга Франции, бессильные остановить успехи ереси, молили о помощи. Но дворяне не хотели им помогать, ибо, как и народ, они ненавидели духовенство и были рады, что учения Генриха дают им предлог грабить и притеснять Церковь. Легат папы Альберик был призван и добился от святого Бернарда, чтобы тот сопровождал его вместе с Жоффрау, епископом Шартрским, и другими выдающимися людьми. Хотя святой Бернард был болен, близость гибели Церкви пробудила всё его рвение, и он без колебаний взялся за миссию. Состояние народного мнения и смелость, с которой оно выражалось, ясно проявились при приёме легата в Альби; жители вышли ему навстречу в знак осмеяния с осликами и барабанами, и когда он созвал их, чтобы они услышали мессу, на его призыв явились едва ли тридцать человек. Однако, если верить рассказам его учеников, успех святого Бернарда был *prodigieux*. Его репутация, опередившая его, ещё более возросла благодаря ежедневным чудесам, которые ему приписывали, не менее чем его увлекательному красноречию и ловкости его диалектики. Толпы людей теснились, чтобы его услышать, и уходили ображёнными. Святой Бернард прибыл в Альби через два дня после жалкой неудачи легата, и собор едва вместил толпу, которая там собралась. Заканчивая свою проповедь, он обратился к ним с такими словами: «Покайтесь, все вы, кто был заражён. Вернитесь к Церкви, и чтобы мы знали, кто из вас раскаивается, пусть каждый кающийся поднимет правую руку». Все руки поднялись. Однажды, после проповеди перед огромным собранием, он собирался сесть на коня, чтобы уехать, когда один закоренелый еретик, думая его смутить, сказал ему: «Монсеньор аббат, наш ересиарх, о котором вы так дурно думаете, имеет не менее жирного и резвого коня, чем ваш». — «Друг мой, — ответил Святой, — я не отрицаю. Конь кормится и жиреет для себя, ибо он лишь скотина, которую природа отдала его аппетитам, и которая может их удовлетворять, не оскорбляя Бога. Но перед судом Божиим, твой учитель, ты и я будем судимы не по шее наших коней, но каждый по своей собственной шее. Итак, посмотри на мою шею и скажи, жирнее ли она, чем у твоего учителя, и прав ли ты, упрекая меня». Тогда он откинул капюшон и обнажил свою шею, удлиненную и исхудавшую от аскез и умерщвлений плоти, к посрамлению неверующих. Если ему не удалось обратить в Верфейле, где сто рыцарей отказались его слушать, он по крайней мере имел удо-

влетворение их проклясть, что, как уверяют, было причиной того, что они все погибли жалким образом.

Святой Бернард пригласил Генриха на коллоквиум, который благоразумный еретик отклонил, то ли из страха перед красноречием своего противника, то ли потому, что его личная безопасность не казалась ему обеспеченной. Как бы то ни было, отказ Генриха дискредитировал его в глазах многих дворян, которые до тех пор его защищали; с этого времени он был вынужден скрываться. Ортодоксия воспрянула духом, и уже в следующем году, когда его убежище было обнаружено, его привели в цепях к епископу. Мы не знаем о его конце, но предполагают, что он умер в тюрьме.

Мы больше не слышим о генрихианах как о вполне определённой секте; однако в 1151 году одна девушка, чудесным образом вдохновлённая Девой Марией, как считалось, обратила многих из них, и вероятно, что они продолжали существовать в Лангедоке, где в следующем поколении дали новобранцев вальденсам. Некоторые признаки показывают, что в очень отдалённых друг от друга регионах сохранялись небольшие группы сектантов, связанных с генрихианской ересью, что доказывает, что, несмотря на преследования, антисакердотальная тенденция продолжала проявляться. Во время миссии святого Бернарда в Лангедоке Эвервин, препозит Штейнфельда, написал ему, прося помощи против недавно обнаруженных в Кёльне еретиков, вероятно манихеев и генрихиан, которые выдали себя своими внутренними ссорами. Эти генрихиане хвастались, что их секта распространена по всему христианству, и перечисляли её мучеников. Вероятно, также генрихианами были те, кто волновал Перигор под руководством некоего Понса, чьи аскезы и кажущаяся святость снискали ему многочисленных приверженцев, включая дворян, священников, монахов и монахинь. Помимо уже упомянутых антисакердотальных принципов, эти энтузиасты, опережая святого Франциска, провозглашали бедность существенной для спасения и отказывались принимать деньги. Волнение, которое они вызвали, оставило следы в легендах, сложившихся вокруг них. Они страстно искали преследования и громко требовали палачей; но, несмотря на своё желание, они не могли быть убиты, ибо их учитель Сатана освобождал их от цепей и из тюрьмы. Мы ничего не знаем о судьбе Понса и его учеников; но число и активность этих людей достаточно ясно свидетельствовали о чувстве тревоги и потребности в реформе, которые тогда ощущались почти повсюду.

Ересь Арнольда Брешианского преследовала более ограниченную цель. Ученик Абеяра, он был обвинён в том, что разделяет заблуждения своего учителя, и ему приписывали неверные теории относительно крещения детей и евхаристии. Какими бы ни были его теологические заблуждения, его настоящим преступлением в глазах Церкви была энергия, с которой он бичевал пороки духовенства и побуждал мирян вернуть себе имущество и привилегии, которые Церковь узурпировала. Глубоко убеждённый, что причиной бед христианства являются мирские наклонности церковного сословия, он учил, что Церковь не должна иметь ни временных благ, ни юрисдикции, но должна строго ограничиваться своими духовными функциями. Строгой добродетели, внушавшей уважение, безупречный в своей аскетической жизни, посвящённый во всю науку школ и одарённый сверх того убедительным красноречием, он стал ужасом иерархии и находил среди мирян слушателей тем более расположенных следовать за ним, что его учение удовлетворяло их мирские чаяния не меньше, чем их желание духовной реформы. Второй Латеранский собор в 1139 году постарался задуть мятеж, который он возбудил в ломбардских городах, осудив его и наложив на него молчание; но он отказался повиноваться, и в следующем году Иннокентий II, одоблив декреты Санского собора, включил его в осуждение, вынесенное Абеяру; он приказал заключить обоих в тюрьму, а их сочинения сжечь. Арнольд укрылся во Франции, откуда был вынужден перебраться в Швейцарию; мы находим его там проявляющим неутомимую деятельность в Констанце, затем в Цюрихе, преследуемого неослабной бдительностью святого Бернарда. Если верить последнему, завоевания Арнольда в Швейцарии были быстры, ибо «его зубы были как стрелы, и язык его был хорошо отточен».

ным мечом». После смерти Иннокентия II он вернулся в Рим, где, по-видимому, примирился с Евгением III в 1145 или 1146 году. Новый папа, вскоре уставший от беспокойства города, истощившего энергию его предшественников, покинул Рим и укрылся во Франции. Обычно считали, что Арнольд сыграл важную роль в этих событиях. Тщетно святой Бернард обращался с увещеваниями к римлянам, тщетно взывал к императору Конраду, побуждая его силой восстановить папскую власть. В то же время Конрад с пренебрежением отнёсся к посланникам Римской республики, которые приглашали его прийти принять империю Италии, заявляя, что их целью является восстановление императорской власти в том виде, в каком она существовала при Цезарях. Евгений, вернувшись в Италию в 1148 году, произнёс в Брешии осуждение Арнольда и пригрозил лишить бенефициев тех членов римского духовенства, которые будут продолжать держаться его. Но римляне проявили большую твёрдость, и папа смог вернуться в свой город только при условии, что позволит Арнольду там проживать.

После смерти Конрада III в 1152 году Евгений III поспешил заручиться поддержкой нового Короля Римлян, Фридриха Барбароссы, намекнув, что Арнольд и его сторонники замышляют избрать другого императора и сделать Империю римской де-факто, как она была *de jure*. Благосклонность папы казалась Фридриху необходимой для обеспечения его коронации. Слепо забыв о непримиримом антагонизме между духовной и светской властями, он присоединил своё дело к делу понтифика; он поклялся подчинить тому мятежный город и заставить его вернуть территории, которых он был лишён. Евгений, со своей стороны, обещал короновать Фридриха, когда тот вторгнется в Италию, и без стеснения использовать артиллерию отлучения против врагов Императора.

Господство римской черни не всегда было умеренным и мирным. В ходе не одной смуты дворцы дворян и кардиналов были разграблены, а их владельцы подвергнуты дурному обращению. Наконец, в 1154 году во время народного восстания был убит кардинал Санта-Пуденциана. Адриан IV, ловкий англичанин, только что вззошедший на папский престол, схватил случай за волосы и наложил интердикт на столицу христианства, пока Арнольд не будет из неё изгнан. Чернь, уstraшённая лишением таинств перед приближением Пасхи, почти сразу покинула Арнольда, который должен был удалиться в замок в римской деревне у одного из своих друзей-сеньоров. В следующем году Фридрих прибыл в Рим, заключив с Адрианом соглашение, подразумевавшее жертву Арнольдом. Его покровители, которым было приказано его выдать, повиновались. Церковь пыталась избежать ответственности за свою месть; но едва ли есть сомнение, что Арнольд был регулярно осуждён как еретик духовным судом, который был единственно над ним правомочен, поскольку он был в Орденах. Затем он был передан светской руке. Ему предложили прощение, если он отречётся от своих заблуждений, но он упорно отказался и провёл последние мгновения в молчаливых молитвах. Сами палачи были тронуты до слёз его смирением; его милосердно повесили перед сожжением, а прах бросили в Тибр, чтобы народ Рима не сохранил его как реликвию и не почитал как мученика. Фридрих Барбаросса, говорят, слишком поздно раскаялся в том, что пожертвовал этим несчастным; вскоре после этого у него было много причин сожалеть о потере союзника, который мог бы избавить его от горького унижения его капитуляции перед папой Александром III.

Хотя непосредственное влияние Арнольда Брешианского было недолгим, его карьера была важна как проявление чувств нетерпения, которые вызывали среди интеллектуалов вторжения и коррупция Церкви. Арнольд потерпел неудачу в своём предприятии; он погиб, неверно оценив огромные силы, объединившиеся против него; но всё же его жертва не была полностью бесполезной. Его учение оставило глубокий след в уме населения, и его последователи в течение веков втайне лелеяли его доктрину и его память. Римская курия хорошо знала, что делает, когда бросала прах Арнольда в Тибр, заранее опасаясь последствий почитания, которое народ испытывал к своему мученику. Тайные общества арнольдистов образовались под названием «Бедных» и приняли принцип, что таинства могут преподаваться только доб-

родетельными руками. В 1184 году арнольдисты были осуждены папой Луцием III на так называемом Веронском соборе; около 1190 года Бонакорси на них ссылаются, и вплоть до XVI века их имя возвращается в списках ересей, запрещённых чередой эдиктов и булл. Однако у нас есть доказательство их забвения в отрывке знаменитого глоссатора Жана Андреаса, умершего в 1348 году; он замечает, что название секты, возможно, следует объяснять именем человека, который её основал.

Когда Пьер Вальдо Лионский попытался более мирным путём утвердить те же идеи и его сторонники стали «Лионскими бедняками», их итальянские братья показали себя готовыми сотрудничать с новыми реформаторами. Хотя между двумя школами были некоторые незначительные различия, их сходство было таково, что они слились, и Церковь поразила их одной анафемой. Секта, очень похожая на них, обозначалась названием *Umiliati*; это были странствующие миряне, которые проповедовали и принимали исповеди, к великому соблазну духовенства, но не были еретиками в собственном смысле слова[2].

Гораздо более важным и долговечным по своим результатам было антисакердотальное движение, невольным инициатором которого во второй половине XII века стал Пьер Вальдо Лионский. Это был богатый купец, необразованный, но желавший познать истины Писания. С этой целью он велел перевести Новый Завет и собрание выдержек из Отцов Церкви, известное под названием Сентенций. Он изучал их с рвением, выучил наизусть и пришёл к убеждению, что нигде апостольская жизнь не соблюдается так, как учил Иисус. Влюблённый в евангельское совершенство, он предоставил своей жене выбор между его недвижимым и движимым имуществом. Она выбрала первое; тогда он продал свою мебель, поместил двух своих дочерей в аббатство Фонтевро и раздал остаток своего состояния бедным, которые тогда страдали от голода. Рассказывают, что он пошёл просить хлеба у друга, который обещал обеспечивать его необходимым пожизненно, и что его жена, узнав об этом, обратилась к архиепископу, который приказал Вальдо принимать хлеб только от неё. С тех пор он провёл свою жизнь, проповедуя Евангелие на улицах и на дорогах, вызывая многочисленных подражателей обоего пола, которых он отправлял как миссионеров в соседние города. Они входили в дома, возвещая Евангелие жителям; они проповедовали в церквях, рассуждали на публичных площадях, находя повсюду слушателей тем более ревностных, что духовенство, как мы видели, давно пренебрегало проповедью. Следуя обычаю времени, они вскоре приняли особую одежду, включавшую, в подражание апостолам, сандалии с неким подобием пластины, отчего получили название «Обутых», *Insabbatati* или *Zaptati* — хотя сами они называли себя *Li Pour de Lyon*, то есть «Лионские бедняки»[3]. Ревностные, но невежественные люди, предпринявшие таким образом религиозное просвещение народа, должны были совершать ошибки, которые теолог мог легко разоблачить. С другой стороны, эти импровизированные проповедники, призывая верующих к покаянию и побуждая их к спасению, естественно, не щадили пороков и преступлений духовенства. Вскоре против новых евангелистов поднялись жалобы; Жан aux Belles mains, архиепископ Лионский, вызвал их к себе и запретил им продолжать проповедовать. Они ослушались и были отлучены. Пьер Вальдо тогда апеллировал к папе (вероятно, Александру III), который одобрил его обет бедности и разрешил ему проповедовать с разрешения священников — ограничение, которое соблюдалось некоторое время, а затем было забыто. «Бедняки» не переставали выдвигать всё более опасные доктрины и нападать на духовенство с возрастающей живостью. Однако они ещё раз предстали в 1179 году перед Латеранским собором, представили ему свою версию Писаний и просили разрешения проповедовать. Готье Мапес, который присутствовал, насмехается над их невежественной наивностью и радуется ловкости, которую он проявил, опровергая их доктрины, когда был делегирован для изучения их теологических идей. Он тем не менее отдаёт должное их святой бедности, рвению, с которым они подражают апостолам и следуют Христу. Ещё раз они попросили у Рима разрешения основать Орден проповедников; но Луций III отказал, ссылаясь на их сандалии, их монашеские накладки и объеди-

нение лиц обоего пола в их странствующих отрядах. Затем, раздражённый их упорством, он предал их анафеме на Веронском соборе в 1184 году. Они отказались отказаться от своей миссии или даже считать себя отделёнными от Церкви. Хотя они были снова осуждены на соборе, состоявшемся в Нарбонне, они согласились около 1190 года принять опасности дискуссии в соборе Нарбонна с Раймундом де Давентером в качестве арбитра. Разумеется, приговор был против них; но этот коллоквиум представил интерес, показав, насколько они уже отошли к тому времени от католической ортодоксии. Шесть пунктов, по которым шла дискуссия, были следующими: 1) что они отказывают в повиновении власти папы и прелатов; 2) что всякий, даже мирянин, имеет право проповедовать; 3) что, по примеру апостолов, Богу должно повиноваться более, чем человеку; 4) что женщины могут проповедовать; 5) что мессы, молитвы и милостыни за умерших бесполезны; добавляли, что некоторые из них отрицали существование чистилища; 6) что молитва, сказанная в постели, в комнате или в конюшне, столь же действенна, как молитва, сказанная в церкви. Всё это было в первую очередь мятежом против духовенства, а не ересью в собственном смысле; но мы узнаём около того же времени от «Вселенского доктора» Алена Лилльского, который по просьбе Луция III написал трактат для их опровержения, что они были готовы довести свои принципы до крайних выводов и что они professed сверх того несколько доктрин, отклоняющихся от католического учения.

Вальденсы думали, что следует повиноваться добрым прелатам, тем, кто ведёт истинно апостольскую жизнь, но что только эти безупречные прелаты имеют право связывать и разрешать. Подобная доктрина наносила смертельный удар всей организации Церкви. Если, действительно, заслуга, а не рукоположение давала власть освящать и благословлять, то всякий человек, ведущий образцовую жизнь, мог делать то же самое; и поскольку вальденсы все утверждали, что живут безупречно, из этого следовало, что все они, хотя и миряне, могли осуществлять все функции священства. Из этого также следовало, что ритуальные акты, совершённые плохими священниками, бесполезны, — вывод, который французские вальденсы сначала колебались принять, тогда как итальянские вальденсы приняли его без колебаний. Идея, что исповедь, данная мирянину, столь же действенна, как если бы она была обращена к священнику, составляла серьёзное посягательство на таинство покаяния, хотя четвёртый Латеранский собор ещё не сделал в то время исповедь перед священником обязательной; сам Алел допускает, что в отсутствие священника исповедь, данная мирянину, может быть достаточной. Система индульгенций была другим священническим изобретением, которое вальденсы отвергали. Они professed три существенных правила морали, которые стали характерными для их секты. Всякая ложь есть смертный грех; всякая клятва, даже перед судом, запрещена; пролитие человеческой крови никогда не дозволено, ни на войне, ни при исполнении судебных приговоров. Этот последний принцип подразумевал непотворение и сводил опасность, представляемую вальденской ересью, к неудобствам морального влияния, которое она могла в конце концов оказать; гораздо позже, в 1217 году, один хорошо осведомлённый современник уверяет нас, что четыре главные ошибки вальденсов состояли в ношении сандалий по примеру апостолов, в запрете клятвы и убийства и в учении, что всякий член секты, если он носит сандалии, может в случае необходимости освящать евхаристию [4].

Всё это было лишь следствием наивного и искреннего желания повиноваться заповедям Христа и сделать Евангелие действенным образцом для повседневной жизни. Но если бы эти принципы были повсеместно приняты, они свели бы Церковь к бедности апостольских времён и стёрли бы большинство различий, существовавших между священниками и мирянами. Сектанты были вдохновлены духом, который создаёт истинных миссионеров; их рвение прозелитов было безграничным; они путешествовали из страны в страну, преподавая свои доктрины и находя повсюду радужный приём, особенно в низших классах, всегда готовых принять мнение, обещающее освободить их от пороков и тирании духовенства. Нам говорят, что один из главных вальденских апостолов носил с собой разные костюмы, появляясь то как сапожник, то

как цирюльник, то как крестьянин, и хотя целью этих переодеваний могло быть уклонение от преследований, можно видеть в них также указание на социальные классы, к которым предпочтительно обращалась пропаганда вальденсов.

Лионские бедняки размножались с невероятной быстротой по всей Европе; Церковь начала серьёзно тревожиться, и не без основания, ибо древний документ секты утверждает, что во времена Вальдо или сразу после него соборы вальденсов собирали в среднем 700 присутствующих членов.

Вскоре после коллоквиума в Нарбонне, в 1194 году, сигнал к преследованию был дан Альфонсом II Арагонским; эдикт, который он издал по этому поводу, памятен как первый пример в современном мире светского законодательства против ереси (если не считать Кларендонских ассиз). Вальденсы и все другие еретики, осуждённые Церковью, рассматриваются как общественные враги и обязуются покинуть владения государя не позднее чем на следующий день после Дня всех святых. Всякий, кто примет их у себя, кто будет слушать их проповеди, кто даст им поесть, будет подлежать наказаниям, установленным за измену, подразумевающим конфискацию всего имущества. Этот декрет должен публиковаться каждое воскресенье всеми священниками; все должностные лица государства должны обеспечивать его исполнение. Всякий еретик, который не уйдёт через три дня после срока, установленного законом, мог быть ограблен первым встречным; всякое оскорбление, которое ему нанесут, кроме увечья и смерти, будет рассматриваться не как преступление, но как заслуга перед королевской милостью. Жестокость этих постановлений, которые ставили еретика вне закона, осуждали его без слушания и подвергали без суда жадности и злобе первого встречного, была ещё превзойдена три года спустя Педро II, сыном Альфонса. На национальном соборе, состоявшемся в Жероне в 1197 году, он возобновил законодательство своего отца, добавив для закоренелых еретиков наказание костром. Если дворянин отказывался изгнать со своих земель этих врагов Церкви, должностным лицам и народу епархии давался приказ идти схватить его в феодальном замке, причём они не могли нести никакой ответственности за причинённый ущерб. Всякий, кто отказался бы присоединиться к экспедиции, подлежал бы штрафу в двадцать золотых монет. Наконец, все должностные лица должны были в течение восьми дней предстать перед епископом или его представителем и поклясться соблюдать новый закон.

Характер этого законодательства раскрывает дух, в котором Церковь и Государство готовились встретить интеллектуальное движение той эпохи. Как бы безобидными ни казались вальденсы, их рассматривали как очень опасных врагов, которых должно преследовать без пощады. На юге Франции они должны были быть истреблены одновременно с альбигойцами, хотя различие между этими двумя сектами ясно признавалось. Документы Инквизиции постоянно упоминают «Ересь» и «Вальденство», обозначая первым термином катаризм как ересь по преимуществу. Сами вальденсы считали катаров еретиками, с которыми должно бороться убеждением, хотя преследования, которые они терпели сообща, часто заставляли их объединяться.

В секте, распространённой на столь обширных территориях, от Арагона до Богемии, включавшей главным образом бедных и неграмотных, было неизбежно, что возникали различия в организации и доктрине и что независимое развитие общин шло неравномерно. Труды Дикгофа, Герцога и особенно Монте доказали в наши дни, что первые вальденсы отнюдь не были протестантами в современном смысле слова и что, несмотря на преследования, многие из них продолжали считать себя членами Римской церкви, с упорством, свидетельствующим о реальности злоупотреблений, которые привели их сначала к схизме, а затем к ереси. У других, однако, дух мятежа созрел гораздо быстрее, и поэтому мы не можем, ввиду наложенных на нас ограничений, представить точную и полную картину доктрины, которая столь заметно различалась в зависимости от эпохи и места.

Например, уже в XIII веке опытный инквизитор, составляя инструкции для допроса вальденсов, допускает, что они не верят в присутствие тела и крови Христа в евхаристии; в 1332 году мы узнаём, что это неверие professed вальденсами Савойи. Но как раз в это же время Бернар Ги уверяет нас, что вальденсы верили в пресуществление, и г-н Монте доказал изучением их последовательных сочинений, что они действительно изменили мнение по этому вопросу. Инквизитор, сжёгший вальденсов Кёльна в 1392 году, говорит, что они отрицали пресуществление, но добавляли, что, если это чудо и возможно, оно certainly не произойдёт в руках недостойного священника. Та же неопределённость в их доктринах о чистилище, о заступничестве святых, о призывании Девы и т. д. Антисакердотализм, характеризовавший эту секту в её начале, естественно, развиваясь, стремился устранить всех посредников, поставленных Церковью между Богом и человеком, хотя этот прогресс отнюдь не был равномерным. Так, вальденсы, сожжённые в Страсбурге в 1212 году, отвергали всякое различие между духовенством и мирянами. Напротив, ломбардские общины около того же времени избирали служителей либо пожизненно, либо на время. Французские и ломбардские вальденсы допускали в то время, что евхаристия может преподаваться только священником, получившим рукоположение, хотя они расходились во мнении о том, обязательно ли, чтобы он не находился в состоянии смертного греха. Бернар Ги упоминает три ордена среди вальденсов — диаконов, священников и епископов; г-н Монте обнаружил в рукописи 1404 года формулу вальденского рукоположения; и когда в 1467 году было организовано Единство Чешских братьев, оно прибегло к вальденскому епископу Стефану для посвящения своих первых епископов. Однако антисакердотальные тенденции стали настолько сильными, что различие между священниками и мирянами в значительной мере стёрлось и «власть ключей» была полностью отвергнута. Около 1400 года «Nobla Leuzon» заявляет, что все папы, кардиналы, епископы и аббаты со времён святого Сильвестра не были в состоянии отпустить ни одного смертного греха, ибо власть прощения принадлежит только Богу. Как только душа верующего считалась беседующей напрямую с Богом, весь механизм индульгенций и так называемых благочестивых дел устранялся одним ударом. Правда, вера без дел мертва; но добрые дела, говорили вальденсы, — это благочестие, раскаяние, милосердие и справедливость, а не паломничества, чисто формальные упражнения, основания церквей и почести, воздаваемые святым [5].

Вальденская система создавала таким образом очень простую церковную организацию, стремившуюся к ещё большему упрощению. Различие между клириками и мирянами было сведено к минимуму. Мирянин мог принимать исповеди, крестить и проповедовать. В некоторых общинах в Великий четверг каждый глава семьи преподавал причастие, освящая элементы и раздавая их сам. Однако существовало организованное духовенство, члены которого, известные под именем Совершенных или Majorâtes, учили верующих и обращали неверующих. Они отказывались от всякой собственности и разлучались с жёнами; другие соблюдали с юности строжайшее целомудрие. Эти священники странствовали по стране, принимая исповеди, вербуя адептов; они содержались на добровольные взносы трудящихся. Вальденсы Померании верили, что каждые семь лет двое из их священников переносятся к вратам Рая, чтобы там познать божественную премудрость. Весьма заметное различие между ними и мирянами состояло в том, что в процессах Инквизиции последним разрешалось уступать принуждению и приносить клятву, тогда как Совершенные должны были умереть, plutôt чем нарушить предписание, запрещавшее им клясться. Инквизиторы, жалуясь на хитрость, с которой еретики обходили их допросы, признавали, однако, что все они казались более желающими спасти своих родственников и друзей, чем спасти самих себя.

С этой тенденцией к восстановлению евангельской простоты религиозное учение вальденсов должно было быть прежде всего моральным. Один несчастный, приведённый в Тулузскую Инквизицию и которого спросили, чему научили его учителя, ответил, «что он никогда не должен ни делать, ни говорить того, что плохо, что он не должен делать другим того,

чего не хочет, чтобы делали ему самому, что он не должен ни лгать, ни клясться» — формула, конечно, простая, но оставляющая мало желать в практике. Аналогичный ответ был дан монаху-целестинцу Пьеру во время его инквизиторской кампании среди вальденсов Померании в 1394 году.

Гонимая церковь почти необходимо есть церковь чистая, и люди, которые в течение этих долгих и печальных веков были вынуждены скрываться с постоянно маячащим на горизонте костром, чтобы распространять то, что они считали истинами учения Иисуса, не были способны осквернить свою высокую и святую миссию гнусными пороками, которые некоторые фанатики им приписывали. По правде говоря, заклятые гонители вальденсов всегда признавали, что их внешнее поведение было достойно похвалы, и не один из них сожалел о контрасте, который представляла чистая жизнь еретиков по сравнению со скандальным существованием ортодоксального духовенства. Инквизитор, хорошо их знавший, описывает их так: «Эти еретики отличаются своими нравами и своим языком, ибо они скромны и умеренны. Они не тщеславятся своей одеждой, которая не является ни роскошной, ни грязной. Они не занимаются торговлей, из страха быть вынужденными лгать и клясться, но живут своим трудом, как рабочие. Те, кто их учит, — сапожники. Они не накапливают богатств, но довольствуются необходимым. Они не злоупотребляют ни едой, ни питьём. Они не посещают ни таверн, ни балов, ни других мест тщеславия. Они умеют сдерживать свой гнев. Их всегда находят за работой; поскольку они попеременно учатся и учат, у них мало времени для молитвы. Их узнают ещё по точности и умеренности их языка; они избегают шуток, клеветы, непристойных речей, лжи и ругательств. Они даже не говорят *vere* или *certe*, считая, что эти утверждения равносильны клятвам». Таково официальное свидетельство, перед лицом которого мы можем действительно отвергнуть без рассмотрения истории, пущенные в оборот среди простого народа, чтобы возбудить ненависть к вальденсам. Их обвиняли в половых мерзостях, тогда как единственный упрёк такого рода, который можно было им сделать, заключался в преувеличении аскетизма, как это было обычно среди первых христиан. Вальденсы утверждали, действительно, что половое общение даже в браке законно только в том случае, если оно имеет целью продолжение рода. Один инквизитор заявляет, что он не верит в обвинения в ужасных оргиях, брошенные против вальденсов; ибо, говорит он, он никогда не мог собрать достоверного свидетельства на этот счёт. Не видно также ничего подобного в процедурах, направленных против еретиков, до тех пор, пока в XIV и XV веках инквизиторы Пьемонта и Прованса не нашли выгодным для своего дела вырвать у своих несчастных жертв признания, утверждающие чудовищные пороки [6].

Их также упрекали в том, что они лицемерно скрывают свои убеждения, показывая себя аккуратными в посещении мессы и исповеди; но разве это не вполне извинительно для людей, которые чувствовали себя подслушиваемыми и травимыми и которые, по крайней мере в первое время, не имели других средств получить таинства, которые они считали существенными для своего спасения? Над ними издевались из-за скромности их существования; это были, действительно, крестьяне, рабочие, эти бедные и презираемые люди, о которых Церковь очень мало заботилась, разве что чтобы вытянуть из них деньги, когда они были ортодоксальны, и сжечь, когда они не были.

Но главным преступлением вальденсов была их любовь и уважение к Священному Писанию в соединении с пылким рвением, с которым они приобретали прозелитов. Инквизитор Пассау сообщает нам, что они обладали полными переводами Библии на народный язык, которые Церковь тщетно пыталась уничтожить и которые они изучали с невероятным прилежанием. Этот инквизитор знал крестьянина, который мог прочитать наизусть, не изменив ни слова, всю Книгу Иова; многие вальденсы знали наизусть Новый Завет и, несмотря на свою простоту, были грозными противниками в спорах. Что касается их духа прозелитизма, он рассказывает историю одного вальденса, который холодной зимней ночью переплыл реку Ипс в

надежде обратить католика. Все, мужчины и женщины, молодые и старые, непрестанно занимались тем, что учили и учились. После тяжёлого дня труда они проводили ночь за учением; они не боялись проникать в лазареты, чтобы нести спасение прокажённым; ученик после десяти дней учёбы уже сам искал ученика, чтобы наставлять его. «Учите, — говорили они, — одно слово в день, и через год вы будете знать триста и достигнете своей цели». Разумеется, если когда-либо существовал народ, боящийся Бога, то это были эти несчастные, поставленные вне закона Государством и Церковью, чьими паролями были: «Так говорит святой Павел: не лги», «Так говорит святой Иаков: не клянись», «Так говорит святой Пётр: не воздавай злом за зло, но противоположным добром». «Nobla Leyczon» не говорит в этом отношении больше, чем сами инквизиторы, когда заявляет, что знаком, которым вальденсы отмечались для смерти, была не что иное, как его любовь к Иисусу и его рвение следовать заповедям Божиим.

Фактически среди всеобщей распущенности Средних веков аскетическая добродетель легко рассматривалась как признак ереси. Около 1220 года клирик из Шпейера, которого его строгость позже привела в Орден францисканцев, едва не был сожжён как еретик, потому что его проповедь побудила некоторых женщин пожертвовать своими украшениями и посвятить себя жизни смирения; для его спасения потребовалось вмешательство Конрада, который позже был епископом Хильдесхайма.

Глубокое убеждение вальденсов проявляется в энтузиазме, с которым тысячи из них радостно принимали тюрьму, пытки и костёр, plutôt чем вернуться к религии, которую они считали испорченной. В ходе моих исследований я встретил случай 1320 года, случай с бедной женщиной из Дамиера, которая подчинилась ужасному приговору, вынесенному против еретиков, просто потому, что не хотела приносить клятву. На все вопросы, касающиеся статей веры, она ответила с совершенной ортодоксией; но, когда ей предложили сохранить жизнь, если она согласится поклясться на Евангелиях, она отказалась обременить свою душу грехом и позволила осудить себя за ересь.

Различные антисакердотальные секты были далеко не согласны между собой; но помимо тех, которыми мы только что занимались, другие имеют слишком мало значения и слишком мало известны, чтобы нас задерживать. Passagii или Circumeisi были иудействующими христианами, которые пытались избежать господства Рима, прибегая к Ветхому Закону и отрицая равенство Христа и Бога. Joseppini были ещё более тёмными, и их заблуждения, по-видимому, состояли главным образом в чрезмерном аскетизме и половых извращениях. Siscidentes были фактически идентичны вальденсам, единственное различие состояло в способе преподания евхаристии. Ordibarii или Ortlibenses, ученики Ортлиба Страсбургского, процветавшего около 1216 года, были также близко родственны вальденсам, но professed заблуждения в доктрине, к которым мы ещё вернёмся. Runcarii, по-видимому, были посредниками между Лионскими бедняками и альбигойцами или манихеями; существование этой секты почти необходимо вытекало из потребности установить связь между общими интересами и общими страданиями двух главных ветвей ереси [7].

Глава третья. — Катары.

Привлекательность дуалистической теории — Катарство происходит от манихейства — Верования и организация катарической Церкви — Рвение миссионеров и жажда мученичества — Катары не были поклонниками Дьявола — Центр катарства в Славонии — Его распространение по Европе в XI веке — Его успехи в XII веке — Относительная неприкосновенность Англии и Германии — Успехи в Италии. — Усилия Иннокентия III — Цитаделью катарства является Южная Франция — Ожидается его торжество — Провал Крестового похода 1181 года — Период терпимости и роста.

Движения, о которых шла речь, были естественным результатом антисакердотализма, стремившегося вернуть христианскую Церковь к простоте апостольского века. Своеобразной чертой религиозного чувства того времени является то, что самая грозная враждебность по отношению к Риму основывалась на веровании, которое едва ли можно назвать христианским, и что это гибридное учение распространилось так быстро, так упорно сопротивлялось всем усилиям, предпринимавшимся против него, что на мгновение показалось, будто оно угрожает самому существованию католичества. Объяснение этого факта, возможно, кроется в привлекательности, которую оказывает дуалистическая доктрина — антагонизм вечных начал добра и зла — на умы тех, кто считает существование зла несовместимым с верховенством бесконечно благого и бесконечно могущественного Бога. Когда к дуализму добавляют учение о переселении душ, подразумевающее награды и наказания, страдания людей представляются достаточно оправданными; и в эпоху, когда эти страдания были столь же всеобщими, как в XI и XII веках, понятно, что многие люди были готовы разрешить таким образом проблему зла. Однако эти соображения всё ещё не объясняют, почему манихейство катаров, патаренов или альбигойцев было не только спекулятивным догматом, преподававшимся в школах, но верой, которая пробуждала восторженный фанатизм, до такой степени, что верующие не отступали ни перед какой жертвой, чтобы её распространять, и с безмятежной верой всходили на пылающий костёр. Убеждение, столь же глубокое, сколь и распространённое, в тщетности сакраментального христианства, в его крахе и близком уничтожении на пользу новой религии, могло в значительной мере способствовать тому бескорыстному рвению, которое зажёл неодализм среди бедных и неграмотных.

Из всех ересей, с которыми ранней Церкви приходилось бороться, ни одна не вызывала столько страхов и отвращения, как манихейство. Манес так ловко смешал с маздеистским дуализмом (из Персии) не только христианство, но и гностические и буддийские элементы, что его учение нашло приверженцев как в высших, так и в низших классах, среди интеллектуалов школ и среди ремесленников. Церковь инстинктивно поняла, что перед ней самая опасная из соперниц, и, как только она смогла располагать ресурсами государства, она безжалостно преследовала манихейство. Среди многочисленных эдиктов императоров, как языческих, так и христианских, направленных против свободы мысли, те, что имели целью борьбу с манихеями, были самыми суровыми и жестокими. Преследование достигло своей цели после долгой борьбы, подавив все внешние проявления манихейства в пределах Империи, хотя это учение долго сохранялось в тайне даже в Западной Империи. На Востоке оно открыто отступило к границам, не переставая, однако, поддерживать тайные связи с сектантами, рассеянными по провинциям, и даже Константинополь не был от них свободен. Оставив культ Манеса, манихеи приняли в качестве вождей двух других своих учителей, Павла и Иоанна Самосатского, первый из которых дал ереси название павликианства. При императоре Константе, в 653 году, некий Константин усовершенствовал учение, которое сохранялось, несмотря на ужасные преследования, переносимые с тем же героизмом, который позже характеризовал манихеев Запада.

Иногда оттесняемые за границы, на земли сарацин, затем отбрасываемые обратно в Империю, павликиане некоторое время вели независимое существование в горах Армении и вели глухую войну против византийцев. В VIII и IX веках Лев Исавр, Михаил Куропалат, Лев Армянин и императрица-регентша Феодора тщетно пытались их истребить, пока наконец во второй половине X века Иоанн Цимисхий не попытался прибегнуть к терпимости и не переселил большое их число во Фракию, где они быстро размножились, проявляя равные способности к войне и к промышленности. В 1115 году мы видим императора Алексея Комнина, проводящего лето в Филиппополе и развлекающегося богословскими дискуссиями с еретиками, многие из которых, говорит его дочь, обратились [1]. Почти сразу после переселения манихеев в Европу Цимисхием мы обнаруживаем новые следы их ереси на Западе, что доказывает, что активность их прозелитизма не ослабла за столетия.

Во всём существенном учение павликиан было идентично учению альбигойцев. Простой дуализм, или маздеизм, рассматривает вселенную как продукт творческих энергий Ормузда и Ахримана, каждый из которых стремится нейтрализовать усилия другого: отсюда бесконечная война между добром и злом, которая господствует над природой и жизнью. Это учение объясняет существование зла и в то же время побуждает людей прийти на помощь Ормузду, служа делу добра добрыми словами, добрыми мыслями и добрыми делами. Сбитый с толку гностическими умозрениями, Манес видоизменил эту теорию, отождествив дух с Добром, а материю со Злом, — концепция, возможно, более утончённая и философская, но необходимо ведущая к пессимизму и крайностям аскетизма, поскольку душа могла выполнить свой долг только подавляя или уничтожая плоть. Так, в павликианском учении мы находим два равных принципа, Бога и Сатану, первый из которых является творцом невидимого, духовного и вечного мира, тогда как второй создал и управляет материальным и временным миром. Сатана — это Иегова Ветхого Завета; пророки и патриархи — разбойники, и, следовательно, всё Писание до Евангелий должно быть отвергнуто. Новый Завет вполне заслуживает названия Священного Писания, но Христос не был человеком: это был призрак, видение. Сын Божий, он, казалось, родился от Девы Марии; но в действительности он сошёл с Неба, чтобы упразднить культ Сатаны. Переселение душ обеспечивает награду добрым и наказание злым. Таинства объявляются бесполезными; священники и старейшины Церкви — лишь учителя, без власти над верующими. Таковы известные принципы павликианства, и их идентичность с принципами катаризма слишком очевидна, чтобы мы могли принять теорию Шмидта, согласно которой происхождение катаров следует искать среди мечтателей болгарских монастырей. Другим неопровержимым доказательством связи между катаризмом и манихейством является священное одеяние, которое носили Совершенные среди катаров. Этот обычай явно происходит от обычая маздеев, у которых *Kosti* и *Sadéré* были существенной одеждой всех верующих [2]. Среди катаров тот, кто носил священное одеяние, был известен инквизиторам под именем *haereticus indutus* или *vestitus* и считался тем самым посвящённым во все тайны ереси [3].

Катаризм был, таким образом, формой веры, по существу антисакердотальной. Он отвергал как бесполезный весь механизм Церкви. Для него Римская Церковь была Синагогой Сатаны, где спасение невозможно. Соответственно, он отвергал таинства, жертвоприношения алтаря, заступничество Девы и святых, чистилище, реликвии, изображения, кресты, святую воду, индульгенции и вообще все практики, которыми священники якобы обеспечивали спасение верующих. Он не менее осуждал десятины и благочестивые приношения, которые делали столь прибыльным для духовенства дело спасения, которое оно на себя взяло. Однако катарическая Церковь как Церковь Христова притязала на власть связывать и разрешать, данную Христом своим ученикам; *Consolamentum*, или Крещение Духом, стирало всякий грех, но молитвы не имели никакой силы, когда грешник упорствовал в творении зла.

Хотя катары переводили Писание на народный язык, они сохраняли латынь для своих молитв, которые, следовательно, оставались непонятными для большинства верующих. Суще-

существовал класс посвящённых священников для совершения очень простого богослужения. Впрочем, быстрое развитие общин и рвение их прозелитизма вскоре сделали необходимыми организацию и иерархию. Масса катаров называлась просто «христианами»; над ними, выбранные из Совершенных, были Епископ, Филиус Майор (старший сын), Филиус Минор (младший сын) и Диакон. Каждый сановник трёх высших орденов имел диакона для помощи и для замены при необходимости; функции всех были почти идентичны, хотя Филии (сыновья) предпочтительно использовались для посещения членов Церкви. Филиус Майор избирался конгрегацией, и повышения в достоинство епископа происходили при возникновении вакансий. Посвящение давалось возложением рук, или консоламентум (утешение), которое было эквивалентом крещения и составляло необходимый обряд для принятия в Церковь. Поскольку вера в то, что таинства испорчены, когда их преподают нечистые руки, причиняла много беспокойства верующим, часто случалось, что консоламентум давали два или три раза. Обычно, но не повсеместно, признавалось, что священник низшего ранга не может посвящать своего начальника, и поэтому во многих городах было два епископа, так что, если один умирал, не нужно было прибегать для посвящения его преемника к Филиусу Майору. Этот катарический ритуал был суров в своей простоте. Католическая евхаристия заменялась благословением хлеба, которое совершалось ежедневно за столом. Старший брал тогда хлеб и вино, в то время как все остальные читали молитву Господню. Затем Старший говорил: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с нами»; он преломлял хлеб и раздавал его присутствующим. Этот благословенный хлеб был предметом особого благоговения со стороны большого числа катаров, которые в большинстве своём были просто верующими или *credentes*, не будучи полностью приняты в Церковь, как Совершенные. Случалось, что они хранили годами кусок освящённого хлеба и время от времени съедали крошку. Перед едой или питьём катар всегда произносил молитву; когда Совершенный присутствовал на трапезе, сотрапезники читали благословение, когда впервые касались пищи или питья, на что Совершенный отвечал: *Diaus vos benesiga*. Была ежемесячная церемония исповеди, в которой принимало участие всё собрание верующих. Великой церемонией было *consolamentum*, или *cossolament*, которое соединяло душу верующего со Святым Духом и которое, как христианское крещение, очищало от всякого греха. Оно состояло в возложении рук и могло быть совершено любым из Совершенных, даже женщиной, при условии, что совершающий не находится в состоянии смертного греха. Для совершения обряда требовалось участие двух совершающих. Этот способ принятия в Церковь назывался инквизиторами «еретизацией»; в общем, и за исключением тех, кто хотел стать служителем, к нему прибегали только в момент смерти, вероятно, из страха преследований; но *credens* часто связывал себя обязательством, называемым *covenansa*, обязуясь принять *consolamentum* в свой последний час. Это обязательство должно было быть исполнено, даже если умирающий потерял дар речи и был неспособен отвечать. Форма обряда была простой, хотя ему обычно предшествовал период подготовки, включавший долгий пост. Совершающий спрашивал у кандидата: «Брат, желаешь ли ты присоединиться к нашей вере?» Неофит, после нескольких коленопреклонений и благословений, отвечал: «Молись Богу за этого грешника, чтобы он привёл меня к доброму концу и сделал меня добрым христианином». Совершающий отвечал: «Да будет Бог молим сделать тебя добрым христианином и привести тебя к доброму концу. Отдаёшь ли ты себя Богу и Евангелию?» На утвердительный ответ кандидата ему задавали ещё: «Обещаешь ли ты, что впредь не будешь есть ни мяса, ни яиц, ни сыра, никакой-либо снеди, кроме водной или растительной; что не будешь лгать, не будешь клясться, не будешь совершать нечистоты, не пойдёшь один, когда можешь иметь спутника, не оставишь веры из страха воды, огня или любого другого мучения?» После этих обещаний присутствующие преклоняли колени, в то время как служитель возлагал на голову кандидата Евангелие от Иоанна и читал текст: «В начале было Слово и т. д.»; затем он облакал его в священную ткань, и поцелуй мира распространялся среди присутствующих — целовали мужчин и довольствовались прикосновением к локтю женщин.

Эта церемония рассматривалась как символизирующая отказ от Духа Зла и возвращение души к Богу с решимостью вести чистую и безупречную жизнь. Когда речь шла о женатом человеке, предварительное согласие супруга было необходимым условием. В случаях, когда еретизация происходила на смертном одре, за ней обычно следовала *endura*, или лишение. Совершающий спрашивал у неопита, желает ли он быть исповедником или мучеником; если он выбирал быть мучеником, подушка или полотенце — называемое немецкими катарами *Untertuch* — клалось ему на рот, пока читались определённые молитвы. Если он желал быть исповедником, он оставался три дня без пищи, получая лишь немного воды в качестве питья. В том и другом случае, если он выживал, он становился Совершенным. Эта *endura* иногда использовалась как способ самоубийства, добровольная смерть была частой среди катаров. Мучение в конце жизни освобождало их от мук иного мира, и добровольная смерть через лишение пищи, проглатывание толчёного стекла или ядов, или вскрытие вен в ванне не была отнюдь редким явлением. Впрочем, когда человек умирал, его родственники считали долгом милосердия ускорить его конец.

Церемония, известная сектантам под названием *melioramentum* и называемая инквизиторами «почитанием», была важна, поскольку давала инквизиторам верное доказательство ереси. Когда *credens* (верующий) приближался к служителю или прощался с ним, он трижды преклонял колени, говоря *benedicite* (благословите), на что служитель отвечал *Diaus vos benesiga* (да благословит вас Бог). Это был знак уважения к Святому Духу, который, как считалось, пребывает в служителе; о нём часто упоминается в процедурах, ибо это было верным осуждением тех, кому можно было приписать этот акт [4].

Эти практики, а также предписания, содержащиеся в формуле еретизации, свидетельствуют о сильной аскетической тенденции катаризма. Это было неизбежным следствием особого дуализма, который составляет его основу. Поскольку вся материя была делом Сатаны и, следовательно, злой, Дух был вовлечён против неё в вечную борьбу, и катар в своих молитвах просил Бога не шадить его плоть, рождённую от тления, но помиловать его душу, которая была в ней как в тюрьме — *No aias merce de la carn nada de corruption, mais aias merce de l'esperit pausat en carcer*. — Соответственно, всего, что вело к воспроизведению животной жизни, следовало избегать. Чтобы умерщвлять свои чувства, катары ели только хлеб и воду три дня в неделю, кроме времени, когда они были в пути; кроме того, в году было три поста по сорок дней каждый. Брак также был запрещён, за исключением небольшого числа сектантов, которые позволяли девственным мужчинам жениться на девственных девушках при условии, что они прекратят всякие сношения сразу после рождения ребёнка. Умеренные дуалисты ограничивали запрет брака Совершенными и позволяли его простым верующим. У самых строгих плотский брак заменялся духовным союзом души с Богом, осуществляемым через обряд *consolamentum*. Для катаров не было сомнения, что сношения между полами были первородным грехом Адама и Евы, запретным плодом, посредством которого Сатана продолжал осуществлять свою власть над людьми. В исповеди перед Тулузской Инквизицией в 1310 году говорится об одном из учителей ереси, что он не прикоснулся бы к женщине ни за все блага мира; в другом случае женщина рассказывает, что её отец, будучи посвящён через еретизацию, приказал ей больше никогда к нему не прикасаться; и действительно, она соблюдала этот запрет даже у его смертного одра. Аскетизм заходил так далеко, что запрещалось всё, что было результатом животного размножения, — мясо, яйца и молоко; исключение делалось только для рыбы [5]. Осуждение брака и употребления мяса составляло, вместе с запретом клятв, главные внешние признаки катаризма, которые указывали верующих для репрессий. В 1229 году два наиболее влиятельных тосканских катара, Пьетро и Андреа, публично отреклись в Перудже в присутствии Григория IX; два дня спустя они торжественно засвидетельствовали искренность своего обращения, съев мясо перед собранием епископов, что дало повод составить протокол, удостоверяющий факт [6].

Со временем секта, чьё поле деятельности было столь обширно, должна была неизбежно подразделиться. Среди итальянских катаров мы находим, с одной стороны, конкоррезцев — из Конкореццо близ Монцы, в Ломбардии; с другой — байоленцев — из Баньолю, в Пьемонте, — которые исповедовали видоизменённую форму дуализма, согласно которой Сатана был ниже Бога, который позволил ему создать мир и сформировать человека. Конкоррезцы учили, что Сатана ввёл в тело Адама ангела, который слегка согрешил, и они возобновляли старую ересь традучионизма, утверждая, что все человеческие души происходят от этого духа. Напротив, байоленцы утверждали, что все человеческие души были созданы Богом до мира и что уже тогда они согрешили. Эти умозрения породили миф, в котором Сатана изображался как мажордом Неба, обязанный собирать хвалы и псалмопения, которые ангелы должны были ежедневно приносить Богу. Желая стать равным Господу, Сатана отвлёк и оставил себе часть ангельских хвал; узнав об обмане, Бог заменил Сатану Михаилом и изгнал виновного вместе с его сообщниками. Тогда Сатана частично уничтожил воду, покрывавшую землю, и создал Адама и Еву. В течение тридцати лет он тщетно пытался вдохнуть в них души, пока наконец не смог привлечь с Неба двух ангелов, благосклонных к его делу, которые последовательно прошли через тела Еноха, Ноя, Авраама, всех пророков, тщетно ища своего спасения. Наконец, как Симеон и Анна при пришествии Христа, они совершили дело своего искупления и были удостоены возвращения на Небо. Человеческие души — также падшие духи, проходящие период испытаний.

Это верование было столь распространено среди катаров, что привело их к учению о переселении душ, очень похожему на буддийское, хотя и видоизменённое верой в то, что земная миссия Христа имела целью искупление этих падших духов. Пока душа не становилась достаточно совершенной, чтобы вознестись к своему Творцу, как в Moksha, или поглощении в Брахме у индуизма, она должна была претерпевать последовательные существования. Но поскольку душа могла, в искупление своих грехов, быть помещена в низшие животные формы, естественно пришли, как в буддизме и брахманизме, к запрету убивать любое живое существо, кроме рептилий и рыб. Катары, повешенные в Госларе в 1052 году, отказались, даже перед виселицей, убить курицу; в XIII веке это испытание считалось верным средством распознать ересь [7].

В секте было несколько редких философских умов, которые сумели освободиться от этих тщетных умозрений и предвосхитили теории современного рационализма. В глазах этих людей Природа занимала место Сатаны; Бог, создав мир, предоставил управление им Природе, творческой и регулирующей силе всех вещей. Даже производство отдельных видов не является актом божественного Провидения, но следствием хода природы — современник сказал бы: эволюции. Эти натуралисты, как они сами себя называли, отрицали реальность чудес; они объясняли чудеса Евангелий экзегезой, которая была едва ли более неправдоподобной, чем экзегеза ортодоксии, и утверждали, что бесполезно молить Бога о благоприятной погоде, ибо контроль над стихиями принадлежит только природе. Они много писали, и один католический противник признаёт привлекательность их трудов, в частности того, который назывался *Perpendicularum scientiarum* — отвес науки; он добавляет, что эта книга производила глубокое впечатление на читателей смесью философских идей и удачно выбранных текстов Писания.

Прежде чем осмеять доктрину дуализма, мы должны вспомнить, сколь чувствительные и пылкие души склонны к объяснениям такого рода, потому что они остро ощущают несовершенства человеческой природы, контраст, существующий между ней и идеалом, который они себе представляют. Так, около 1500 года ревностный реформатор Флаций Иллирик очень приблизился к катарическим мифам и породил жаркую полемику, утверждая, что первородный грех не был случайностью, но самой субстанцией человека. Он добавлял, что изначальный образ Бога полностью и безвозвратно исчез в момент Падения, что он превратился в образ

Сатаны, как бы через преобразование абсолютного Ничто в абсолютное Зло. Его друзья Музей и Идекс справедливо предупреждали его, что эта теория прямо ведёт к манихейству.

Ортодоксальный аскетизм также очень близок к манихейству своим осуждением плоти, которую он рассматривает как антагониста и врага души. Святой Франциск Ассизский пишет: «Многие люди, когда грешат или терпят какой-либо ущерб, винят своего врага или соседа. Не должно быть так, ибо каждый имеет своего врага в своей власти: это тело, которое есть орудие всякого греха. Блажен слуга, который держит этого врага в плену и остерегается его нападений; когда он поступает так, никакой другой видимый враг не может его достичь». В другом месте святой Франциск заявляет, что его тело — его самый жестокий враг и что он охотно отдал бы его дьяволу.

Согласно доминиканцу Таулеру, главе немецких мистиков XIV века, человек сам по себе есть лишь груда нечистот, существо, рождённое от зла и испорченной материи, достойное лишь внушать ужас; и это мнение полностью разделяли те из учеников Таулера, которые более всего преисполнены милосердия и любви.

Жан-Жак Олье, основатель большой богословской семинарии Сен-Сюльпис, идёт так же далеко, как Манес или Будда, в своём ужасе перед плотью как источником греха. Он выражается так в своём «Катехизисе христианина для внутренней жизни», который, я думаю, до сих пор используется в Сен-Сюльпис: «Я больше не удивляюсь, когда вы говорите, что нужно ненавидеть свою плоть, что должно испытывать ужас перед самим собой и что человек в его нынешнем состоянии должен быть проклят. Поистине, нет такого рода зол и несчастий, которые не должны обрушиться на него из-за его плоти [8]». С подобными доктринами поистине спор о словах — спрашивать, следует ли называть Богом или Сатаной Творца столь гнусного существа, как человек, как венец творения. Конечно, это не может быть благой Бог, Принцип Добра.

В такой вере не было ничего, что могло бы привлечь чувственные души. Она была, в действительности, скорее отталкивающей, и нужно было всё недовольство, вызванное коррупцией и тиранией Церкви, чтобы обеспечить ей столь быстрое распространение. Хотя аскетизм, который она делала законом, был совершенно неосуществим для огромного большинства людей, мораль, которую она преподавала, была поистине достойной восхищения. В общем, её моральные предписания соблюдались, и ортодоксы признавали, со смесью сожаления и стыда, контраст, который в силу этого существовал между еретиками и верующими. Правда, осуждение брака, идея, что отношения мужчины с женщиной столь же греховны, как инцест, все эти преувеличения породили слух, что инцест был одновременно разрешён и практиковался. Рассказывали необычайные истории о ночных оргиях, где свет внезапно гасили, чтобы позволить самую постыдную беспорядочность; рассказывали, что, когда от этих развратов рождался ребёнок, его проводили через огонь, пока он не выпускал дух, и тело этого ребёнка служило для изготовления адской гостии, наделённой такой силой, что всякий, кто её принял, был отныне неспособен покинуть секту. Существует большое разнообразие подобных рассказов, которые эффективно служили возбуждению народной ярости против еретиков; но не следует забывать, что инквизиторы, то есть люди, лучше всего способные знать правду, всегда признавали, что эти рассказы о разврате были необоснованными выдумками. Я прочитал несколько сотен процедур и приговоров, не найдя в них никакого упоминания об этих эксцессах, кроме нескольких дознаний, проведённых в 1187 году фра Антонио Секко в альпийских долинах. В общем, инквизиторы не тратили время на поиск свидетельств о преступлениях, которые, как они знали, были воображаемыми. ««Если вы их расспросите», — говорит святой Бернард, — ничто не может быть более христианским, чем эти еретики; что касается их беседы, ничто не может быть менее предосудительным, и их дела согласуются с их словами. Что до их морали, они никого не обманывают, никого не притесняют, никого не бьют; их щёки бледны от постов, они не едят хлеба праздности, они питаются трудом своих рук». Это последнее утверждение

особенно совершенно верно, ибо катары были по большей части добрыми крестьянами, трудолюбивыми рабочими, которые чувствовали зло вокруг себя и с радостью принимали надежду на перемену. Богословы, которые с ними боролись, называли их невежественными и грубыми, и во Франции их знали под именем *Texerant* (ткачи), потому что ересь была особенно развита среди этих скромных рабочих, чьи монотонные занятия оставляли им больше, чем другим, времени для размышлений. Впрочем, если толпа катаров была невежественной, у них были опытные богословы для их наставления и богатая популярная литература, которая, к сожалению, погибла целиком, за исключением катарического перевода Нового Завета и краткого ритуала. Их глубокое знание Писания засвидетельствовано Лукой, епископом Туйским, который предупреждает христиан против беседы с катарами, если они не очень сведущи в изучении божественного закона и не способны ответить на аргументы своих противников. Строгая нравственность катаров, насколько мы знаем, никогда не подвергалась сомнению: столетие спустя после святого Бернарда даётся то же свидетельство о добродетели тех, кто подвергался преследованиям во Флоренции в середине XIII века. Формула исповеди, использовавшаяся в собраниях, показывает, с какой строгостью там умели предупреждать или подавлять даже легкомыслие мыслей и слов [9].

Больше всего опасались их духа прозелитизма, который не могла остановить ни одна усталость, ни одна опасность. Европа была изборождена их миссионерами, которые шли повсюду нести слово спасения, до самого подножия костров, где они видели, как привязывают их братьев. Внешне они называли себя католиками и исполняли свои религиозные обязанности с примерным рвением, до того дня, когда, завоевав доверие соседей, могли тайно предпринять их обращение. Они распространяли вдоль дорог небольшие пропагандистские сочинения и не стеснялись призывать на помощь суеверия ортодоксии; так, их сочинения обещали индульгенции тем, кто их прочтёт и пустит в обращение; так же они утверждали, что посланы непосредственно Иисусом Христом и путешествуют на спинах ангелов. Нам говорят, что многие католические священники были развращены чтением этих бумажек, подобранных пастухами, которые приносили их кюре, чтобы те им прочитали. Это даёт печальное представление об интеллекте духовенства того времени. Ещё более предосудительный приём был использован катарами Монкуля во Франции. Они изготовили изображение Девы, уродливое и одноглазое, говоря, что Христос, чтобы показать своё смирение, выбрал своей матерью столь уродливую женщину, затем они начали творить чудеса с помощью этого изображения, притворяясь больными и выздоравливающими благодаря ему; в конце концов оно стало столь знаменитым, что с него сделали много копий, которые были помещены в церквях и часовнях, пока еретики не признались в своём обмане, к великому смущению верующих. Нечто аналогичное было сделано с распятием, у которого отсутствовала верхняя часть, где ноги Христа были скрещены и прикреплены только тремя гвоздями. Этот новый тип был скопирован и стал предметом соблазна в тот день, когда узнали, что он был создан с целью осмеяния. В провинции Леон, как мы увидим далее, были ещё более дерзкие обманы, увенчавшиеся успехом.

Рвение к вере, которое возбуждало до безумия усилия миссионеров, проявлялось также в строгом соблюдении предписаний, данных неофиту при принятии в круг Совершенных. В этом отношении катары были как вальденсы. Инквизиция жаловалась на трудность получить признания от простого *credens* (верующего), чья крестьянская хитрость обходила ловкость инквизиторов; напротив, легко было обнаружить Совершенных, которые отказывались лгать и приносить клятву. Один член Святого Офиса советует своим коллегам никогда не спрашивать с самого начала у подозреваемого: «Ты действительно катар?» Ибо ответ будет просто: «Да», и больше ничего нельзя будет добиться. Но если увещевать Совершенного именем его Бога сказать всё, что его касается, он расскажет всю свою жизнь без единой лжи. Когда думаешь, что эта откровенность вела на костёр, поистине любопытно констатировать, что инквизитор,

кажется, ни на мгновение не догадывается о моральном превосходстве, засвидетельствованном таким образом его жертвами.

Нам трудно составить себе представление о том, что собственно в религии катаров было источником их энтузиазма и рвения к мученичеству; но несомненно, что никакое другое верование не может предъявить более длинный ряд приверженцев, которые искали смерть в самой ужасной форме, plutôt чем согласиться на отступничество. Если бы было верно, что кровь мучеников есть семя Церкви, манихейство было бы сегодня господствующей религией Европы. В первом преследовании, о котором сохранилась память, — орлеанском, около 1017 года, — тринадцать катаров из пятнадцати остались непоколебимы перед лицом зажжённого костра; они отказались отречься, хотя им предлагали прощение, и их твёрдость вызвала изумление зрителей. Когда около 1040 года еретики Монфорте были обнаружены и архиепископ Миланский Эриберто вызвал к себе их главу Джерардо, тот поспешил прийти и сам изложил свои верования, счастливый случаю запечатлеть свою веру, предложив свою жизнь. Катары, сожжённые в Кёльне в 1163 году, произвели глубокое впечатление радостным мужеством, с которым переносили своё ужасное наказание. Пока они агонизировали, рассказывают, что их глава Арнольд, уже наполовину сожжённый, высвободил одну руку и простёр её над своими учениками, сказав с величайшим спокойствием: «Будьте стойки в вашей вере, ибо сегодня вы будете со святым Лаврентием!» Среди этой группы еретиков была молодая девушка удивительной красоты, которая вызвала жалость палачей. Её вытащили из пламени и обещали найти ей мужа или поместить в монастырь. Она сделала вид, что согласна, оставалась спокойной, пока все её товарищи не умерли, затем попросила своих стражей показать ей «соблазнителя душ». Они указали ей на тело Арнольда. Тогда она вырвалась из их объятий и, накинув платье на лицо, бросилась на тлеющие останки своего учителя, чтобы спуститься с ним в Ад, унесённая тем же пламенем. Те, кто около того времени был донесён в Оксфорде, отвергли все предложения прощения, повторяя слова Христа: «Блаженны гонимые за правду, ибо их есть Царство Небесное». Поражённые приговором, приговаривавшим их к медленной и позорной смерти, они весело шли на казнь, предшествуемые своим главой Герардом и распевая: «Блаженны вы, когда люди поносят вас». Во время альбигойского крестового похода, при взятии замка Минерв, крестоносцы предложили своим пленникам альтернативу отречения или костра; нашлось не менее 180 человек, предпочтивших костёр, на что монах, рассказавший нам этот эпизод, спокойно замечает: «Без сомнения, все эти мученики дьявола перешли от временного пламени к пламени вечному». Опытный инквизитор XIV века говорит, что катары, когда они не обращались искренне в руки Святого Офиса, всегда были готовы умереть за свою веру, в отличие от вальденсов, которые не отступали перед притворными обращениями, чтобы спастись. Православные писатели тщательно уверяют нас, что упорное рвение этих несчастных не имело ничего общего с стойкостью христианских мучеников, но было просто жестокосердием, внушённым Сатаной; император Фридрих II вменяет им в преступление упорство, которое мешает выжившим быть испуганными или исправленными ужасом наказаний, наложенных на виновных [10].

Было вполне естественно, что этих манихеев обвиняли в поклонении Дьяволу. Людям, привыкшим к обычным практикам ортодоксии, к покупке всего, чего они могли желать, молитвами, деньгами или благочестивыми делами, казалось необходимым, чтобы манихеи, считавшие все материальные вещи делом Сатаны, взывали к нему ради временных выгод. Так, земледelec не мог просить у Бога обильного урожая, но должен был испрашивать эту милость у Дьявола, который для него был создателем пшеницы. Существовала, правда, секта так называемых люцифериан, которые, как считалось, поклонялись Сатане, считая его братом Бога, несправедливо изгнанным с неба и распределителем земных благ; но эти сектанты, как мы увидим далее, были связаны с Братями Свободного Духа, которые, вероятно, сами происходили от ортлибенцев; нет никаких доказательств, что катары когда-либо колебались в своём доверии к Иисусу Христу или стремились к иному благу, кроме соединения с Богом.

Таково было верование, быстрое распространение которого по югу Европы наполнило Церковь вполне оправданным ужасом. Каким бы ужасом ни внушали нам средства, использованные для борьбы с ним, какую бы жалость мы ни должны были испытывать к тем, кто умер жертвой своих убеждений, мы без колебаний признаём, что в этих обстоятельствах дело ортодоксии было не чем иным, как делом цивилизации и прогресса. Если бы катаризм стал господствующим или даже просто равным католицизму, нет сомнения, что его влияние было бы пагубным. Аскетизм, который он исповедовал в отношении отношений между полами, неизбежно привёл бы, если бы стал всеобщим, к вымиранию вида; и поскольку этот результат подразумевает явную абсурдность, вероятно, брак был бы заменён свободными союзами, влекущими за собой разрушение идеи семьи, прежде чем согласиться на исчезновение человеческого рода и возвращение всех изгнанных душ к их Творцу. Осуждая видимую вселенную и материю в целом как дела Сатаны, катаризм делал грехом всякое усилие к материальному улучшению положения людей. Так, если бы это верование завербовало большинство верующих, оно имело бы следствием возвращение Европы к дикости первобытных времён. Оно было не только мятежом против Церкви, но отречением человека перед природой. Такое предприятие было осуждено с самого начала, и нам трудно понять, как оно могло сохраняться так долго, так упорно, даже перед лицом Церкви, которая дала так много поводов для ненависти и презрения. Без сомнения, экзальтация, вызванная преследованием, могла способствовать сохранению катаризма среди энтузиастов и недовольных; но следует повторять, что если бы он восторжествовал, сохранив свою первоначальную чистоту, он наверняка погиб бы от одного лишь действия своих фундаментальных ошибок. Кроме того, из него вышел бы священнический класс, не менее привилегированный, чем католическое духовенство, и этот класс не замедлил бы испытать развращающее действие человеческих амбиций, неиссякаемого источника несправедливости и угнетения.

Почва была, вероятно, подготовлена местным и частичным пережитком древнего манихейства. В 563 году собор в Браге в Испании счёл необходимым провозгласить анафему манихейским догматам в серии из семнадцати канонов. В первой части IX века, когда посвящали епископа на субурбикарную кафедру, ему напоминали папское предупреждение не допускать африканцев в орден, поскольку опыт показал, что многие из них были манихеями. Муратори напечатал анафему на латыни, направленную против манихейских доктрин, которая восходит примерно к 800 году и доказывает, что в то время они ещё преследовались на Западе. Около 970 года, как мы сказали, Иоанн Цимисхий переселил павликиан во Фракию, откуда они очень быстро распространились по Балканскому полуострову. Когда крестоносцы под предводительством Боэмунда Тарентского прибыли в Македонию (1097), они узнали, что город Пелагония полностью населён еретиками; они остановились тогда в своём паломничестве в Святую Землю достаточно надолго, чтобы взять город, сровнять его с землёй и перебить всех его жителей. В Далмации павликиане основали порт Дугуния (Трау), который стал местом одной из их главных епископских кафедр; во времена Иннокентия III мы находим их в большом числе во всех славянских странах полуострова, обращающими множество жителей и причиняющими папе серьёзные заботы. Даже когда катары стали очень многочисленны в Западной Европе, они не забывали, что главный штаб их секты находится на правом берегу Адриатики. Именно там родилась под влиянием богомилов та форма дуализма, известная как конкоррезанизм; именно к епископам этого региона катары охотно представляли богословские трудности, возникавшие среди них.

Очень скоро после утверждения манихеев в Болгарии влияние их миссионеров стало ощущаться на Западе. Правда, у нас об этом времени лишь довольно скудные документы, и нам часто приходится довольствоваться случайным указанием. Но когда мы видим, что Герберт Орийякский, избранный архиепископом Реймским в 991 году, был обязан заявить в исповедании веры, что Сатана зол по своей собственной воле, что Ветхий и Новый Завет имеют равный

авторитет, что брак и употребление мяса разрешены, мы вправе заключить, что павликианские доктрины уже проникли на север вплоть до Шампани. По-видимому, в этой стране действительно был очень древний центр катаризма, ибо в 1000 году крестьянин по имени Леутард из деревни Верту был уличен в преподавании антисакердотальных доктрин, явно манихейского происхождения; добавляют, что он утопился в колодезе после того, как его аргументы были опровергнуты епископом Либурнием. Замок Мон-Вимер в окрестностях Верту долго считался центром ереси. Около того же времени мы находим смутное свидетельство о некоем грамматике из Равенны по имени Вильгард, который, вдохновлённый демонами в образе Вергилия, Горация и Ювенала, утверждал, что делает латинских поэтов непогрешимыми проводниками, и учил многому противному вере. Его ересь была, вероятно, манихейской; это не могло быть просто слепым культом классических авторов, ибо этот век был слишком невежественным, чтобы такой культ мог стать популярным; однако мы узнаём, что у Вильгарда было много учеников во всех городах Италии и что после осуждения их учителя Петром, архиепископом Равеннским, они были сожжены или перебиты. Та же ересь распространилась на Сардинию и Испанию, где была подавлена с чрезвычайной строгостью.

Вскоре после этого катары появились в Аквитании, где обратили много прозелитов. Оттуда ересь тайно распространилась по Южной Франции. Её обнаружили даже в Орлеане в 1017 году при обстоятельствах, привлёкших всеобщее внимание. Зараза была занесена туда женщиной, прибывшей из Италии, которая обратила нескольких видных членов местного духовенства. В своём рвении неофитов они отправили эмиссаров за границу, и эта неосторожность их выдала. При первом известии об этих событиях король Роберт Благочестивый поспешил в Орлеан с королевой Констанцией и созвал собор епископов для обсуждения принимаемых мер. Еретики, допрошенные, исповедали свою веру и заявили, что готовы умереть, plutôt чем отречься от неё. Народное чувство было так сильно возбуждено против них, что Роберт поставил королеву у дверей церкви, где происходило собрание, чтобы помешать тому, чтобы еретики были растерзаны толпой в момент, когда их введут; но Констанция разделяла ярость своих подданных и, когда обвиняемых вели, ударила палкой одного из них, который был её исповедником, и выбила ему глаз. Еретиков вывели за городские стены и там, у подножия зажжённого костра, предложили им отречься; они предпочли умереть, и их мужественный конец изумил всех присутствующих. Тех, кого они обратили, разыскали и безжалостно сожгли. В 1203 году был обнаружен новый очаг ереси в Льеже; но эти сектанты были менее упорны и получили прощение после отречения.

Около того же времени мы находим других в Ломбардии, в замке Монфорте близ Асти, которых безжалостно преследовали соседние сеньоры и епископы и сжигали повсюду, где удавалось их схватить. Около 1010 года Эриберто, архиепископ Миланский, во время поездки по своей провинции прибыл в Асти и, услышав об этих еретиках, пожелал их увидеть. Они пришли без колебаний, включая их учителя Джерардо и графиню Монфорте, которая присоединилась к их секте; все смело исповедали свою веру и были приведены в Милан Эриберто, который надеялся их обратить. Напротив, они старались распространять свою ересь среди толпы, приходившей смотреть на них в тюрьме, пока разъярённая чернь, против воли архиепископа, не вытащила их из темницы и не дала им выбор между крестом и костром. Немногие уступили, но большинство, закрыв лица руками, бросились в пламя. В 1045 году мы видим их в Ульоне; епископ Роже обратился к епископу Льежскому Вазону, спрашивая, что ему делать и не следует ли призвать светскую руку, чтобы помешать закваске ереси испортить весь народ; на что добрый Вазон ответил, что их следует предоставить Богу, «ибо те, кого мир считает сегодня плевелами, могут быть, когда придёт жатва, собраны Богом с пшеницей». «Те, кого мы считаем врагами Бога, — добавлял он, — могут быть поставлены им выше нас на небесах». Вазон слышал, действительно, что еретики обычно выдаются своей бледностью и что, вообра-

жив, будто всякий бледный человек должен быть еретиком, судебные чиновники уже предали смерти множество добрых католиков. Этот опыт делал его осторожным на будущее.

Уже в 1052 году ересь достигла Германии, где благочестивый император Генрих Чёрный велел повесить множество еретиков в Госларе. В течение остального века мы мало о них слышим, хотя о них упоминается в Тулузе в 1050 году и в Безье в 1062 году; около 1200 года мы узнаём, что ересь заразила всю епархию Ажена[11].

В XII веке зло продолжало развиваться на севере Франции. Граф Жан Суассонский считался покровителем еретиков; несмотря на это, епископ Суассонский Лизиард захватил нескольких и первым подал пример того, что должно было стать почти правилом, — использование ордалий для определения виновности еретиков. Один из обвиняемых, брошенный в воду, которая была заклета, всплыл на поверхность; епископ, сильно смущённый, держал всех в тюрьме, пока сам не отправился на собор в Бове в 1114 году, чтобы посоветоваться с другими епископами. Но толпа не разделяла щепетильности прелата. Боясь упустить свою добычу, она ворвалась в тюрьму и сожгла всех обвиняемых в отсутствие епископа; проявление благочестивого рвения, которое хронист передаёт с похвалой.

Около того же времени новый очаг катаризма был обнаружен во Фландрии. Ересиарх, вызванный к епископу Камбрейскому, не пытался скрыть своё преступление; его заперли в хижине, которую подожгли, и он умер молясь. В этом случае толпа, должно быть, была скорее благосклонна к осуждённому, ибо позволила его друзьям собрать его останки, и тогда заметили, что у него много сторонников, в частности среди ткачей. Когда около того же времени мы видим папу Пасхалия II, предупреждающего епископа Констанцкого, что обращённых еретиков следует принимать дружелюбно, мы заключаем, что катаризм уже проник даже в Гельвецию.

По мере продвижения по этому веку проявления ереси становятся более многочисленными. Их констатируют в 1144 году в Льеже, в 1153 году в Артуа, в 1157 году в Реймсе, в 1163 году в Везле, где одновременно произошла весьма знаменательная попытка отвергнуть светскую юрисдикцию аббатства Сент-Мадлен. Катаризм появляется в 1170 году в Безансоне; в 1180 году его снова находят в Реймсе. Этот последний эпизод предлагает живописные детали, сохранённые нам одним из участников драмы, Жерве де Тильбери, который был в то время молодым человеком и каноником Реймса. Однажды после полудня, когда он прогуливался верхом в свите своего архиепископа Гийома, его внимание привлекла хорошенькая девушка, работавшая одна в винограднике. Он тотчас сделал ей предложение, но она отвергла его, сказав, что если она его послушает, то будет навечно осуждена. Столь строгая добродетель была явным признаком ереси; архиепископ немедленно велел отвести девушку в тюрьму как подозреваемую в катаризме (Филипп Фландрский только что провёл против катаров безжалостное преследование). Обвиняемая, допрошенная архиепископом, назвала женщину, которая её наставляла, и та, в свою очередь арестованная, проявила такое знакомство с Писанием, такое умение в защите своей веры, что никто не сомневался, что она вдохновлена самим Сатаной. Богословы, озадаченные, отложили дело до следующего дня; обе обвиняемые упорно отказались уступить как угрозам, так и обещаниям и были единодушно приговорены к сожжению. Тогда старшая из этих женщин рассмеялась и сказала: «Несправедливые и глупые судьи, неужели вы думаете сжечь меня в вашем пламени? Я не боюсь вашего приговора, я не боюсь вашего костра». Тотчас она вытащила из-под одежды клубок ниток и бросила его в окно, держа нить за конец. В то же время она воскликнула: «Возьми его!» Клубок поднялся в воздух; старуха последовала за ним через окно и исчезла... Девушка осталась и безропотно претерпела мучение огня.

Даже в Бретани катаризм появился в 1208 году, в Нанте и Сен-Мало.

Во Фландрии ересь пустила глубокие корни среди трудолюбивых рабочих, которые уже тогда делали свои города центрами богатства и прогресса. В 1162 году Генрих, архиепископ Реймский, во время визита во Фландрию, которая составляла часть его провинции, нашёл

там опасно развитое манихейство. В то время предписания канонического права относительно ереси были ещё неясными и неопределёнными; поэтому архиепископ позволил арестованным им еретикам апеллировать к папе Александру III, тогда находившемуся в Турени. Папа склонялся к милосердию, к великому соблазну архиепископа и его брата Людовика VII, которые советовали строгие меры и утверждали, что обвиняемые предложили огромную сумму в шестьсот марок за освобождение. Если это было так, значит, ересь уже достигла высоких слоёв общества. Несмотря на человечность папы, преследование началось с такой силой, что многие еретики должны были покинуть страну; мы встретим их позже в Кёльне. Двадцать лет спустя зло только усугубилось, и Филипп, граф Фландрский, который позже должен был умереть за веру в Палестине, ревностно преследовал еретиков вместе с Гийомом, архиепископом Реймским. Нам говорят, что они принадлежали ко всем классам общества; были дворяне и крестьяне, клирики, солдаты, рабочие, молодые девушки, замужние женщины, вдовы; многие были сожжены, но contagion остановить не удалось.

Германские народы были относительно невинны, хотя близость рейнских стран и Франции порождала отдельные случаи заражения. Около 1100 года мы слышим в Трире о нескольких еретиках, которые, по-видимому, остались безнаказанными, хотя двое из них были священниками; в 1200 году там находят ещё восемь, которых сожгли. В 1145 году целая группа еретиков была донесена в Кёльне. Некоторых предали суду; но во время процесса население захватило пленников и сожгло их на месте. Должно быть, в то время в Кёльне существовала катарическая церковь, ибо один из мучеников назывался епископом остальных. В 1163 году в Кёльне обнаружили восемь мужчин и три женщины, которые, изгнанные преследованием, свирепствовавшим во Фландрии, укрылись в амбаре. Поскольку они ни с кем не общались и не посещали церкви, их католические соседи заключили, что они еретики, схватили их и отвели к епископу. Они исповедали свою веру и радостно дали себя сжечь. Другие около того же времени взойшли на костёр в Бонне; но мартиролог ереси в Германии XII века на этом заканчивается. Правда, приходили миссионеры из Венгрии, Италии и Франции; мы встречаем их в Швейцарии, Баварии, Швабии и даже в Саксонии; но они совершали мало обращений.

Ересь была не более процветающей в Англии. Вскоре после преследований во Фландрии, в 1166 году, там обнаружили тридцать крестьян, мужчин и женщин, вероятно фламандцев, которые, изгнанные благочестивым рвением Генриха Реймского, переправились через море и старались распространять свои заблуждения. Они обратили только одного человека, женщину, которая отрёклась во время процесса. Остальные остались непоколебимы, когда Генрих II, тогда занятый своей ссорой с Бекетом и желая доказать свою верность Церкви, созвал в Оксфорде собор епископов, который он возглавил, чтобы выяснить верования обвиняемых. Те сделали полные признания и были приговорены к бичеванию, клеймению лица раскалённым железом в форме ключа и затем изгнанию из страны. Важность, которую Генрих II придавал этому делу, подтверждается тем фактом, что вскоре после этого, на Кларендонских ассизах, он специальной статьёй запретил принимать у себя еретиков под угрозой разрушения дома; в то же время он обязал всех шерифов — гражданских чиновников графств — поклясться, что они будут соблюдать этот закон и заставят принести такую же клятву всех управляющих баронов, всех рыцарей и владельцев свободных земель. Со времён конца Римской империи это был первый раз, когда закон против ереси был включён в сборник статуты. Я уже неоднократно отмечал героическое мужество, с которым осуждённые переносили свои наказания. Раздетые до пояса, поражённые удвоенными ударами, заклеянные раскалённым железом, они были изгнаны в разгар зимы в деревню, где, поскольку никто не хотел дать им приют, они погибли жалким образом один за другим. Англия была мало гостеприимна к ереси, и долгое время мы больше не находим там её следов. К концу века несколько еретиков были донесены в провинции Йорк, а в первые годы следующего века некоторых обнаружили в Лондоне. Один из

последних был сожжён. Но можно сказать, что, несмотря на эти отдельные случаи, ортодоксия Англии оставалась нетронутой до появления Уиклифа.

Италия, через которую болгарская ересь достигла Запада, была, естественно, сильно затронута. Милан считался центром ереси; отсюда отправлялись миссионеры, туда приезжали учиться паломники из западных королевств; там же возникло злое название «патарены», под которым катары вскоре стали известны всем народам Европы[12].

Папы, вовлечённые в смертельную войну с Империей и часто вынужденные покидать Италию, мало обращали внимания на еретиков в первой половине XII века, хотя мы знаем, что их заблуждения собирали многочисленных приверженцев. В 1125 году в Орвието они даже сумели на некоторое время захватить власть; но после кровопролитной борьбы они были лишены её католиками. В 1150 году кампания была возобновлена Диотесальви из Флоренции и Джерардо из Массано; после того как епископу удалось их изгнать, их заменили две женщины, Милита из Монтемеано и Джулитта из Флоренции, чьё благочестие и милосердие завоевали уважение духовенства и симпатию народа, пока в 1163 году не обнаружилось, что они были главами группы еретиков. Многие из них были повешены или сожжены, остальные изгнаны. Однако вскоре после этого Пьер Ломбардский взял на себя руководство движением и образовал многочисленную общину, включавшую многих дворян. К концу века Сан-Пьетро ди Паремцо заслужил канонизацию в знак признания суровых мер репрессий, которые он принял против еретиков и за которые они отомстили, убив его (1199).

Тщетно Луций III, поддержанный Фридрихом Барбароссой, обнародовал в 1184 году на Веронском соборе самый суровый эдикт, когда-либо изданный против ереси. Он с негодованием рассказывает, как в Римини народ помешал подеста принести требуемую от него присягу; после чего патарены, изгнанные из города, поспешили туда вернуться и оставались там, не подвергаясь притеснениям. Папа пригрозил наложить интердикт на Римини, если его эдикт не будет там применён в течение тридцати дней.

Эти эпизоды можно рассматривать как примеры борьбы, которая тогда велась во многих итальянских городах. Крайняя политическая раздробленность этой страны делала почти невозможными общие меры репрессий. Подавленная в одном городе, ересь тотчас процветала в другом, готовая, как только буря пройдёт, дать новых миссионеров и новых мучеников. От Альп до вотчины святого Петра вся северная часть полуострова была как бы усеяна гнёздами еретиков; их находили даже на юге, вплоть до Калабрии.

Когда Иннокентий III в 1198 году взошёл на папский престол, он тотчас начал активную войну против ереси. Упорство сектантов ясно проявилось в борьбе, вспыхнувшей тогда в Витербо, городе, подвластном как светской, так и духовной юрисдикции папы. В марте 1199 года Иннокентий, испуганный успехами ереси, написал жителям Витербо, чтобы возобновить и ужесточить наказания, установленные против тех, кто принимал или защищал еретиков. Несмотря на это, в 1205 году еретики победили на муниципальных выборах и поставили во главе города отлучённого. Негодование папы не знало границ. ««Если бы», — говорит он жителям Витербо, — стихии сговорились вас уничтожить, не щадя ни возраста, ни пола, предавая вашу память вечной благодати, наказание было бы ещё ниже ваших преступлений». Он приказал, чтобы новый муниципалитет был смещён, чтобы никто не считался с его приказами, чтобы епископ, который был изгнан, был возвращён, чтобы законы против ереси были усилены; в случае, если в течение пятнадцати дней всё не вернётся в порядок, жители соседних городов и замков должны были взяться за оружие и обращаться с Витербо как с мятежным городом. Эффект этих угроз был недолгим. Два года спустя, в феврале 1207 года, произошли новые беспорядки, и только в июне того же года, когда Иннокентий сам приехал в Витербо и все патарены бежали при его приближении, он смог очистить город, разрушив все дома еретиков и конфисковав их имущество. В сентябре он дополнил эти меры, издав декрет всем верным вотчины святого Петра, предписывающий всем коммунам внести в свои местные законы новые меры

против еретиков и всем чиновникам принести присягу под самыми суровыми наказаниями, что они будут следить за исполнением этих законов. Более или менее жестокие меры, принятые в Милане, Ферраре, Вероне, Римини, Флоренции, Прато, Фаэнце, Пьяченце и Тревизо, показывают, насколько зло было распространено, насколько трудно стало с ним бороться и какое поощрение оно находило повсюду в скандалах, подаваемых духовенством.

Но особенно на юге Франции борьба должна была быть ужасной. Там, как мы видели, почва была более благоприятной, чем где-либо, для развития ереси. С начала XII века сопротивление открыто заявляет о себе в Альби, где епископ Сикар, поддержанный аббатом Кастра, попытался заключить в тюрьму упорных еретиков и был остановлен народом. Амелий Тулузский около того же времени испробовал более мягкий метод, призвав в город знаменитого Роберта д'Арбрисселя, чья проповедь, как нас уверяют, вызвала многочисленные обращения. В 1119 году Каликст II председательствовал в Тулузе на соборе, который осудил манихейскую ересь, но должен был довольствоваться наложением на еретиков наказания отлучения. Странно, что, когда Иннокентий II, изгнанный из Рима антипапой Пьерлеоне, бродил по Франции и пришёл провести большой собор в Реймсе в 1131 году, никаких мер для подавления ереси принято не было; но, восстановленный на римском престоле, папа понял необходимость действий. На втором вселенском Латеранском соборе в 1139 году он издал декрет, интересный для нас как первый по времени призыв к светской руке. Не только катары должны были быть исключены из Церкви, но светским властям было приказано принять меры против них и их защитников. Та же политика была принята в 1148 году Реймским собором, который запретил кому бы то ни было принимать на своих землях еретиков, проживающих в Гаскони, Провансе или elsewhere, или давать им приют даже проездом, под угрозой отлучения и интердикта.

Когда Александр III был изгнан из Рима Фридрихом Барбароссой и антипапой Виктором, он приехал во Францию и созвал в 1163 году большой собор в Туре. Это было внушительное собрание, включавшее семнадцать кардиналов, сто двадцать четыре епископа — среди прочих Томаса Бекета — и сотни аббатов, не считая множества других церковнослужителей и мирян. Собор, должным образом предав анафеме папу-соперника, выразил свой ужас перед ересью, которая, родившись в Тулузене, распространилась как рак по Гаскони, заражая повсюду стада верующих. Епископам этих стран было предписано провозгласить анафему против всех, кто позволит еретикам оставаться на своих землях или будет поддерживать с ними какую-либо торговлю куплей-продажей; таким образом изгнанные из всякого человеческого общества, они будут вынуждены оставить свои заблуждения. Всем государям было приказано бросать еретиков в тюрьмы и конфисковывать их имущество. Два года спустя коллоквиум в Ломбере (близ Альби) показал, насколько папа обманывался, полагая, что еретиков можно поместить в карантин. Там произошла публичная дискуссия между представителями ортодоксии и «Добрыми людьми» в присутствии Понса, архиепископа Нарбоннского, нескольких епископов и самых могущественных сеньоров страны, среди прочих Констанции, сестры короля Людовика VII и жены Раймунда Тулузского, Тренкавеля Безье, Сикара де Лотрека и т. д. Почти всё население Ломбера и Альби откликнулось на призыв, и коллоквиум, несомненно, рассматривался как большое дело общественного интереса. Арбитры были согласованы обеими сторонами. Мы знаем из нескольких православных источников ход дебатов; но единственный интерес, который представляет этот инцидент, — это показать, что ересь уже не находилась под контролем местных церквей, что разум получил слово после насилия, что еретики не испытывали никаких угрызений совести, объявляя себя таковыми, и что католические богословы были вынуждены принять условия своих противников, обязавшись цитировать в качестве авторитетов только тексты Нового Завета. Бессилие Церкви проявлялось ещё и в том, что собрание после поражения еретических докторов должно было довольствоваться приказом дворянам Ломбера отказать катарам в своей защите. В следующем году на соборе в Кабестане Понс Нарбоннский доставил себе бесплодное удовлетворение, подтвердив выводы коллоквиума в Ломбере. Демо-

рализация стала такой, что когда несколько цистерцианских монахов покинули свой монастырь Вильмань близ Агда и публично взяли женщин, Понс был бессильна их наказать и должен был звать, вероятно безуспешно, к вмешательству Александра III.

Церковь была, очевидно, бессильна. Осуждать доктрины еретиков, не имея возможности коснуться их лиц, означало признать, что она не обладает никакой организацией, способной бороться со столь грозной оппозицией. Дворяне, как и народ, не были расположены стать её инструментами, и без их содействия анафемы, которые она провозглашала, должны были оставаться естественно неэффективными. Катары это заметили, и два года спустя после коллоквиума в Ломбере, в 1167 году, они осмелились провести собор в Сен-Феликс-де-Карамане близ Тулузы. Их высший сановник, епископ Николай, прибыл из Константинополя, чтобы председательствовать; прибыли также делегаты из Ломбардии. На этом собрании катарическая церковь Франции была укреплена против видоизменённого дуализма конкоррезцев; епископы были избраны на вакантные кафедры Тулузы, Валь-д'Арана, Каркассона, Альби и Франции к северу от Луары. Последним был Роберт де Спероне, позже бежавший в Ломбардию, где он дал своё имя секте сперонистов. Были назначены комиссары для улаживания вопроса о границах между епархиями Тулузы и Каркассона. Одним словом, 120 дел были рассмотрены так, как если бы речь шла об установленной и независимой Церкви, которая считала себя предназначенной заменить Римскую. Основанная, как она была, на привязанности и уважении народа, которые Рим потерял, катарическая церковь имела тогда право стремиться к верховенству.

Успехи, которых она достигла за десять последующих лет, были таковы, что могли оправдать самые высокие надежды. Раймунд Тулузский, чья власть была фактически властью независимого государя, вступил в союз с Фридрихом Барбароссой, признал антипапу Виктора и его преемников и не обращал никакого внимания на Александра III, который в то время признавался законным папой в остальной Франции. Церковь, ослабленная схизмой, могла предложить лишь слабые препятствия развитию ереси. Но в 1177 году Александр III победил и получил покорность Фридриха. Раймунд последовал необходимости за своим сюзереном (большая часть его владений зависела от Империи) и тогда вдруг обнаружил, что должен остановить успехи ереси. Несмотря на свою мощь, он чувствовал, что задача выше его средств. Горожане его независимых и недисциплинированных городов были в большинстве катарами. Многие из его рыцарей и сеньоров были, тайно или открыто, защитниками ереси; простой народ презирал духовенство и почитал еретиков. Когда еретик проповедовал, толпа теснилась, чтобы аплодировать ему; когда это был католик, что, впрочем, было реже, у него с насмешками спрашивали, по какому праву он учит слову Божьему. Раймунд, непрерывно воевавший с могущественными вассалами и ещё более могущественными соседями, как короли Арагона и Англии, очевидно, не мог предпринять истребление более половины своих подданных. Можно сомневаться, что он был искренен в желании уничтожить ересь, которое он professed; но, как бы то ни было, ситуация, в которой он находился, интересна, потому что она является предвосхищённым образом ужасных трудностей, которые должны были обрушиться на его сына и внука и привести дом Тулузы к ruin.

Решив по крайней мере спасти видимость, Раймунд обратился за помощью к королю Людовику VII и, помня о подвигах святого Бернарда, который в предыдущем поколении могущественно способствовал подавлению генрихиан, обратился к преемнику Бернарда, Генриху Клервоскому, главе цистерцианского ордена. В своём призыве он описывает в самых мрачных красках состояние ортодоксии в своих владениях. Духовенство позволило себя совратить; церкви были заброшены и разрушались; таинства презирались; дуализм брал верх над тринитаризмом. Несмотря на своё нетерпение стать орудием божественной мести, он чувствовал себя бессильным, потому что главные из его подданных приняли ересь, и лучшая часть его народа сделала то же. Духовные наказания больше не внушали никакого страха, и ничего нельзя было

добиться, кроме как силой. Если король соизволит прийти, Раймунд обещал лично провести его по стране и сам указать ему еретиков, которые должны быть наказаны.

Генрих II, король Английский, который в качестве герцога Аквитанского был очень заинтересован в этом деле, только что заключил мир с королём Франции. Оба монарха вели переговоры с намерением объединить свои силы и вместе двинуться на помощь Раймунду. Аббат Клервоский, со своей стороны, написал Александру III, побуждая его исполнить свой долг и обуздать ересь, как он уничтожил схизму. Меньшее, что мог сделать папа, говорил он, — это приказать своему легату, кардиналу Пьеру Сан-Кризогоно, остаться во Франции и атаковать еретиков. Вскоре, однако, рвение обоих королей остыло, и вместо того, чтобы выступить в поход со своими армиями, они довольствовались отправкой миссии, состоящей из кардинала-легата, архиепископов Нарбоннского и Буржского, Генриха Клервоского и других прелатов, одновременно приказав графу Тулузскому, виконту Тюреннскому и другим дворянам содействовать задаче миссионеров.

Если Раймунд был искренен, это было не то содействие, которое ему было нужно. Короли решили предоставить действовать духовному мечу, а Раймунд был слишком ловок, чтобы истощать свои силы в борьбе против своих подданных, тем более что против него тогда формировалась угрожающая лига по наущению Альфонса II Арагонского между дворянами Нарбонна, Нима, Монпелье и Каркассона. Предоставляя свою защиту прелатам-миссионерам, он не помышлял обнажить меч, чтобы облегчить их дело. Когда они вошли в Тулузу, еретики толпой собрались вокруг них, освистали их, называли лицемерами и отступниками. Генрих Клервоский утешается этим тяжёлым приёмом, замечая, что если бы он и его спутники прибыли в Тулузу тремя годами позже, они не нашли бы там даже одного католика, чтобы их принять.

Бесконечные списки еретиков были составлены и вручены миссионерам; во главе стоял Пьер Мауран, очень богатый и очень влиятельный старик, столь universally уважаемый своими единоверцами, что народ называл его Иоанном Евангелистом. Его выбрали, чтобы сделать пример. После долгой процедуры он был изобличён в ереси; но тогда, чтобы спасти своё имущество, которому угрожала конфискация, он согласился отречься и понести наложенную на него епитимию. Обнажённый до пояса, поражённый с обеих сторон сильными ударами дисциплины епископом Тулузским и аббатом Сен-Сернена, он был проведён через огромную толпу к алтарю собора Сент-Этьен: там ему было приказано предпринять трёхлетнее паломничество в Святую Землю, позволить себя бичевать каждый день на улицах Тулузы до своего отъезда, вернуть Церкви все церковные земли, которые он занимал, и все деньги, которые он приобрёл ростовничеством, и наконец заплатить графу пятьсот ливров серебром, чтобы выкупить оставленное ему имущество.

Эти энергичные меры произвели желаемый эффект. Множество катаров поспешили заключить мир с Церковью; но доказательством малой искренности этих обращений является то, что Мауран, вернувшись из Палестины, был трижды избран капитулом своими согражданами и что его семья осталась решительно враждебной католичеству. В 1231 году некий старик по имени Мауран был осуждён как Совершенный, а в 1235 году другой Мауран, который был капитулом, был отлучён за то, что противился введению инквизиторов. Огромный штраф, который был вырван у первого Маурана для уплаты графу Тулузскому, был как раз тем, что нужно было, чтобы возбудить религиозное рвение государя; но даже этот стимул не был достаточен, чтобы заставить его предпринять невозможное. Когда легат пожелал сокрушить двух ересиархов, Раймунда де Баймиака и Бернара Раймунда, катарических епископов Валь-д'Арана и Тулузы, он был вынужден дать им охранную грамоту, чтобы они согласились предстать перед ним, и должен был затем довольствоваться их отлучением. Немного позже, во время дознания против могущественного Роже Тренкавеля, виконта Безье, виновного в заключении в тюрьму епископа Альби, легат не смог добиться полного удовлетворения: он отлучил Роже, но нам не говорят, что пленный прелат был освобождён. Миссия, столь помпезно объявленная,

вернулась во Францию, и мы вполне расположены верить хронистам того времени, когда они говорят нам, что она почти ничего не добилась. Правда, она убедила Раймунда Тулузского и его дворян издать эдикт об изгнании всех еретиков; но этот эдикт остался мёртвой буквой [13].

В сентябре того же 1178 года Александр III созвал третий Латеранский собор. Письмо о созыве содержит зловещий намёк на плевелы, которые душат зерно и должны быть вырваны с корнем. Когда собор собрался в 1179 году, он оплакал порочность патаренов, которые публично совращали верующих по Гаскони, Альбижуа и Тулузену; он рекомендовал светской власти использовать силу, чтобы принудить этих людей к спасению; он провозгласил, как обычно, анафему на еретиков, на тех, кто давал им приют и защиту, и он включил в число еретиков коттеро, брабансонов, арагонцев, наваррцев, басков и триавердинов, о которых речь пойдёт ниже. Затем он решился на гораздо более серьёзную меру, провозгласив крестовый поход против всех врагов Церкви — первый пример использования этого грозного оружия против христиан и отправка точка практики, которая поставила на службу Церкви и её частным ссорам воинственное ополчение, всегда мобилизуемое. Индульгенция на два года была обещана всем, кто возьмётся за оружие за святое дело; Церковь давала им свою защиту и обещала вечное спасение тем, кто умрёт за неё. Среди воителей того времени, беспокойных и обременённых всеми преступлениями, было нетрудно ценой таких обещаний поднять армию, не обеспечивая ей жалованья.

Тотчас после возвращения с собора Понс, архиепископ Нарбоннский, поспешил опубликовать этот декрет со всеми его анафемами и интердиктами, которые он распространил на тех, кто вымогал у путешественников новые пошлины — злоупотребление, знакомое феодальным сеньорам и которое мы будем постоянно видеть в альбигойских ссорах. Генрих Клервоский отказался от трудной кафедры Тулузы, которая стала вакантной вскоре после его визита в этот город в 1178 году; но он принял титул кардинала Альбанского и тотчас был назначен легатом папы для проповеди и руководства крестовым походом. Его красноречие позволило ему собрать значительные силы, во главе которых в 1181 году он обрушился на владения виконта Безье и осадил крепость Лавор, где укрылась виконтесса Аделаида, дочь Раймунда Тулузского, с главными из патаренов. Нам говорят, что Лавор был взят чудом и что в разных частях Франции кровотокающие гости возвестили победу христианского оружия. Роже де Безье поспешил покориться и поклясться, что больше не будет защищать ересь. Раймунд де Баймиак и Бернар Раймунд, катарические епископы, взятые в плен, отреклись от ереси и были вознаграждены пребендами в двух церквях Тулузы. Многие другие еретики покорились, но вернулись к своим заблуждениям, как только опасность миновала. Крестоносцы, обязавшиеся служить лишь на довольно короткое время, разбрелись, и на следующий год кардинал-легат вернулся в Рим, не совершив в действительности почти ничего, кроме как усилив озлобление еретической страны опустошениями, которые его войска там произвели. Раймунд Тулузский, тогда вовлечённый в отчаянную борьбу против короля Арагонского, по-видимому, остался совершенно безучастным, не служа ни в одном, ни в другом лагере.

Коттеро и брабансоны, которых Латеранский собор осудил вместе с патаренами, заслуживают того, чтобы мы на них на мгновение остановились. Мы будем постоянно встречать их на нашем пути, и их поддержание составило преступление, которое стоило Раймунду VI Тулузскому почти столько же враждебности со стороны Церкви, сколько защита еретиков, в которой его обвиняли. Это были флибустьеры, предшественники тех грозных вольных рот, которые, особенно в XIV веке, были ужасом всех мирных жителей и причинили цивилизации неисчислимые беды. Разнообразие названий, под которыми они были известны, — брабансоны, геннегауэрцы, каталонцы, арагонцы, наваррцы, баски и т. д., — показывает, насколько зло было распространено и как каждая провинция приписывала своей соседке формирование этих проклятых банд. Более фамильярные обозначения *Brigandi*, *Pilardi*, *Ruptarii*, *Mainatae* (*Mesnie*) и т. д. достаточно говорят, каковы были их занятия; что же до других названий —

Cotarelli, Palearii, Triaverdins, Asperes, Vales, — они открыли неограниченное поле для фантазии этимологов. Эти банды рекрутировались среди ленивых, развратных, крестьян, разорённых войнами, беглых крепостных, изгнанников, преступников, бежавших из тюрем, недостойных священников и монахов и вообще среди пены общества, которую непрестанные волнения эпохи заставляли подниматься на поверхность. Образованные в более или менее многочисленные отряды, они жили за счёт страны и поступали на службу к сеньорам, которые обещали им жалованье или грабёж, всякий раз, когда тем нужна была военная сила на срок более длительный, чем тот, который закон делал обязанностью вассала. Хроники того времени полны стенаний об их непрестанных опустошениях; церковные анналисты настаивают на том, что их злодеяния ложились ещё тяжелее на церкви и монастыри, чем на замки сеньоров и хижины крестьян. Они издевались над священниками, которых называли «певцами», и одним из их диких удовольствий было избивать их до смерти, насмешливо испрашивая их заступничества: «Пой нам, певец, пой нам!» В довершение святотатства видели, как они разбрасывали по земле освящённые гостии, похитив дарохранительницы, и яростно топтали их. Народ считал их не только еретиками, но и атеистами. В 1181 году епископ Этьен Турнейский описывает в потрясающих выражениях ужас, который он испытал, когда, облечённый миссией короля, проезжал через Тулузен, только что опустошённый войной между графом Тулузским и королём Арагонским. Среди обширных пустынь он видел только разрушенные церкви, заброшенные деревни, где он постоянно боялся быть атакованным разбойниками и, что ещё хуже, грозными бандами коттеро. Вероятно, в результате крестового похода, объявленного против них одновременно с патаренами, вскоре после этого была предпринята общая кампания против бандитов центральной Франции. Их оттеснили к Шатодену, и там в июле 1183 года они потерпели кровавое поражение, потеряв шесть тысяч человек, по одним данным, десять тысяч пятьсот — по другим. Победителям пришлось разделить, помимо огромной добычи, пятьсот публичных девушек, сопровождавших разбойников. Хотя они приняли имя *Rasiferi*, защитники порядка не проявили жалости. Через две недели после битвы один из капитанов ротьеров был взят с 1500 человек, которые все были немедленно повешены; около того же времени ещё 80 пленников были ослеплены.

Несмотря на это суровое подавление, зло продолжало свирепствовать. Причины, которыми оно было вызвано, оставались не менее активными, и услуги этих беспринципных и нерелигиозных наёмников продолжали быть необходимыми великим феодальным сеньорам, вовлечённым в бесконечные войны с соседями.

Неудача крестового похода 1181 года, по-видимому, на время обескуражила Церковь. В течение четверти века ересь могла развиваться с относительной свободой в Гаскони, Лангедоке и Провансе. Правда, декрет папы Луция III, изданный в Вероне в 1184 году, является первой попыткой организовать Инквизицию; но он не имел немедленного эффекта. Правда и то, что в 1193 году другой легат папы, Мишель, провёл провинциальный собор в Монпелье, где приказал исполнять каноны Латерана в отношении еретиков и разбойников, чьё имущество должно было быть конфисковано и которые должны были быть обращены в рабство; но все его настояния не могли победить равнодушие дворян, которые не заботились об истреблении части своих подданных, чтобы угодить иерархии, чьи приказы больше не внушали им уважения. Возможно также, что взятие Иерусалима неверными в 1186 году направило в Палестину всё доступное религиозное рвение, не оставив ничего для служения вере в самой Европе. Как бы то ни было, никакое эффективное преследование не предпринималось, пока энергичная дипломатия Иннокентия III, тщетно испробовав менее суровые средства, не организовала смертельную войну против ереси.

Во время перемирия Лионские бедняки были вынуждены объединиться с катарами; рвение прозелитизма, некогда столь эффективное, несмотря на преследования, воспользовалось отменой репрессивных мер, чтобы проявляться ещё интенсивнее, не имея ничего бояться духо-

венства, одновременно обескураженного и небрежного в своих обязанностях. Еретики проповедовали и обращали, в то время как священники считали себя счастливыми, если могли вырвать часть своих десятин и доходов у жадности дворян и враждебного равнодушия своих прихожан. Иннокентий III признал, как унижительный факт ту истину, что еретики проповедовали и учили публично, без принятия каких-либо мер, чтобы их остановить. Гийом де Тюдель говорит, что еретики владели Альбижуа, Карнисе и Лораге, что весь регион между Безье и Бордо был заражён. Готье Мапес сообщает нам, что в Бретани их не было, но они изобиловали в Анжу и что в Аквитании и Бургундии их число было огромным. Согласно Гийому де Пюи-Лорану, Сатана мирно царствовал над большей частью Южной Франции; духовенство было столь презираемо, что священники скрывали свою тонзуру, что епископы были вынуждены принимать в ордена всякого, кто являлся к рукоположению; вся страна, как поражённая проклятием, производила только тернии, чертополох, похитителей, бандитов, воров, убийц, прелюбодеев и ростовщиков. Цезарий Гейстербахский заявляет, что альбигойские заблуждения распространились так быстро, что вскоре охватили тысячу городов, и он верит, что если бы они не были побеждены мечом верных, вся Европа была бы заражена. Один немецкий инквизитор утверждает, что в Ломбардии, Провансе и других регионах было больше школ ереси, чем ортодоксальной теологии; что еретики публично спорили и созывали народ на свои дебаты; что они проповедовали на рыночных площадях, в полях, в домах, и никто не смел им противиться из-за числа и могущества их защитников. Как мы уже видели, они были регулярно организованы в епархии; у них были свои учебные заведения для женщин и для мужчин, и однажды видели, как все монахини одного монастыря приняли катаризм, не покидая ни дома, ни одежды своего Ордена.

Таково было положение, до которого коррупция довела Церковь. Озабоченная увеличением своей мирской власти, она почти отказалась от своих духовных функций, и её империя, построенная на духовных основах, рушилась вместе с ними. Мало кризисов в истории Церкви было более опасными, чем тот, который предстояло встретить Лотарию Конти, когда он принял пурпур в возрасте 38 лет. В своей проповеди при посвящении он объявил, что одной из его главных обязанностей будет уничтожение ереси; до конца, среди бесконечных конфликтов с императорами и королями, он оставался верен этому обязательству. К счастью, он обладал качествами, необходимыми для того, чтобы провести повреждённую ладью Святого Петра через бури и рифы; он вёл её, если не всегда с мудростью, то с настойчивым мужеством и непоколебимой уверенностью, которые позволили ему выполнить до конца свою высокую миссию.

Глава четвертая. — Альбигойские крестовые походы

Политика Церкви в отношении ереси — Подавление ереси в Ниверне — Переводы Писания запрещены в Меце — Могущество Раймунда VI Тулузского — Состояние Церкви в его владениях — Иннокентий III предпринимает попытку уничтожить ересь — Прелаты отказывают в содействии — Арно де Сито направлен главным легатом — Тщетные усилия организовать Крестовый поход в 1204 году — Епископ Осмы и святой Доминик ходатайствуют о новых усилиях в 1206 году — Попытка организовать Крестовый поход в 1207 году — Убийство Пьера де Кастельно, 16 января 1208 года — Крестовый поход успешно проповедан в 1208 году — Усилия Раймунда отвести бурю — Он подчиняется; двуличие Иннокентия III — Раймунд направляет Крестовый поход против виконта Безье — Разграбление Безье и капитуляция Каркассона — Пьер Арагонский и Симон де Монфор — Монфор принимает завоёванные территории — Раймунд подвергается нападению. Хитрая политика Церкви — Отчаянные усилия Раймунда предотвратить разрыв — Первая осада Тулузы; Раймунд разгромлен. — Вмешательство Пьера Арагонского — Раймунду отказывают в судьях — Пьер объявляет войну. Битва при Мюре, 13 сентября 1213 года — Перемежающиеся успехи Монфора. Благочестивый обман легата — Низложенный Раймунд заменён Монфором — Латеранский Собор решает в пользу Монфора — Восстание народа под руководством молодого Раймунда — Вторая осада Тулузы в 1217 году. Смерть Монфора — Крестовый поход Людовика Львиное Сердце. Третья осада Тулузы — Раймунд VII возвращает свои владения. Возобновление ереси — Начало переговоров. Смерть Филиппа Августа — Людовик VIII предлагает Крестовый поход. Раймунд заключает мир с Церковью — Двуличие Гонория III. Буржский Собор, ноябрь 1223 года — Людовик организует Крестовый поход 1226 года — Его успехи, его отступление и его смерть — Война без результата в 1227 году. Переговоры в 1228 году — Парижский договор, апрель 1229 года. Устанавливается преследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.